
ВОЕННОЕ ИСКУССТВО СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Стратегия и оперативное искусство

В ходе первого и второго периодов Великой Отечественной войны советские Вооруженные силы трижды переходили к стратегической обороне как основному способу ведения военных действий. Так было в летне-осенней кампании 1941 г., летних кампаниях 1942 и 1943 гг. В первом периоде войны это являлось вынужденной мерой. Всего было проведено 16 стратегических оборонительных операций: из них 14 — в оборонительных кампаниях 1941 и 1942 гг. и две — в летней кампании 1943 г.¹

Крайне неблагоприятны были условия, в которых возникали и велись стратегические оборонительные операции советских вооруженных сил в первом периоде войны, что в значительной мере отразилось на их подготовке, ведении и конечных результатах. Трудности усугублялись отсутствием опыта организации и ведения подобной обороны. К тому же по ряду причин в предвоенные годы теория этого вопроса была отработана недостаточно полно. Накануне войны считалось, что оборона является таким же закономерным видом военных действий, как и наступление, но рассматривалась она как вынужденная, кратковременная, и ее масштаб не должен перерастать рамок армейской оборонительной операции. В соответствии с этими положениями отрабатывались вопросы подготовки командования, штабов и войск.

Начавшаяся война внесла свои коррективы в существовавшую теорию. И прежде всего это отразилось на масштабах операций. Оборона с первого дня войны имела стратегический масштаб. К оборонительным действиям перешли все приграничные военные округа, ставшие фронтовыми объединениями, но не только фронты и армии проводили оборонительные операции. Красная армия вынуждена была разработать две оборонительных кампании.

Стратегические оборонительные операции в начале летней кампании 1941 г. проводились силами одного фронта на каждом из трех стратегических направлений, что в условиях большого размаха операций, динамичности действий не способствовало успешному решению задач создания непреодолимой обороны. Не хватало времени на подготовку, ощущался недостаток в силах и средствах, оставляло желать лучшего материально-техническое обеспечение. В конечном итоге это привело к потере значительной территории Советского Союза — Прибалтики, Белоруссии, Украины, выходу противника на подступы к Ленинграду, Москве, в Крым, а также к большим потерям в людях и военной технике.

В 1942 г. масштаб стратегических оборонительных действий несколько уменьшился, оборону приходилось вести уже на одном стратегическом направлении, но результаты этих операций были также далеко не блестящими. Летом 1942 г. Ставка ВГК, согласившись с мнением Генерального штаба о переходе к стратегической обороне, одновременно распорядилась провести ряд наступательных операций, по сути на всех стратегических направлениях: под Ленинградом, в районе Демянска, на смоленском, курском, харьковском и в Крыму. Однако проведенные наступательные операции не дали ожидаемого положительного результата и к тому же отрицательно сказались на подготовке стратегической обороны, что имело тяжелые последствия: противник овладел Крымом, вышел на перевалы Главного Кавказского хребта, на подступы к бакинской нефти, к Сталинграду и перекрыл водный путь по Волге, тем самым отрезав центр страны от той же бакинской нефти.

Во втором периоде Великой Отечественной войны, в 1943 г., оборона стала более устойчивой. Стратегические оборонительные операции приобрели новые черты. Под Курском советские войска переходили к обороне не вынужденно, а преднамеренно. Оборона стала носить ярко выраженный позиционный характер, при этом сохранялся активный способ ее ведения. Готовя оборону в районе курского выступа, советское командование, чтобы обезопасить себя от каких-либо случайностей, в тылу двух фронтов (Центрального и Воронежского) развернуло еще один фронт (Степной), а восточнее, по левому берегу р. Дон, подготовило государственный рубеж обороны. То есть в отличие от лета 1942 г. первоначально все внимание было уделено подготовке оборонительных операций. И лишь затем, оценивая результаты оборонительных действий, окончательно решался вопрос о переходе к стратегическому наступлению.

Следует отметить, что оборонительным операциям второго периода войны предшествовал довольно продолжительный подготовительный этап, в ходе которого заранее, причем преднамеренно, создавалась прочная глубокоэшелонированная оборона, носившая ярко выраженный противотанковый характер.

Сравнивая условия перехода к стратегической обороне по периодам войны, необходимо отметить, что они оказывали огромное влияние на характер оборонительных действий, на цели и эффективность ее ведения.

Вынужденная стратегическая оборона первого периода Великой Отечественной войны характеризовалась огромным пространственным размахом, недостаточной степенью масширования сил и средств, а отсюда их невысокой плотностью на решающих направлениях. В стратегических построениях имелись разрывы между группировками войск. Для того чтобы истощить и остановить мощные наступательные группировки немецко-фашистских войск, летом и осенью 1941 и 1942 гг. на каждом стратегическом направлении советские войска были вынуждены проводить от двух до четырех последовательных по глубине стратегических оборонительных операций. Так, на западном, московском направлении были проведены оборонительные операции: в Белоруссии, Смоленская и на дальних и ближних подступах к Москве.

Стратегические оборонительные операции второго периода войны, носившие преднамеренный характер, отличались более высокой эффективностью, что нашло свое выражение в их результатах. В полосе обороны Центрального фронта наступательная группировка врага смогла продвинуться в глубину на 10–12 км, не прорвав даже тактической зоны обороны советских войск. В полосе Воронежского фронта противник смог продвинуться на глубину до 35 км, увязнув в оперативной зоне обороны. Последовательных оборонительных операций советским войскам проводить не потребовалось.

Подготовка и ведение стратегических оборонительных операций в первом и втором периодах Великой Отечественной войны были трудными задачами. Теория стратегических оборонительных операций до начала войны не разрабатывалась. Формы и способы подготовки и ведения стратегических оборонительных действий пришлось определять уже в ходе начавшейся войны. Была выработана и практически воплощена в жизнь новая форма ведения оборонительных действий — стратегическая оборонительная операция группы

фронтов. Такая операция позволяла увязывать действия различных видов вооруженных сил и родов войск. В ходе ведения военных действий стратегическая оборона становилась более устойчивой. Ей был присущ активный характер. В ходе войны усилилась взаимосвязь обороны и наступления. Часто стратегические оборонительные действия стали проводиться в интересах решения наступательных задач.

В межвоенный период основное внимание в разработке теории оперативной обороны советское военное командование уделяло подготовке и ведению армейских оборонительных операций. Теория фронтовых оборонительных операций к началу Великой Отечественной войны не была достаточно разработана².

В предвоенный период предполагалось, что общевойсковая армия может осуществлять два вида обороны: позиционную — в целях прочного удержания подготовленных оборонительных рубежей (иногда употребляли термин «упорная») или маневренную (по терминологии того времени «подвижная»), основанную на широком использовании засад, внезапных ударов и перемещения войск для последовательного удержания рубежей, выигрыша времени, накопления резервов и решительного разгрома противника в случае его вклинения в оборону. Маневренную оборону предполагалось применять в тех случаях, когда подавляющее превосходство противника исключало возможность ведения позиционной обороны на нормальном или широком фронте и когда обстановка позволяла уступить часть пространства, чтобы сохранить свои силы и выиграть время.

Начавшаяся война в корне перечеркнула взгляды на превалирующую роль армейской оборонительной операции. С первых дней Великой Отечественной войны оборону пришлось вести в значительно больших масштабах, чем это предполагалось в предвоенные годы. Стало очевидным, что проблемы оперативной обороны наиболее полно и всесторонне могут решаться не в армейской, а во фронтовой оборонительной операции, а армейская операция является лишь частью фронтовой.

В первом периоде войны целями оперативной обороны являлись недопущение прорыва противника к крупным промышленным и административно-политическим центрам страны, объектам и рубежам стратегического значения, а также выигрыш времени, необходимого для сосредоточения и развертывания резервов, предназначенных для нанесения контрударов или перехода в контрнаступление. Так было в оборонительных действиях Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов в начале войны, Западного, Резервного, Брянского и Калининского фронтов в битве под Москвой, Сталинградского фронта в Сталинградской битве.

Важнейшей задачей командования при организации любой оборонительной операции было установление с наиболее высокой степенью вероятности направления главного удара противника, что в первом периоде войны не всегда удавалось. Из 11 армейских операций только в двух это было сделано верно. В сентябре 1941 г. при отражении первого наступления немецких войск на Москву не удалось достаточно верно определить направление главного удара противника. В результате командование Брянского фронта сосредоточило резервы в районе Брянска, а враг нанес главный удар из района Глухов — Шостка, то есть южнее на 120–150 км. В последующих операциях, особенно в Курской битве, удавалось достаточно точно определять основные направления действий войск противника и усиливать оборону на этих участках путем решительного массирования сил и средств.

Принимая решение о ведении оборонительной операций, командующие фронтами и армиями стремились создать в оперативном построении сильный первый эшелон и по возможности иметь глубокое построение войск. Оперативное построение фронтов в оборонительных операциях первого периода войны при ширине полос обороны 300–500 км состояло, как правило, из одного эшелона и резерва. При этом командующие были вынуждены сосредоточивать основные усилия в этом первом оперативном эшелоне, который развертывался в тактической зоне обороны.

Начиная со второго периода войны оперативное построение фронтов стало в основном двухэшелонным. В первом оперативном эшелоне оборону занимали общевойсковые армии,

усиленные артиллерийскими, танковыми и инженерными соединениями; во втором — общевойсковые и танковые армии. Так, в Курской битве Центральный фронт имел во втором эшелоне 2-ю танковую армию, а Воронежский — 69-ю общевойсковую и 1-ю танковую армии.

Во втором периоде войны во фронтах стали создаваться сильные резервы. В Курской битве на Центральном фронте в резерве находились два танковых корпуса, на Воронежском — два танковых и стрелковый корпус. Создавались артиллерийские, артиллерийско-противотанковые резервы, подвижные отряды заграждений³.

В течение первого этапа войны произошли значительные изменения в составе и оперативном построении общевойсковых армий. Ширина полосы обороны общевойсковых армий в операциях была различной и составляла от 70 до 200 км в летне-осенней кампании 1941 г. и от 70 до 100 км к концу периода. Как правило, армии формировали свое оперативное построение в один эшелон с выделением резервов. В отдельных случаях армии, находившиеся на направлении главного удара противника, осуществляли оперативное построение в два эшелона. Так, командующий 16-й армией в оборонительной операции на ближних подступах к Москве в ноябре 1941 г. для прикрытия открытого правого фланга армии создал второй эшелон в составе 126-й стрелковой дивизии и 27-й танковой бригады. Как правило, в первом периоде войны второй эшелон и общевойсковой резерв армии выполняли сходные задачи: использовались для нанесения контрударов по вклинившемуся в оборону армии противнику или для усиления войск, оборонявших главную полосу на важнейших направлениях. В армии могли также создаваться различные резервы: артиллерийско-противотанковый, танковый (при наличии в армии танков), артиллерийские группы дальнего действия (ДД) и поддержки пехоты (ПП). Глубина армейской полосы была незначительна и могла достигать 12–20 км (предвоенная теория определяла глубину обороны армии в 40–60 км).

Во втором периоде ширина полос обороны армии сократилась до 50–80 км при увеличении глубины обороны до 20–30 км. Оперативное построение армий, как правило, продолжало оставаться одноэшелонным. Глубина обороны создавалась за счет двухэшелонного построения боевых порядков стрелковых корпусов. В ряде случаев, когда удавалось точно установить направления главных ударов группировки немецко-фашистских войск, оперативное построение общевойсковых армий могло быть двухэшелонным. Так, в 13-й армии Центрального фронта, имевшей в своем составе четыре стрелковых корпуса, оперативное построение было в два эшелона: два стрелковых корпуса в первом эшелоне и два корпуса во втором.

В оперативном построении армии во втором периоде войны также могли создаваться общевойсковой резерв в составе 1–3 стрелковых дивизий, танковый резерв (при выделении армии танковых войск), армейская артиллерийская группа (ААГ) вместо группы ДД, артиллерийский противотанковый резерв (АПТР), подвижные отряды заграждений (ПОЗ).

В соответствии с требованиями предвоенных уставов и инструкций для повышения устойчивости обороны — как при заблаговременной подготовке обороны, так и при поспешном ее занятии — большое внимание уделялось инженерному оборудованию местности. Степень и характер инженерного оборудования зависели от времени, которым располагали войска для организации обороны, наличия сил и средств инженерных войск, ширины и глубины оперативного построения и ряда других факторов, среди которых одним из основных был выбор и умелое использование местности. В оборонительных операциях начального периода войны этот фактор не всегда удавалось использовать. В последующих оборонительных операциях командующие армиями стремились занять для обороны наиболее выгодную местность. Чаще всего это было сопряжено с выбором переднего края за водными преградами. В Смоленской оборонительной операции армии Западного фронта (22, 19, 20, 13, 21-я) занимали оборону за реками Северная Двина и Днепр. Армии других фронтов делали то же самое. В летне-осенней кампании 1942 г. советские войска оборонялись за реками Северский Донец, Оскол, Дон.

Но так было не всегда. В летней кампании 1942 г. 40-я армия Брянского фронта не использовала выгодную для обороны р. Тим, а 62-я армия Сталинградского фронта — р. Дон.

Выбор переднего края, особенно в операциях первого периода войны, часто подменялся простым требованием «ни шагу назад!», что являлось не самым лучшим вариантом. Иногда командующие располагали на неудобном месте позиции боевого охранения, относя передний край на более пригодную для обороны местность.

Организуя инженерное оборудование местности, командующие войсками фронтов и армий старались придерживаться некоторых принципов. Одним из них был выработанный еще в годы Первой мировой войны метод создания многополосной обороны, развитие которого шло в направлении увеличения глубины, количества полос и позиций и перехода к траншейной системе.

Оборона в масштабе армии состояла из тактической и оперативной зон. Во фронте мог создаваться фронтовой рубеж, состоявший из нескольких полос обороны. При благоприятной обстановке летом 1941 и 1942 гг. могла строиться передовая оперативная зона заграждений.

Оперативная зона обороны армии создавалась на удалении 25–30 км от переднего края. Там располагались тыловой армейский оборонительный рубеж и 1–2 отсечные позиции. В оперативной глубине обороны фронта были 2–3 фронтовых рубежа.

Однако в первом периоде войны наличие широких полос обороны и недостаток сил и средств приводили к тому, что создавалась только тактическая зона обороны, включавшая лишь одну первую (она же главная) полосу, и имелись незначительные резервы в глубине.

Потребовались определенные усилия со стороны Верховного главнокомандования и Генерального штаба, чтобы изменить сложившуюся систему. Были изданы «Инструкция по рекогносцировке и строительству полевых оборонительных рубежей» и «Проект полевого устава» (ПУ-43), которые определяли порядок инженерного оборудования местности.

Летом 1942 г., особенно во втором периоде войны, тыловая армейская полоса стала создаваться на удалении 20–40 км от переднего края главной полосы обороны⁴. В оперативной глубине между полосами обороны строились отсечные и промежуточные позиции, чтобы противодействовать распространению противника в глубину и в сторону флангов. Отсечные и промежуточные позиции в случае необходимости использовались как рубежи развертывания для вторых эшелонов и резервов при нанесении контрударов. Такое удаление армейской полосы обеспечивало тактическое и оперативное взаимодействие между соединениями.

Одним из важнейших направлений в развитии инженерного оборудования обороны стал переход к траншейной системе. Опыт первого периода показал, что оборудование позиций одиночными окопами, окопами на стрелковое отделение или огневое средство не обеспечивало эффективности применения оружия, скрытности расположения войск, сохранения их от поражения огнем артиллерии и ударов авиации противника и затрудняло проведение маневра.

В битве под Москвой войска стали соединять отдельные окопы, расположенные по фронту траншеями, — сначала во взводных, а затем в ротных и батальонных районах обороны. В результате передний край обороны был оборудован сплошной траншеей. Во втором периоде войны изданные документы потребовали во всех случаях оборудовать оборонительные позиции сплошными траншеями и ходами сообщений. Во фронтах, которые имели достаточно времени на подготовку оборонительной операции, создавались 4–6 оборонительных полос (рубежей). Две первые полосы устраивались в тактической зоне обороны, третья — в армейской зоне, а также 2–3 фронтовых рубежа. При подготовке обороны под Курском в Воронежском и Центральном фронтах общая глубина подготовленной обороны (две полосы в тактической зоне, одна армейская, 1–3 фронтовых рубежа) достигала 80–100 км⁵.

На других направлениях, особенно при поспешном переходе к обороне, количество полос, их глубина и расстояния между полосами могли быть меньшими.

Все предвоенные уставы и наставления требовали, чтобы оборона советских войск готовилась прежде всего как противотанковая (ПТО). Однако в оборонительных операциях лета 1941 г. создать сильную противотанковую оборону удавалось не всегда. Это объясняется недостатком противотанковых средств и отсутствием опыта их применения. Противотанковая оборона, как правило, была лишь в пределах главной полосы обороны, при этом имевшиеся

противотанковые средства распределялись равномерно по всей полосе без учета характера действий противника, который стремился прорывать оборону ударами крупных группировок на узких участках. Плотность противотанковых орудий при такой организации составляла два-три, иногда до пяти орудий на 1 км фронта⁶. Глубина расположения орудий была в пределах 2–5 км. Для борьбы с танками противника мало привлекались орудия полевой и зенитной артиллерии, авиация.

Важной тенденцией в развитии противотанковой обороны стало превращение ее из вида боевого обеспечения в основной элемент обороны. Уже осенью 1941 г., в соответствии с требованиями Ставки ВГК по организации системы артиллерийского огня, начали переходить от линейного расположения средств борьбы с танками к устройству на важнейших танкоопасных направлениях противотанковых опорных пунктов (ПТОП) и противотанковых районов (ПТР), стали создаваться артиллерийско-противотанковые резервы (АПТР). ПТР находились на важнейших танкоопасных направлениях в глубине обороны армий. Так, в ноябре 1941 г. в период битвы за Москву в полосе обороны 16-й армии было четыре крупных противотанковых района⁷. Создавались ПТР и в других армиях. В состав ПТР включались противотанковые артиллерийские полки резерва ВГК и приданные танковые бригады.

Превращение ПТО в основное содержание обороны проявилось также в привлечении к борьбе с танками всех сил и средств, способных им противостоять: противотанковая, зенитная и полевая артиллерия, противотанковые ружья, авиация, огнеметные средства. Стали создаваться подразделения истребителей танков, вооруженных ручными гранатами и бутылками с горючей смесью. Значительную роль приобрела система противотанковых инженерных заграждений и минно-взрывных средств. В июле 1942 г. для развития ПТО Генеральный штаб издал специальную инструкцию, которая предлагала ряд мер по ее совершенствованию. В результате удалось повысить плотность противотанковой артиллерии до 6–8 орудий на 1 км фронта.

Наиболее полное развитие ПТО получила под Курском. Она создавалась на всю глубину построения армии. В 13-й армии Центрального фронта глубина ПТО составила 30–35 км. Главным принципом ее организации являлись массированное использование противотанковых средств на направлении главного удара противника и умелый маневр ими в ходе операции. Система ПТО включала противотанковые опорные пункты, батальонные противотанковые узлы, противотанковые районы, артиллерию всех систем и калибров (войсковую и РВГК) на открытых и закрытых огневых позициях, АПТР и танковые резервы, подвижные отряды заграждений (ПОЗ), минно-взрывные заграждения. Это позволило создать в Курской битве оперативную плотность противотанковой артиллерии в 16–30 орудий на 1 км фронта⁸. Маневр этими средствами на угрожаемые направления позволял повысить плотность противотанковых средств в 2–3 раза.

Во втором периоде войны для борьбы с танками противника стала шире привлекаться авиация. Весьма эффективными оказались действия штурмовиков Ил-2, применявших специальные противотанковые бомбы кумулятивного действия (ПТАБ-1,5–2,5).

В первые месяцы войны широкие полосы обороны, недостаток огневых средств не позволяли создавать систему огня всех видов в армейском масштабе. Только к концу летне-осенней кампании 1941 г. и в летне-осенней кампании 1942 г. на тех участках фронта, где стабилизировалась обстановка, удавалось организовывать систему огня в оперативном масштабе. В армиях Южного, Сталинградского и Западного фронтов готовились участки, районы и рубежи сосредоточенного заградительного огня и данные для маневра огнем на угрожаемые направления. Опыт оборонительных операций показал, что в ряде случаев артиллерийские группы поддержки пехоты (ПП) и дальнего действия (ДД) сосредоточенным и заградительным огнем могли отразить атаку пехоты и танков противника. Но в ряде случаев атаки, особенно танковые, с закрытых огневых позиций отбить не удавалось. Имевшихся в соединениях пушек было недостаточно для отражения атак противника огнем прямой наводкой.

Огневые позиции групп ПП и ДД были в стороне от направлений атак танков противника и к стрельбе прямой наводкой не привлекались. Как следствие, танки противника,

не встречая должного отпора, прорывались в глубину обороны стрелковых соединений. Поэтому для отражения танковых атак пришлось привлекать пехоту, создавая группы и команды истребителей танков, вооруженных противотанковыми гранатами и бутылками с горючей жидкостью.

На протяжении всего 1941 г. огневое поражение противника организовывалось в основном в тактическом масштабе. Положение начало меняться летом 1942 г., когда почти вся артиллерия оборонявших Сталинград общевойсковых армий оказалась на левом берегу Волги и задача ее боевого использования легла на командующих армиями и фронтом. Практически этими вопросами вплотную занялись командующие и штабы артиллерии фронта и армий.

Тенденции, проявившиеся в организации системы огня в оборонительных операциях первого периода Великой Отечественной войны, нашли свое дальнейшее развитие во втором ее периоде. Самое большое влияние на организацию огневой борьбы оказал оборонительный период Курской битвы. Система огня в обороне стала более совершенной. Безусловно, в этом вопросе сыграли свое значение количественный рост, качественное совершенствование огневых средств и полученный боевой опыт. Естественно, в оперативном масштабе в первую очередь решались вопросы использования артиллерии.

В штабах Центрального и Воронежского фронтов артиллерия распределялась по армиям первого эшелона. В Центральном фронте на направлении ожидаемого главного удара противника в полосах 48, 13 и 70-й армий было сосредоточено 70% орудий и минометов фронта и 85% артиллерии РВГК. В Воронежском фронте в полосах 40-й, 6-й гвардейской и 7-й гвардейской армий было сосредоточено 67% орудий и минометов фронта и 66% артиллерии РВГК. Такое распределение артиллерии позволило создать ее высокую плотность. В полосе 13-й армии Центрального фронта она достигала 105 орудий и минометов, в полосе 6-й гвардейской армии Воронежского фронта — чуть более 25 орудий и минометов⁹.

В Курской битве проявились и другие направления совершенствования огневой борьбы противника: стремление к комплексному использованию всех видов оружия, а также к наращиванию плотности огня по мере продвижения противника в глубину обороны советских войск.

При этом наращивалась не только мощь артиллерийского огня, но также увеличивалось количество ударов авиации и возрастала плотность минно-взрывных заграждений. Повысилось качество использования огнеметных частей.

Танковые войска к началу Великой Отечественной войны организационно состояли из механизированных корпусов. В оборонительных операциях начального периода войны эти корпуса использовались для нанесения контрударов по прорвавшимся группировкам немецко-фашистских войск. Отсутствие боевого опыта, сложные условия обстановки, длительные и недостаточно обеспеченные перегруппировки, слабо организованная разведка не позволили нанести противнику значительного ущерба, особенно в танках, и достичь намеченных целей.

Более того, в оборонительных сражениях летнего периода 1941 г. советские танковые войска понесли значительные потери. К осени основными танковыми соединениями стали танковые бригады, которые сыграли важную роль в армейских оборонительных операциях Московской битвы.

С весны 1942 г. стали восстанавливаться танковые корпуса, в мае — июне были созданы танковые армии. С появлением танковых корпусов и армий подготовка и проведение контрударов улучшились. Подготовка стала проводиться в более короткие сроки, шире начали использовать маневры. При неудачном исходе контрудара в ряде случаев танкисты применяли последовательную оборону рубежей (приближение к маневренной обороне). Стало более тесным взаимодействие с общевойсковыми силами, артиллерией и авиацией.

Так, в период оборонительной операции Брянского фронта 5-я танковая армия 5 июля 1942 г. нанесла контрудар по танковой группировке немецко-фашистских войск юго-восточнее Ельца. Результатом стало замедление темпов наступления противника, сковывание его войск на отдельных участках. Но до конца замысел реализовать не удалось.

Не полностью были использованы ударные возможности 1-й и 4-й танковых армий при нанесении контрударов в ходе оборонительных действий Сталинградского фронта в большой излучине Дона.

Во втором периоде Великой Отечественной войны применение танковых корпусов и армий в обороне улучшилось. Этому способствовала и реорганизация танковых армий, из которых исключили стрелковые войска и кавалерию, сделав их таким образом более однородными, а поэтому более маневренными и управляемыми. Танковые корпуса в оборонительных операциях стали составлять резерв фронта, а танковые армии — второй эшелон. Танковые бригады, входившие в состав общевойсковых армий, являлись их подвижным резервом.

Наиболее ярким примером совершенствования использования танковых войск в оборонительных операциях второго периода Великой Отечественной войны является Курская битва. В Центральном и Воронежском фронтах танковые армии и отдельные танковые корпуса предназначались для проведения контрударов. Действия танковых армий и корпусов были заранее спланированы.

Начавшиеся боевые действия показали, что планировавшиеся контрудары не приносят ожидаемых результатов, и поэтому в планы ведения операций фронтов были внесены коррективы. Суть их сводилась к тому, чтобы поражение наступающим группировкам немецких танковых войск нанести не путем контрударов, а последовательным уничтожением вражеских танков огнем из засад и укрытий.

Возросшее мастерство командующих и штабов фронтов и армий позволяло в короткие сроки вносить коррективы в намеченные планы, уточнять их непосредственно уже в ходе начавших действий.

Опыт оборонительных операций первого и особенно второго периода Великой Отечественной войны показал, что оперативная оборона стала строиться как глубокоэшелонированная, многополосная, с широко развитой системой траншей и ходов сообщений, инженерных заграждений. Повышение ее устойчивости было также связано с надежным огневым поражением противника. К концу рассматриваемого периода она давала возможность отразить массированные удары танковых группировок противника, налеты его авиации и значительно ослабить силу артиллерийского воздействия. Эти факторы определили устойчивость обороны советских войск, невозможность ее преодоления для самых мощных группировок противника.

В тактике, как и в оперативном искусстве, эффективность решения оборонительных задач в значительной степени определялась искусством построения обороны. Построение тактической обороны включало создание целесообразного боевого порядка и системы огня, подготовку обороны в противотанковом отношении и инженерное оборудование местности.

По предвоенным понятиям боевой порядок стрелковых соединений включал боевые эшелоны, группировку артиллерии, резервы: общий, танковый, артиллерийско-противотанковый. Стрелковый корпус строил боевой порядок в один эшелон, стрелковая дивизия — в два. Ширина полосы обороны корпуса — 20–25 км, глубина — 15–20 км. В дивизии боевые эшелоны (первый и второй) создавались стрелковыми полками, а артиллерийские группы — по характеру решаемых задач: поддержки пехоты (по числу полков первого эшелона), дальнего действия, зенитно-артиллерийская. При двухэшелонном боевом порядке стрелковая дивизия имела полосу шириной 8 км, глубиной 8–10 км, 18 орудий и минометов и 6–9 противотанковых орудий на 1 км фронта, которые были эшелонированы по глубине обороны на 2–3 км.

Война, особенно ее неудачное начало, внесла коррективы в построение боевых порядков корпуса и дивизии. Значительные потери начального периода привели к изменению организационно-штатной структуры стрелковых войск. Стрелковые корпуса были расформированы. Из штата дивизии был исключен гаубичный артиллерийский полк, сокращено количество орудий в артиллерийском полку, уменьшилось количество артиллерии в стрелковых полках. Дивизии имели некомплект личного состава.

В оборонительных боях летнего периода 1941 г. большая ширина полос обороны (14–20 км и более) и недостаток огневых средств вынуждали командиров стрелковых дивизий строить боевой порядок в один эшелон, создавая резерв в 1–2 стрелковых батальона. Уменьшился состав групп артиллерийской поддержки пехоты, не всегда создавались группы дальнего действия. При наличии танков они включались в танковый резерв. Боевые порядки стрелковых полков строились в один эшелон, это позволяло использовать 80–85% огневых средств в борьбе за передний край и первую позицию. Но в то же время оборона стрелковой дивизии имела всего одну позицию, реже две. Одноэшелонное построение боевых порядков соответствовало реальным боевым возможностям соединений и частей, оборонявших широкие полосы и участки, и позволяло хоть в какой-то мере повысить устойчивость обороны.

При неглубоком построении боевого порядка, очаговом характере обороны дивизий (промежутки между батальонными районами обороны достигали 1 км и более), низких плотностях и равномерном распределении сил по фронту (командиры еще не научились вскрывать направления главных ударов противника и массировать на этих направлениях силы и средства) создать устойчивую оборону не представлялось возможным. Этим пользовался противник и легко прорывал такую оборону.

В указаниях Генерального штаба от 31 мая 1942 г. говорилось, что в оборонительных действиях советских войск отмечен ряд недостатков. Среди них: слабая маневренность элементов обороны, в том числе огневых средств пехоты, недостаточная активность ведения оборонительных действий, слабая защита флангов и стыков. И что наиболее важно — несовершенство противотанковой обороны и недостаточная ее глубина на танкоопасных направлениях¹⁰.

Требования высшего военного руководства, возрастание боевых возможностей стрелковых дивизий, учет опыта оборонительных действий в летне-осенней кампании 1941 г. привели к тому, что на оборонительном этапе Сталинградской битвы, в оборонительных боях на Южном фронте тактическая зона обороны стала оборудоваться двумя позициями и отдельными батальонными районами между ними. Ширина оборонительных полос стрелковых дивизий составила 8–10 км, что позволило в летне-осенней кампании 1942 г. иметь двухэшелонное построение боевого порядка. В результате тактические плотности возросли до 0,8 стрелкового батальона, 10–15 и даже до 20 орудий и минометов, 3–4 противотанковых орудий и 1–2 танков на 1 км фронта. Аналогичные процессы происходили и на других участках советско-германского фронта.

Тенденции, проявившиеся в первом периоде войны, получили дальнейшее развитие во втором. Командование немецко-фашистских войск, почувствовавшее возраставшее сопротивление советских войск, при подготовке и проведении новых наступательных операций перешло к еще большему массированию сил и средств, особенно танков, на направлении главного удара. Это обусловило необходимость повышения глубины тактической зоны обороны и увеличения количества противотанковых средств.

По сравнению с обороной в первом и в начале второго периода войны произошел качественный скачок в построении тактической обороны. С восстановлением корпусного звена управления и увеличением боевого состава войск появилась возможность создания в тактической зоне обороны двух полос, а на основных направлениях — отсечных позиций, противотанковых районов, промежуточных позиций. Общая глубина тактической зоны обороны стала достигать 15–30 км. Первая полоса оборудовалась как главная и составляла основу тактической зоны обороны, где сосредоточивалось наибольшее количество сил и средств¹¹.

В каждой оборонительной полосе создавалось несколько позиций. В первой, главной полосе: первая позиция — как правило, основная; вторая — промежуточная; третья — запасная. Они эшелонировались в глубину на 6–8 км и полностью занимались войсками. Вторая полоса оборудовалась на удалении в 10–15 км от переднего края главной полосы, и в ней создавались 1–2 позиции. Войсками эти позиции могли заниматься не полностью.

В первом периоде войны в соответствии с предвоенными взглядами наиболее полно система огня должна была создаваться в стрелковых дивизиях. Основу ее составлял в основ-

ном огонь стрелкового оружия и минометов. Низкой была плотность артиллерийского огня. Возможности артиллерии дивизии по ведению сосредоточенного и постановки неподвижного заградительного огня были ниже предусматривавшихся предвоенными определениями. Основные усилия огневых средств направлялись на организацию поражения противника перед передним краем и на первой позиции. Слабо были прикрыты огнем стыки и фланги.

К концу первого периода войны организация системы огня в стрелковых дивизиях значительно улучшилась. Огонь стал планироваться на всю глубину их боевого порядка. С закрытых позиций огонь мог вестись по возможным районам сосредоточения войск противника перед наступлением на дальностях до 3–4 км от переднего края. Перед фронтом обороны, в глубине и для обеспечения стыков с соседями стали готовиться сосредоточенный огонь по нескольким участкам и неподвижный заградительный огонь на нескольких рубежах. Уменьшилось время на открытие огня артиллерии. Так, в 42-й армии Ленинградского фронта при проверке системы огня в августе 1942 г. плановый огонь открывался через 30–40 секунд после вызова, а внеплановый — через полторы минуты. Командиры стремились создавать зону сплошного огня стрелкового оружия перед передним краем.

Тенденции, проявившиеся в организации системы огня в оборонительных боях первого периода войны, нашли свое отражение и развитие во втором периоде, когда основную систему огня составили артиллерия и минометы в сочетании с ружейно-пулеметным огнем и заграждениями.

В битве под Курском во всех армиях была разработана система неподвижного заградительного огня (НЗО) против пехоты, подвижного заградительного огня (ПЗО) против танков, сосредоточенного огня (СО) по районам скопления войск противника в ближайшей глубине. Артиллерия дивизий первого эшелона готовила огонь перед передним краем обороны, а второго эшелона — внутри полосы обороны и перед передним краем второй полосы обороны. Все участки планового огня были пристреляны, готовился огонь орудий прямой наводкой.

В связи с постоянно повышавшейся ролью танков в наступлении при подготовке обороны, по предвоенным взглядам, требовалось организовывать противотанковую оборону. Считалось, что в полосе обороны стрелковой дивизии должны быть созданы три противотанковых рубежа и несколько противотанковых районов. Рубежи представляли сочетание инженерных заграждений с огнем всех средств, они создавались в 300–400 м перед передним краем главной полосы, перед позициями вторых эшелонов полков и дивизии. Противотанковые районы должны были оборудоваться в глубине обороны, за естественными и искусственными препятствиями и за взрывными и невзрывными заграждениями в стороне от танкоопасных направлений. Для борьбы с прорвавшимися танками противника в полках и в дивизии предполагалось использовать подвижные противотанковые резервы.

Основным средством борьбы с танками считалась противотанковая артиллерия. Противотанковая оборона стрелковой дивизии строилась на небольшую глубину и с невысокими плотностями противотанковых орудий. В связи с этим в «Боевом уставе пехоты» было предусмотрено выделение так называемых истребителей танков — небольших групп пехотинцев с гранатами или бутылками с горючей смесью.

С такими уставными положениями советские войска встретили начало Великой Отечественной войны. Создавая значительное превосходство, противник мог в короткие сроки прорывать оборону и стремительно развивать успех в глубину. Такие условия ведения военных действий заставили советское командование принять меры к усилению противотанковой обороны. Уже в августе 1941 г. Ставка ВГК направила в войска «Указания по организации системы артиллерийского огня в обороне», упразднявшие противотанковые рубежи и требовавшие создания в главной полосе обороны противотанковых опорных пунктов и противотанковых районов, которые должны были эшелонироваться по глубине и быть во взаимной огневой связи. Они представляли собой участок местности, оборудованный в инженерном отношении, на котором эшелонировано в глубину и по фронту размещались противотанковые орудия и противотанковые ружья. В их состав требовалось включать и полевую артиллерию. Начальниками пунктов и районов назначались артиллерийские офицеры.

В систему противотанковой обороны в битве под Москвой включались танковые части и соединения. Танкисты организовывали оборону последовательно на нескольких рубежах, действовали из засад, проводили короткие контратаки.

Широкое применение нашли группы истребителей танков. В боевом порядке стрелковой дивизии могли быть 2–3 такие группы, вооруженные противотанковыми ружьями, гранатами и бутылками с горючей жидкостью.

Принимаемые меры повысили устойчивость противотанковой обороны, но полностью решить проблему создания непреодолимой для танков обороны в летне-осенней кампании 1941 г. не удалось.

В летней кампании 1942 г. качество противотанковой обороны повысилось. Увеличилось количество и качество противотанковых средств в частях и соединениях, развертывались истребительно-противотанковые части и соединения РВГК. Противотанковые опорные пункты стали совмещаться с ротными и объединяться в батальонные противотанковые узлы. Подчинены все противотанковые средства были командирам стрелковых рот и батальонов. В частях и соединениях создавались специальные противотанковые резервы, используя для этого противотанковые дивизионы, роты противотанковых ружей, саперные подразделения.

Уже в оборонительный период Сталинградской битвы противотанковая оборона стала более эффективной. Противнику приходилось преодолевать более глубокую, эшелонированную противотанковую оборону. Но все же противотанковая оборона советских войск еще не могла полностью решить свои задачи. Здесь сказывались и недостаток противотанковой артиллерии, и ее слабый маневр в ходе боя, и просчеты в организации и руководстве силами противотанковой обороны.

Во втором периоде войны противотанковая оборона получила свое дальнейшее развитие. Наиболее значимым в этом отношении стал оборонительный период Курской битвы.

При организации противотанковой обороны на Центральном и Воронежском фронтах были созданы противотанковые опорные пункты и районы, усиленные противотанковыми препятствиями. В состав таких пунктов включалось 3–12 противотанковых орудий, до пяти противотанковых ружей, по 2–3 ротных миномета и по отделению саперов и автоматчиков. Для борьбы с новой бронетехникой врага привлекались 85-мм зенитные пушки и даже 152-мм гаубицы-пушки.

На Центральном фронте противотанковые опорные пункты объединялись в полковые противотанковые районы, где комендантом являлся командир стрелкового полка. На Воронежском фронте такие районы создавались только в местах расположения вторых эшелонов дивизий за счет истребительно-противотанковых артиллерийских полков и бригад, комендантом там был артиллерийский начальник. В полках, дивизиях и корпусах создавались артиллерийско-противотанковые резервы. В состав корпусного резерва включалось от дивизиона до полка; в состав дивизионного резерва — от батареи до дивизиона 45-мм и 76-мм орудий, рота противотанковых ружей, рота автоматчиков и взвод саперов с минами; в резерв командира стрелкового полка — взвод противотанковых орудий, взвод противотанковых ружей, взвод автоматчиков и отделение саперов с противотанковыми минами.

Борьбу с танками должна была вести артиллерия всех калибров с закрытых огневых позиций, применяя сосредоточенный огонь по районам скопления танков противника и подвижный заградительный огонь по атакующим танкам. При прорыве танков противника вся артиллерия должна была отражать их атаку огнем прямой наводкой. Даже позиции зенитной артиллерии приспособлялись для ведения огня по танкам.

В полках, дивизиях и корпусах были созданы противотанковые отряды заграждения, которым в ходе боя надлежало минировать местность на пути движения вражеских танков и разрушать дорожные сооружения. Полковой отряд включал в себя от отделения до взвода саперов, дивизионный — от саперного взвода до роты, корпусной — от саперной роты до батальона¹².

Артиллерийский противотанковый резерв и отряды заграждения находились в глубине обороны на основных танкоопасных направлениях. Для них готовились рубежи развертыва-

ния. Предусматривался маневр противотанковыми средствами в ходе оборонительного боя. Средства борьбы с танками эшелонировались на всю глубину тактической зоны обороны (15–20 км).

Существенную роль в повышении устойчивости обороны играли выбор местности и ее инженерное оборудование, что было тесно связано с эшелонированием войск. Оборонительные бои первых месяцев войны показали, что оборудование позиций только одиночными окопами без соединения их траншеями негативно сказывалось на эффективном применении оружия, совершении маневров, повышении скрытности расположения подразделений. Поэтому уже в битве под Москвой окопы на стрелковое отделение стали соединять траншеями сначала во взводных опорных пунктах, а затем в ротных и батальонных районах обороны. На переднем крае начала формироваться сплошная траншея.

Во втором периоде войны в соответствии с «Указаниями по устройству полевых оборонительных рубежей» начальника инженерных войск и инструкции Генерального штаба все оборонительные позиции стали оборудоваться сплошными траншеями. В стрелковом батальоне открывались три траншеи. Первая траншея служила передним краем главной полосы. Первая и вторая траншеи занимались ротами первого эшелона, третья — ротой второго эшелона. Они соединялись ходами сообщения. В траншеях оборудовались ячейки для стрелков, площадки для огневых средств. При наличии времени и возможностей создавались и другие инженерные сооружения: для огневых средств, укрытия, командные и наблюдательные пункты, различного рода заграждения.

В первом и втором периодах Великой Отечественной войны искусство подготовки и ведения стратегической, оперативной и тактической обороны прошло суровую проверку. Опыт оборонительных операций и боев свидетельствует, что в эти периоды войны оттачивалось мастерство командиров и командующих. Чем дольше шла война, тем больше крепла оборона, повышались ее устойчивость и активность. Развивалось искусство оперативного построения войск и их боевых порядков. Для наращивания сопротивления в глубине обороны создавались более мощные вторые эшелоны и резервы. Появлялись новые элементы оперативного построения и боевого порядка. Совершенствовалась система огневого поражения противника, особенно его танков. Улучшалось инженерное оборудование местности. Возросла роль маневра в ходе ведения оборонительных действий. Наступательная стратегия фашистской Германии провалилась окончательно и бесповоротно.

В ходе первого и второго периодов войны советские Вооруженные силы провели три наступательные кампании: Московскую (1941–1942), Сталинградскую (1942–1943) и операции Курской битвы (1943).

При выборе направления главного удара учитывался ряд политических, экономических и военных факторов, также оказывало влияние и наличие стратегической инициативы. В первом и втором периодах Великой Отечественной войны советское командование не было свободно в выборе направлений главных ударов. Усилия, как правило, сосредоточивались на разгроме наиболее опасных группировок немецко-фашистских войск: так было в битве за Москву, в Сталинградской и Курской битвах.

Разгром группировки вражеских войск под Москвой в первую очередь обезопасил столицу Советского Союза, а в последующем позволил развернуть промышленные возможности московского региона для увеличения выпуска военной продукции. Разгром сталинградской группировки противника не только нанес значительные потери войскам вермахта, но в корне изменил всю стратегическую обстановку на южном крыле советско-германского фронта. Одержанная победа под Курском позволила вернуть важные в экономическом отношении районы на юге страны и кардинально изменить всю стратегическую обстановку на советско-германском фронте. После поражения в районе Харькова — Орла германское командование уже не планировало стратегические наступательные операции на советско-германском фронте.

Стратегическое наступление в зимней кампании 1941–1942 гг. проводилось одновременно на всех стратегических направлениях. Такой способ оказался не лучшим, и поэтому,

начиная с зимней кампании 1942—1943 гг., формой проведения стратегических наступательных операций стало их последовательное проведение.

Вместе со способом ведения стратегического наступления изменялся и состав соответствующих группировок. Привлечение к участию в операциях значительных по составу войск позволяло советскому командованию проводить операции с большими пространственными и временными показателями. Однако глубина проводившихся стратегических наступательных операций в первом и втором периодах Великой Отечественной войны из-за отсутствия опыта и малой подвижности наступавших войск не превышала 100—250 км.

Формы проведения наступательных операций выбирались различные. Наиболее эффективным был способ нанесения нескольких ударов по сходящимся направлениям, позволявший полностью или частично окружать и уничтожать крупные группировки противника. Однако за первые два периода войны такой способ был использован только один раз в контрнаступлении под Сталинградом. Основной же формой проведения наступательных операций в 1941—1943 гг. было нанесение рассекающих ударов.

Опыт проведения стратегических наступательных операций доказал, что достижение успеха в них определяется способностью советских войск прорвать тактическую зону обороны (ТЗО) противника, так как именно на глубине 15—20 км германское командование сосредоточивало 70—80% своих войск. При этом четко просматривается стремление к прорыву обороны врага как можно в более короткие сроки.

Вторым важным условием достижения целей операции являлось развитие успеха в глубине обороны противника. Поэтому, в соответствии с предвоенной теорией, необходимо было создавать определенный эшелон развития успеха или, как называли тогда, подвижную группу. Было ясно, что такие элементы (прорыва обороны и развития успеха) не могли создаваться в стратегическом масштабе, а были функцией оперативных инстанций (фронтов и армий). Состав этих элементов определялся задачей, решавшейся оперативными объединениями в стратегической наступательной операции.

Развитие подготовки и ведения стратегических наступательных операций происходило уже в ходе последующих военных действий в третьем периоде Великой Отечественной войны.

Во время войны практика подготовки и ведения фронтовых и армейских наступательных операций базировалась на теории глубокой наступательной операции, разработанной в начале 1930-х годов. Одни положения этой теории получили подтверждение, другие потребовали уточнения, третьи показали свою непригодность. Особенно изменились взгляды на фронт как на основную инстанцию, способную решать стратегические задачи. Общеармейская армия, являясь основным оперативным объединением, действовала в составе фронтовой группировки и решала свои задачи во взаимодействии с другими оперативными объединениями. В решении наступательных задач большая роль отводилась танковым армиям, которые начали создаваться весной 1942 г. Эти армии являлись средством Ставки ВГК и придавались фронтам, действовавшим на главных направлениях. Безусловно, эти армии создавались прежде всего для участия в наступательных операциях.

Боевой и численный состав фронтов и армий зависел от важности решаемых задач, и на протяжении всей войны количество личного состава и боевой техники в них постоянно возрастало. Цели планируемых операций определяли и их размах.

В наступательных операциях фронтов и армий и в первый, и во второй период войны первой задачей был прорыв тактической зоны обороны противника. Придерживаясь положений предвоенной теории, командующие фронтами и армиями считали, что прорыв обороны противника во многом обеспечивается рациональным подходом к выбору направления главного удара. В первом периоде войны предпочтительным считалось то, на котором противник имел слабую оборону, можно было скрытно сосредоточить и развернуть силы ударной группировки и в последующем обеспечить выход главных сил во фланг и тыл оборонявшихся войск.

Даже в контрнаступлении под Москвой в декабре 1941 г., где войска начинали атаку в своих оборонительных полосах и времени на перегруппировку часто не было, командующие

стремились выбрать именно такое направление главного удара. В контрнаступлении под Сталинградом главные удары Юго-Западного и Сталинградского фронтов были нанесены по наиболее слабым группировкам румынских войск, находившимся на флангах 6-й полевой армии — главной ударной силы немецко-фашистских войск.

Во втором периоде войны командующий войсками Воронежского фронта при выборе направления главного удара руководствовался необходимостью прорвать тактическую зону обороны противника в первый день наступательной операции и обеспечить вывод подвижной группы фронта в кратчайший срок во фланг и тыл противника. Такое решение было принято в условиях значительного превосходства над обороняющимися в силах и средствах.

Стремление создать количественное превосходство над противником было характерно для всех наступательных операций первого и второго периодов войны. Но в контрнаступлении под Москвой этого сделать не удалось. Ставка ВГК обобщила опыт этого контрнаступления и в директивном письме от 10 января 1942 г. наметила ряд мер по улучшению подготовки и ведения наступательных операций. В письме требовалось, чтобы на направлении главного удара общевойсковой армии ширина полосы наступления была уменьшена и на этом направлении сосредоточена ее ударная группировка в составе 3–4 дивизий. Там же указывалось, чтобы пехота наступала при непрерывной поддержке артиллерии, которая также должна сосредотачиваться в районе действия ударных групп. Ставка, в свою очередь, усиливала своими средствами фронтовую наступательную группировку¹³.

В последующих операциях первого и особенно второго периода войны концентрация сил и средств на участках прорыва достигала высокого уровня. На фронтовых участках прорыва (5–16% от общей ширины полосы наступления) она составляла 45–70% стрелковых войск, до 70% артиллерии и до 100% танков и авиации. В армиях, наступавших в полосах шириной от 20 до 50 км, участок прорыва был в пределах 6–14 км.

В ходе и первого, и второго периода войны происходили изменения во взглядах на оперативное построение фронтов и армий. По предвоенной теории оно предусматривалось глубоким. Но в операциях первого периода войны большая ширина полос наступления, ограниченный боевой и численный состав фронтов и армий не позволяли этого сделать. Фронты строились в один эшелон и имели слабые резервы. Глубина их была незначительная и достигала всего 20–30 км. В один эшелон строились и общевойсковые армии, в которых кроме первого эшелона могли быть армейская артиллерийская группа ДД, подвижная группа, состоявшая из отдельных танковых или кавалерийских частей (иногда соединений), лыжных бригад, и общевойсковой резерв. С весны 1942 г. в качестве подвижных групп стали применяться танковые корпуса. В некоторых армиях создавался незначительный по составу артиллерийско-противотанковый резерв.

В процессе ведения наступательных операций оперативное построение фронтов и особенно армий изменялось, совершенствовалось по ряду направлений. Первое из них — появление таких новых элементов оперативного построения армии, как вторые эшелоны, подвижные отряды заграждений, армейские группы реактивной артиллерии, зенитные артиллерийские группы. Второе направление — совершенствование существовавших и вновь создаваемых элементов: вторые эшелоны армий становились более сильными. Во втором периоде войны второй эшелон мог состоять из 2–3 стрелковых дивизий, а с восстановлением корпусного звена управления — из одного стрелкового корпуса. Подвижные группы армий стали составлять танковые и механизированные корпуса. Однако в общевойсковых армиях, в полосах наступления которых намечался ввод подвижных групп фронта, свои подвижные группы не создавались. Армейские артиллерийские противотанковые резервы усиливались как по количеству, так и по качеству входивших в их состав противотанковых орудий (1–2 истребительно-противотанковых артполка). Подвижные отряды заграждений создавались силой до инженерно-саперного батальона. Третье направление — повышение огневых, ударных и маневренных возможностей элементов оперативного построения фронтов и армий, происходившее благодаря вышеперечисленным изменениям.

В соответствии с теорией глубокой наступательной операции важнейшим условием ее удачного проведения была необходимость надежного огневого поражения противника. Основываясь на довоенных представлениях, в зимней кампании 1941–1942 гг. наступление начиналось артиллерийской подготовкой, которая проводилась главным образом по опорным пунктам на переднем крае противника при плотности артиллерии в среднем 40–60 орудий и минометов на 1 км фронта. После этого пехота и танки переходили в атаку. Низкая плотность артиллерии не обеспечивала надежного подавления вражеской обороны, атакующие несли значительные потери. Становилось понятным, что необходимо вносить коррективы в использование артиллерии. В своем директивном письме от 10 января 1942 г. Ставка ВГК потребовала, чтобы артиллерия применялась массировано на направлении главных ударов, перемещалась (меняла огневые позиции) совместно с пехотой и танками и поддерживала их в ходе всего наступления. «Боевой устав пехоты» 1942 г. определял следующие периоды в действиях артиллерии: подготовка атаки, поддержка атаки, обеспечение действий пехоты и танков в глубине обороны противника. Такой порядок боевого применения артиллерии стал называться артиллерийским наступлением¹⁴.

Дальнейшее развитие артиллерийское наступление получило во втором периоде войны. В войсках появилось больше артиллерии, она массировалась на направлениях главных ударов, увеличилась продолжительность и глубина артиллерийской подготовки, шло совершенствование методов артиллерийской поддержки, пехота и танки сопровождалась огнем, как правило, на всю глубину наступательной операции. Если в контрнаступлении под Москвой продолжительность артиллерийской подготовки была 5–20 минут, то под Сталинградом — 70–90 минут, а под Курском она возросла до 140–175 минут.

Увеличение количества артиллерии, боеприпасов, поступление на вооружение новых артиллерийских систем, приближение огневых позиций к переднему краю позволили увеличить глубину поражения обороны противника в период артиллерийской подготовки до 3–4 км, то есть до района основных позиций его артиллерии. Эти же факторы дали возможность, начиная с 1942 г., проводить артиллерийскую поддержку не только методом последовательного сосредоточения огня, но и огневым валом на глубину от 500 до 1000 м.

В конце первого периода войны боевое применение авиации стало осуществляться в форме авиационного наступления, которое включало периоды авиационной подготовки и авиационной поддержки. Авиационная подготовка проводилась, как правило, до начала артиллерийской атаки. Авиация стала поддерживать не только войска первого эшелона армии, но и ее подвижную группу. Взаимодействие наземных войск и авиации становилось более эффективным. Удары штурмовой авиации приблизились к боевым порядкам войск (до 400 м).

В наступательных операциях зимы 1941 г. проблема прорыва решалась ограниченными средствами, без достаточного массирования сил и средств, без эшелонирования их в глубину. Артиллерийская подготовка в основном была малоэффективной, а авиационная проводилась не всегда. В результате прорыв осуществлялся низкими темпами, хотя тактическая зона обороны противника состояла из одной полосы. Примером могут служить действия 10-й армии Западного фронта в контрнаступлении под Москвой.

Гораздо лучше организовывались и проводились наступательные операции в зимней кампании 1942–1943 гг. и летней кампании 1943 г. В контрнаступлении под Сталинградом оперативное построение армий часто было двухэшелонным, у них имелось достаточно артиллерии и танков. В армиях создавались эшелоны прорыва и развития успеха. Артиллерия массировалась в армейских артиллерийских группах. Оборона врага прорывалась на избранных направлениях, где назначались определенные участки. В прорыв вводились армейские подвижные группы, состав которых был весьма значителен. Так, в 5-й танковой армии в подвижную группу входили два танковых и кавалерийский корпуса. Однако подвижные группы в чистый прорыв вводить не удавалось, и они, как правило, привлекались для завершения прорыва тактической зоны обороны противника, а иногда и его главной полосы. Такое же положение было и с фронтовыми подвижными группами, которые в наступательных операциях летней кампании 1943 г. вводились в сражение в целях завершения прорыва

вражеской обороны. Примером может служить Белгородско-Харьковская наступательная операция Воронежского фронта, когда для завершения прорыва тактической зоны обороны была введена подвижная группа фронта (1-я и 5-я гвардейская танковые армии).

В наступательных операциях лета 1943 г. был получен богатый опыт оперативного преследования противника с форсированием крупных водных преград. Причем темп его преследования, осуществлявшегося, как правило, фронтально, был недостаточно высоким (8–12 км в сутки) и не всегда позволял добиться поставленных целей. В ходе развития наступательных операций советским войскам приходилось форсировать большое количество крупных водных преград. Переправы осуществлялись как с ходу, так и с планомерной подготовкой.

Первый значительный опыт форсирования крупной водной преграды был получен в сентябре 1943 г. в ходе битвы за Днепр. В этой операции участвовали четыре фронта (12 армий). Форсирование Днепра проводилось на широком фронте (армии в полосе 40–50 км) с использованием табельных и подручных средств. В каждой армии выбирались два-три участка переправ, на которых назначалось по 3–5 пунктов форсирования. Большая роль отводилась передовым отрядам, которые захватывали мосты, плацдармы и обеспечивали переправу главных сил.

В наступательных операциях первого и второго периодов войны заслуживает внимания полученный опыт преодоления промежуточных оборонительных рубежей противника и отражения его контрударов. Отражение контрударов осуществлялось двумя способами: с места и с ходу. В Сталинградской операции противник для нанесения контрудара создал крупную группировку в составе трех танковых, четырех пехотных, двух кавалерийских и одной авиаполевой дивизий, для разгрома которой советским войскам пришлось перейти к обороне. В Белгородско-Харьковской операции войска Воронежского фронта с ходу отразили контрудар крупной танковой группировки противника.

Наступательные операции фронтов и армий в первом и втором периодах Великой Отечественной войны подтвердили правильность многих положений предвоенной теории. Вместе с тем в это время шел непрерывный процесс совершенствования форм и способов подготовки и ведения операций.

На подготовку и ведение наступательного боя оказывали влияние многие факторы. Среди них определяющее положение занимали боевой состав наступающих соединений и характер обороны противника. На первый план вышла проблема наступательного боя, заключающаяся в недостатке у наступающей стороны сил и средств для надежного одновременного поражения противника на всю глубину и во всей полосе его обороны. Основные пути прорыва обороны противника были выработаны еще в предвоенные годы и заложены в теорию глубокого наступательного боя, но в ходе войны в них были внесены коррективы в соответствии с практикой боевых действий.

Умелое построение боевого порядка позволяло создать необходимое превосходство в силах и средствах. В первом периоде войны, когда общевойсковые армии состояли из отдельных стрелковых дивизий, определяющим было построение боевого порядка стрелковой дивизии. В период контрнаступления под Москвой, где оборона противника была неглубокой и носила очаговый характер, не требовалось глубокого построения войск. Однако стрелковые дивизии в соответствии с требованиями предвоенных уставов строили свой боевой порядок в два эшелона. Глубокое построение не обеспечивало нанесения мощного первоначального удара, вторые эшелоны и резервы несли потери еще до вступления в бой. Все это в условиях недостатка средств поражения отрицательно влияло на успешное ведение наступления.

Народный комиссар обороны в своем приказе № 306 от 8 октября 1942 г. требовал в условиях недостатка артиллерии и танков обеспечить активное участие в бою пехоты и всех ее огневых средств. А для этого боевой порядок дивизии должен был строиться в один эшелон и представлять из себя стрелковую цепь. В результате в атаке вместо восьми стрелковых рот стали принимать участие 18–19 рот из 27, имевшихся в дивизии. Такой боевой порядок применялся в контрнаступлении под Сталинградом и в других наступательных операциях зимой 1941–1942 гг.

Совершенствование боевого порядка стрелковых войск шло и по другим направлениям. В дивизиях создавались артиллерийские группы непосредственной поддержки пехоты на каждый стрелковый полк первого эшелона и группы дальнего действия. В первом периоде войны состав этих групп был небольшой, и подчинялись они командиру дивизии.

Во втором периоде войны в боевом применении артиллерии был сделан шаг вперед, чему способствовало директивное письмо Ставки ВГК № 03 от 10 января 1942 г. Главное, что требовала Ставка, — это непрерывное артиллерийское обеспечение на все время прорыва вражеской обороны. В соответствии с указаниями артиллерия должна была проводить подготовку атаки пехоты и танков, поддерживать их при прорыве обороны противника и непрерывно сопровождать до выполнения поставленной задачи. Впервые это было достигнуто в контрнаступлении под Сталинградом. Там же в группировке артиллерии появились минометные группы, включавшие в свой состав подразделения и части реактивной артиллерии.

В летне-осенней кампании 1943 г., прежде всего в наступательный период Курской битвы, боевой порядок дивизий и восстановленных стрелковых корпусов стал строиться, как правило, в два эшелона. Но это был уже качественно другой боевой порядок: стрелковый батальон наступал в одноэшелонном построении, стрелковая рота — в линию взводов или уступами, стрелковые взводы и отделения — цепью. В боевом порядке появились полковые, дивизионные и корпусные артиллерийские группы. Обязательными элементами боевого порядка стали артиллерийские противотанковые резервы и подвижные отряды заграждения, артиллерийские группы прямой наводки и минометные группы.

В первом и втором периодах Великой Отечественной войны шел непрерывный процесс совершенствования огневого поражения противника. В стрелковых дивизиях (корпусах) к решению этих задач привлекались артиллерия (ствольная, реактивная и противотанковая), танки, авиация (бомбардировочная и штурмовая) и стрелковое оружие. Главным средством поражения противника являлась артиллерия.

В первом периоде войны немногочисленная дивизионная артиллерия ограничивалась в основном проведением непродолжительной артиллерийской подготовки, иногда в виде короткого огневого налета.

Опыт наступательных действий в зимней кампании 1941—1942 гг. внес серьезные коррективы в порядок огневого поражения противника. В соответствии с требованиями директивного письма Ставки ВГК и «Боевого устава пехоты» 1942 г. уже в контрнаступлении под Сталинградом при проведении артиллерийской подготовки плотность орудий и минометов возросла до 70—80 на 1 км, а продолжительность составила 80 минут. Это сказалось на ее эффективности: у противника были разрушены все основные оборонительные сооружения, нарушена огневая связь подразделений.

В наступательных операциях 1942—1943 гг. наряду с увеличением количества привлекаемой артиллерии и продолжительности артиллерийской подготовки совершенствовались способы ее проведения. Для поражения целей на переднем крае противника постоянно возрастало количество орудий, выделенных для стрельбы прямой наводкой. Для обеспечения внезапности начала артподготовки время первого огневого налета в разных операциях и боях было различным. Так, 19 ноября 1942 г. в одной из дивизий артподготовка началась почти в 9 часов утра. В ряде случаев это происходило и среди дня.

Во втором периоде войны большое внимание уделялось совершенствованию огневой поддержки наступающих пехоты и танков. Встал вопрос о сокращении разрыва между артиллерийской подготовкой и поддержкой атаки. В контрнаступлении под Сталинградом в некоторых дивизиях он составлял всего 2—3 минуты. В контрнаступлении под Курском пехота поднималась в атаку не в момент переноса огня в глубину обороны противника, а в конце последнего огневого налета.

В глубине обороны противника продвижение пехоты и танков сопровождалось отдельными орудиями, взводами и батареями, которые находились в боевых порядках подразделений и частей. В стрелковых дивизиях в период контрнаступления под Курском каждый стрелко-

вый батальон первого эшелона был усилен 1–2 артиллерийскими батареями. Передвигаясь вместе с пехотой, орудия этих батарей уничтожали противника, мешавшего продвижению стрелковых войск.

Эффективным средством повышения удара атакующих войск были танки непосредственной поддержки пехоты (НПП). В наступательных боях первого периода войны для этого выделялось незначительное количество главным образом легких танков. Эти танки, как правило, равномерно распределялись по фронту, дробились на мелкие группы, недостаточно обеспечивались в огневом и инженерном отношении.

Взгляды на применение танков непосредственной поддержки пехоты изменились после выхода приказа НКО № 325 от 16 октября 1942 г. Приказ потребовал централизованного использования танков НПП в интересах войск, действовавших на направлении главного удара. В соответствии с требованиями приказа и возрастанием количества танков плотность их в операциях 1942 г. увеличилась. В наступательных операциях лета 1943 г. боевые возможности эшелона танков НПП еще более возросли с включением в его состав самоходно-артиллерийских установок (САУ).

В ходе наступления войскам приходилось отражать контратаки противника. Как правило, это делалось с места, всеми силами и средствами, с привлечением вторых эшелонов (резервов). Иногда приходилось отводить подразделения и части на более выгодные рубежи. Все это приводило к тому, что прорыв неглубокой обороны завершался на второй день наступления. В первом периоде войны отражение контратак осложнялось ограниченностью сил и средств, низкой подвижностью стрелковых подразделений, затруднявшей маневр силами и средствами на угрожаемое направление, недостатком противотанковых средств, а также отсутствием необходимой поддержки огнем артиллерии и ударами авиации.

Впоследствии при отражении контратак боевые действия стали вести более решительно. Срыв контратак в пределах первой позиции в значительной мере обеспечивался огнем артиллерии, проводившей поддержку наступавших соединений. Активно использовались удары во фланг и даже в тыл контратакующего противника.

Таким образом, развитие стратегии и оперативного искусства в первых двух периодах было обусловлено последовательным наращиванием мощи Красной армии, изменением соотношения сил на фронте вооруженной борьбы в пользу советской стороны.

По мере изменения соотношения сил повышалась эффективность операций Красной армии, росли масштабы поражений вермахта и его союзников, совершенствовалось военное мастерство командиров всех уровней.

Искусство подготовки и ведения фронтовых и армейских оборонительных и наступательных операций развивалось на протяжении первых двух периодов Великой Отечественной войны. Со Сталинградской битвы началось проведение в полном объеме наступательных операций групп фронтов. Однако во втором периоде войны в ряде наступательных операций не удавалось полностью достичь поставленных целей.

Совершенствование стратегии, оперативного искусства продолжалось и в заключительном, третьем периоде Великой Отечественной войны.

Борьба на морских коммуникациях

К октябрю 1941 г. определяющее влияние на характер боевой деятельности Красной армии и Военно-морского флота оказывала общая стратегическая обстановка, которая складывалась для нас неблагоприятно. Необходимо было во что бы то ни стало задержать наступление вермахта, ослабить его в оборонительных операциях. И флот, как это имело место в прошлом России, пришел на помощь армии.

Все операции и действия флотов и флотилий в первом и втором периодах Великой Отечественной войны в той или иной степени были связаны с поддержкой сухопутных войск независимо от того, как они проводились — самостоятельно или совместно с ними.

Учитывая географические особенности театра и характер морских коммуникаций противника на Балтике, командование флота с началом войны установило для подводных лодок 18 позиций. Их нарезка производилась с таким расчетом, чтобы контролировать движение вражеских судов на всем протяжении коммуникаций. Исключение составлял Ботнический залив, в котором наши подводные лодки начали боевые действия лишь осенью 1942 г. Подлодки использовались двояко: позиционно и посредством одиночного крейсерства в ограниченном районе моря, ведя поиск противника самостоятельно. Авиация в этот период почти целиком применялась для поддержки сухопутных войск и не могла проводить разведку коммуникаций, равно как вести систематические боевые действия по их нарушению.

Принципиальное значение для Балтийского флота имела оборона Ханко. В середине октября перед командованием Ленинградского фронта и Балтийского флота встала задача эвакуации гарнизона базы. Основная причина заключалась в критическом положении Ленинграда. 23 октября Ставка ВГК приняла решение об эвакуации гарнизонов Ханко и Осмуссара в Кронштадт и Ленинград, возложив его осуществление на Балтийский флот. В тяжелейших условиях 1941 г. моряки Балтийского флота и Ладужской военной флотилии вывезли с изолированных плацдармов и островов около 160 тыс. солдат и офицеров армии и флота¹⁵, дав им возможность с оружием в руках встать на защиту Ленинграда.

Планирование морской части операции осуществлялось в штабе флота, который разработал мероприятия, связанные с поддержанием устойчивой обороны, организацией отхода, прикрытия и посадки войск, уничтожением тяжелого вооружения и оборонительных объектов, заграждением территории и порта. Исходя из обстановки и возможностей флота, особенно в транспортных средствах, эвакуацию решено было провести скрытно, несколькими эшелонами на небольших отрядах быстроходных кораблей и транспортов, сохраняя на полуострове до последнего дня эвакуации заслон из 10–12 тыс. бойцов. Эвакуацию последнего эшелона предполагалось провести одним отрядом кораблей одновременно. Значительное количество войск последнего эшелона обуславливалось необходимостью обеспечить устойчивую круговую оборону. В нем оставались наиболее подготовленные и стойкие части, оснащенные автоматическим оружием¹⁶.

Из-за недостатка транспортов для эвакуации пришлось задействовать и боевые корабли. Остров Гогланд использовался как промежуточная маневренная база. В течение ноября четырьмя отрядами боевых кораблей и тремя отрядами вспомогательных судов и тихоходных кораблей с Ханко были вывезены около 15 тыс. человек с личным оружием, боеприпасами и часть боевой техники.

Корабли, транспорты и катера совершили всего 128 боевых походов (некоторые по 2–3 раза), при этом погибли 11 боевых кораблей и транспортов (три эсминца, два транспорта, сторожевой корабль, сетевой заградитель, два БТЩ, два тральщика), 12 боевых и вспомогательных катеров (восемь катеров МО, два торпедных катера, катер и буксир)¹⁷. По неполным данным, погибли и оказались в плену около 650 членов экипажей этих кораблей. Кроме того, была потоплена одна из подводных лодок, прикрывавших эвакуацию. При эвакуации погибли четыре малых катера, были затоплены шесть малых катеров, плавкран, два мотобота, буксир и пять барж. Потери, особенно эсминцев и тральщиков, были тяжелыми для флота. Они могут быть оправданы лишь спасением основной части гарнизона.

Нехватка быстроходных тральщиков и тралов была далеко не единственной причиной слабой противоминной обороны переходов. Тральщики типа «Фугас» имели низкую скорость и фактически могли выполнять лишь функции базовых. Применявшиеся в ходе операции конструкции параван-тралов также не отвечали необходимым требованиям. Подсекаемые ими мины всплывали, представляя опасность, особенно ночью. При затраливании немецкие якорные мины и минные защитники взрывались, выводя из строя тралящую часть. Нередко на 4–6 тральщиках (8–12 тралящих частей) после подрывов действовало 1,5–2 части, не

обеспечивая достаточную полосу траления. Замена трала занимала не менее полутора часов. Неудачной была организация командования, недостаточной — информация, связанная с требованиями соблюдения скрытности перехода, между ответственным начальником, командованием базы и отрядом спасательных судов.

Общие потери Балтийского флота в 1941 г. оказались наибольшими в сравнении с другими советскими флотами. Наиболее тяжелыми для флота стали потери 17 эсминцев, 27 подводных лодок, 39 тральщиков, восполнить которые в условиях войны промышленность не смогла.

Быстрое продвижение противника к Ленинграду с особой остротой ставило вопрос о его морской обороне. Пришлось прибегнуть к испытанным и надежным средствам — минам и береговой артиллерии.

В эти тревожные для Ленинграда дни германское морское командование, по-своему оценивая возможные варианты, опасалось прорыва советского флота в Швецию. Чтобы не допустить этого, противник усилил минные заграждения в районе Таллин — Хельсинки. В финских шхерах были приведены в готовность соединения неприятельского флота. В районе Або-Аландских островов появилась немецкая эскадра в составе новейшего линкора «Тирпиц», тяжелого крейсера «Адмирал Шеер», двух легких крейсеров, шести эсминцев и других кораблей. В Либаве находился еще один отряд вражеских кораблей¹⁸.

Важной задачей этого периода явилась перегруппировка войск 8-й армии с ораниенбаумского плацдарма в Ленинград с целью занять позиции на одном из угрожаемых направлений — правом берегу Невы. На транспортах, буксирах, самоходных и несамоходных баржах предстояло перевезти шесть стрелковых дивизий, тыл и управление армии. Суда совершали переход небольшими конвоями по северному фарватеру под прикрытием катеров-дымзавесчиков, артиллерии и авиации флота. В октябре вывезли стрелковые части, в ноябре — тылы армии. Со 2 октября по 12 ноября в Ленинград были доставлены 38 057 бойцов, около 1700 машин и тракторов, 309 орудий, около 6600 лошадей и 3 тыс. повозок. На конец месяца планировалась эвакуация гарнизона островов. Тяжелую материальную часть, которую невозможно было вывезти, пришлось взорвать. В ночь на 31 октября к островам подошли пять отрядов кораблей под командованием капитана 2 ранга Ю. В. Ладинского. Для прикрытия отхода и посадки частей использовались один из отрядов кораблей и подвижная 45-мм батарея, которая, меняя позиции, обстреливала берег, занятый противником. Эвакуация 6547 бойцов и еще 500 советских граждан, 74 орудий, 308 пулеметов, 110 лошадей, 630 тонн боезапаса прошла без потерь. С 30 октября по 7 ноября также без потерь были вывезены наиболее удаленные от Кронштадта гарнизоны с островов Гогланд и Тютерс (3270 человек, 49 орудий, четыре танка, 98 лошадей, 1500 тонн боезапаса, 450 тонн продовольствия).

Опасаясь активных действий Балтийского флота с началом летней навигации и пытаясь создать наиболее благоприятные условия для нового штурма Ленинграда, германское руководство утвердило план уничтожения кораблей посредством мощных ударов артиллерии и авиации, а также блокады Невской губы неконтактными минами. 13 февраля 1942 г. Гитлер еще раз потребовал от своих генералов и адмиралов уничтожить советские корабли на Балтике¹⁹. Немецкое морское командование предлагало для этого вести «бесперывные атаки по русским военно-морским силам в Ленинграде и Кронштадте армейской артиллерией и военно-воздушными силами Германии»²⁰. Разработанная противником операция имела кодовое название «Айсштосс» («Ледовый удар»). В ней принимали участие осадная артиллерия 18-й армии и соединения 1-го воздушного флота (1-й авиакорпус)²¹.

Перед началом операции неприятель провел тщательную подготовку: летчики тренировались атаковать корабли, для чего на льду одного из озер был создан учебный полигон с макетами. К ударам по кораблям готовились пикирующие и ночные бомбардировщики, которые несли бомбы массой 1000, 1400 и 1800 кг.

В марте осадная артиллерия врага усилила обстрел кораблей на Неве, судоремонтных и судостроительных заводов Ленинграда и Кронштадта, складов, береговых батарей. Спасение кораблей затруднялось тем, что в течение зимы они оставались на постоянных огневых позициях и не могли их сменить, поскольку вмерзли в толстый слой льда. 23 марта немцы

Советская подводная лодка Щ-403 на базе

Члены экипажа торпедного катера

произвели огневой налет на Балтийский судостроительный завод и линкор «Октябрьская революция». В корабль попало два 152-мм снаряда, правда, не причинив серьезных повреждений.

В течение апреля противник предпринял несколько воздушных и артиллерийских налетов на корабли. 23 апреля в налете участвовало 159 «юнкеров» и «мессершмиттов». Атаки продолжались три часа, но к кораблям прорвались лишь 18 пикировщиков, 24 самолета были сбиты. Большие потери истощили силы вражеской авиации. 25 апреля в налете участвовали только 55 самолетов, а 27 апреля — 24. Снизились и результаты налетов. Только некоторые корабли получили повреждения, но остались в строю, продолжая использовать свою огневую мощь. Усиленно готовилось германское командование к выполнению второй части плана «Айсштосс» — блокаде Балтийского флота. В финских базах и портах шла подготовка специальных отрядов кораблей для оборудования противолодочного рубежа в Финском заливе. Были выделены запасы новых неконтактных мин для минирования фарватеров Невской губы и кронштадтских рейдов.

С началом неприятельских минных постановок все средства ПВО флота были приведены в действие. Зенитчики кораблей и береговых батарей, прожектористы бдительно несли вахту, ночные истребители совершали по 3–4 вылета за ночь. Совместными усилиями зенитчиков и истребителей были сбиты 44 самолета, что составило более 15% от общего их количества, участвовавшего в минных постановках²². Тщательно организованное траление фарватеров позволило выявить и подорвать множество неприятельских мин, потери флота на них в этот период оказались минимальными: буксир и катерный тральщик.

Несмотря на сложность оперативной обстановки и напряженную борьбу на приморских флангах, Балтийский флот активно действовал на морских коммуникациях противника.

В декабре 1941 г., когда восточная часть Финского залива покрылась льдом, командование флота предприняло попытку использовать подводные лодки в зимних условиях. Для этого была подготовлена одна из лодок К-51 с автономностью до 120 суток. Перед лодкой ставилась задача с помощью ледокола прорваться в Балтийское море, в течение четырех месяцев вести боевые действия, а после очищения Финского залива ото льдов вернуться в Кронштадт. 21 декабря К-51 вышла из Кронштадта в сопровождении ледокола «Ермак», однако на следующий день при форсировании тяжелого торосистого льда в районе острова Пенисари оказалась зажата льдами, получила серьезные повреждения и вынуждена была вернуться.

Всего за кампанию 1941 г. подводные лодки совершили 79 боевых походов, потопив 20 транспортов и кораблей немцев. Половина их была уничтожена торпедным оружием, остальные подорвались на минах. Значительные потери понес и наш флот, большинство лодок которого погибло на минах.

По воспоминаниям командующего флотом адмирала В. Ф. Трибуца, уже в декабре 1941 г. Военный совет флота, обсудив варианты боевых действий летом наступающего года, пришел к выводу, что наиболее эффективным средством нарушения морских коммуникаций противника на Балтике остаются подводные лодки. Предложения Военного совета флота получили одобрение Военного совета фронта²³ и народного комиссара ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова.

Чтобы блокировать советские корабли в Кронштадте — Ленинграде и не допустить их прорыва в Балтийское море, противник с помощью авиации производил постановки неконтактных мин в Невской губе и на кронштадтских рейдах. Трудности в использовании подводных лодок возникали на каждом шагу уже в период их подготовки и ремонта, не хватало топлива, продовольствия. Из-за сравнительной мелководности залива ограничивался их маневр. Лодкам предстояло действовать в период белых ночей, что затрудняло скрытность их перехода в надводном положении для зарядки аккумуляторных батарей.

С очисткой Невской губы ото льда на флоте особое внимание уделялось уничтожению мин противника. Дело усугублялось тем, что против тралящих кораблей неприятель постоянно использовал артиллерию и авиацию. Опасный труд тральщиков поддерживала артиллерия флота, в том числе зенитная, прикрывали самолеты-истребители и катера. К началу

Артиллерийский расчет 120-мм орудия линкора Балтийского флота «Октябрьская революция» готовится открыть огонь

Расчет 37-мм зенитного орудия прикрывает выход подводной лодки Щ-303 на боевое задание

развертывания подводных лодок дивизионы траления прошли фарватеры от Ленинграда до Кронштадта и далее к о. Лавенсари.

Охрана водного района Кронштадта развернула у островов Лавенсари и Сескар несколько корабельных дозоров, в основном из морских охотников (МО-4). Днем и ночью, сменяя друг друга, они несли службу, создавая благоприятные условия для кораблей и судов в восточной части Финского залива. Дозоры в районе Лавенсари вскоре после их развертывания начали вступать в столкновения с дозорными и противолодочными силами противника.

Развертывание подводных лодок происходило в три этапа. На первом — лодки переходили из Ленинграда в Кронштадт. Основную опасность здесь представляли магнитные мины и артиллерия противника, расположенная в районе Петергоф — Стрельна. Из-за малых глубин лодки шли только в надводном положении. В начале навигации и осенью переход осуществлялся исключительно ночью, а в период белых ночей в максимальной степени использовались дымовые завесы, позволяющие скрыть лодки от наблюдателей противника, исключив прицельный артиллерийский огонь. Артиллерия флота приводилась в готовность для ведения огня по вражеским батареям. Основным способом противоминной обороны лодок являлось предварительное траление фарватеров.

Второй этап — переход из Кронштадта до Лавенсари — также осуществлялся в контролируемой флотом зоне. До Шепелевского маяка лодки охранялись катерами, далее следовали самостоятельно в подводном или надводном (ночью) положении. Здесь сохранялась минная опасность, возможны были атаки авиации и торпедных катеров противника. От о. Лавенсари начинался третий этап, самый трудный участок пути — лодкам приходилось форсировать Финский залив, на всем протяжении контролируемый гитлеровцами.

В первую группу развертываемых подводных кораблей (первый эшелон) вошли девять лодок: Щ-304, Щ-317, М-95, Щ-405, Щ-320, С-4, Щ-406, С-7, Щ-303. Они вышли в поход с 9 июня по 4 июля (на переходе к о. Лавенсари Щ-405 погибла). Используя элемент внезапности и благодаря грамотным и решительным действиям, Щ-317 за один поход потопила пять транспортов, но и сама, к сожалению, не вернулась.

Во втором эшелоне вышли в море 10 лодок: Л-3, М-96, Щ-407, «Лембит», Щ-309, М-97, Щ-323, С-13, Щ-310, М-102. Успешно завершился поход подводного минного заградителя Л-3. На переходе в район действия он обнаружил у о. Ландсорта конвой противника и, атаковав, потопил танкер. Затем лодка проникла в Померанскую бухту, считавшуюся, по мнению противника, недоступной для советских подводников, и потопила несколько транспортов. Подведя итоги похода, командование наградило весь экипаж подводного корабля орденами и медалями, удостоив звания гвардейского.

К осени 1942 г. обстановка для действий подводных лодок значительно усложнилась. Противник сделал выводы из неудач, усилив противолодочный рубеж в Финском заливе, для конвойной службы выделялось больше кораблей, активизировались действия авиации. Для борьбы с советскими лодками германское командование стало привлекать свои подлодки. Нередко большую часть перехода конвои совершали в территориальных водах формально нейтральной Швеции в охранении шведских военных кораблей, которые нельзя было атаковать.

Развертывание лодок третьей группы началось в середине сентября и закончилось в начале ноября. Это была наиболее мощная группа, насчитывавшая 16 кораблей: Щ-307, С-9, Щ-308, С-12, Д-2, Щ-320, Щ-309, Щ-302, Щ-311, Щ-305, С-7, Щ-306, Щ-406, Л-3, Щ-304, М-96. Почти половина из них в ходе одной и той же кампании выходила в боевой поход повторно. Неоднократно атакованная в Финском заливе Д-2 натолкнулась на противолодочную сеть, часть которой зацепилась за корпус. Чтобы освободиться из плена, добровольцы в легководолазных костюмах несколько часов работали в холодной воде при штормовом ветре и волне. Выйдя в район западнее острова Борнхольм, Д-2 атаковала конвой и тяжело повредила вражеский паром. Германское командование приказало своим судам срочно укрыться в ближайших портах. Появление всего одной советской субмарины на несколько дней прервало судоходство в районе.

Для действий на коммуникациях противника в трех эшелонах в общей сложности выхо­дили 36 подводных кораблей (включая восемь повторных выходов), потопив 56 судов и кораблей противника и заставив военно-морское командование Германии вновь ввести военное положение для судоходства и развернуть огромные силы для обороны своих ком­муникаций. В ряде немецких, шведских и датских источников отмечались успехи советских подводных лодок, значительный урон, который они причинили противнику, а также нару­шение ими судоходства в Балтийском море. Немецкая газета «Дейче альгемайне цейтунг» писала: «В 1942 году, несмотря на наличие обширных минных заграждений и бдительность наших кораблей, нескольким советским подводным лодкам удалось прорваться из Финского залива в Балтийское море и в результате этого в какой-то мере нарушить наше судоходст­во»²⁴. 20 октября 1942 г. шведская «Дагенс нюхетер» отмечала, что «советские подводные лодки, управляемые отважными и отчаянными командирами, прорываются через узкие, заминированные и чрезвычайно тщательно охраняемые воды Финского залива... не дают возможности немцам наладить твердые коммуникации»²⁵.

Некоторые зарубежные исследователи пытаются умалить подвиг балтийских подводни­ков, занижая его результаты. Но даже эти источники свидетельствуют об истинном положении дел: «В стратегическом отношении Германия уже в 1942 году в морской войне на Балтийском море была вынуждена перейти к обороне»²⁶.

В связи с использованием противником авиации для постановки мин была создана си­стема противоминного наблюдения, включавшая большое количество специальных постов на берегу и на плавсредствах.

Широкое использование немцами различных мин — якорных и донных, контактных и неконтактных, с приборами срочности и кратности — вызвало резкое увеличение объема и усложнение тральных работ. Если в Первой мировой войне достаточно было одноразо­вого прохождения фарватера парой тральщиков с контактным тралом, то теперь фарватер требовалось обследовать несколько раз и контактными, и неконтактными тралами. Из-за отсутствия на флоте неконтактных тралов в начале войны погибли и получили повреждения многие корабли. По мере создания неконтактных тралов и применения размагничивающих устройств обстановка стала улучшаться.

Противоминная оборона — это тяжелый повседневный труд личного состава тральщи­ков, постов противоминного наблюдения, гидрографов, лоцманов, большое напряжение экипажей всех судов, выходящих на море. Мина — скрытное средство войны — подстерегала моряков в любое время дня и ночи, в любом районе мелководного Балтийского моря и его заливов.

При форсировании больших минных заграждений в Рижском и Финском заливах приме­нялся самый сложный вид противоминной обороны — проводка боевых кораблей и конвоев за тралами. Для этого привлекались в основном быстроходные тральщики (БТЩ), имевшие на вооружении параван-тралы. Несли их, как правило, и эскадренные миноносцы. Из-за нехватки тральщиков не всегда удавалось создать безопасную полосу необходимой ширины, что обусловило значительные потери при переходе из Таллина и эвакуации гарнизона Ханко.

Основу обороны советских морских коммуникаций составляла система конвоев. Охра­нение транспортных судов на переходе морем боевыми кораблями имело целью защитить их в момент нападения подводных лодок, авиации и катеров противника, а при прохождении минных заграждений — предотвратить подрывы на минах. В состав конвоев на Балтийском море в основном включались катера — малые охотники и торпедные, сторожевые корабли и эсминцы. Ответственность за безопасность конвоев возлагалась на командиров военно-морских баз, на Ладожском озере — на командующего флотилией.

В 1941 г. на Балтийском море было проведено 273 конвоя в составе 804 судов и 1144 ко­раблей охранения, перевезены 88 947 человек и 193 082 тонны грузов; на Ладожском озе­ре — около 500 судов (78 500 человек и 50 тыс. тонн грузов). В 1942 г. в Невской губе и на о. Лавенсари прошли 151 конвой, 363 судна, 1231 корабль охранения, были перевезены 94 926 человек и 112 142 тонны грузов²⁷.

Самолеты-истребители ВВС Балтийского флота

Немецкий корабль в Балтийском море на постановке мин

В целом в 1941–1942 гг. Балтийский флот решил задачу обороны своих коммуникаций. Обеспечил, хотя и с потерями, эвакуацию гарнизонов баз Прибалтики, Ханко, Моонзунда, островов Выборгского залива и Ладожского озера. Была создана устойчивая система обороны коммуникаций в восточной части Финского залива для снабжения Кронштадта, Приморской оперативной группы войск и островов Лавенсари и Сескар, а также для перегруппировок войск.

Наряду с поддержкой сухопутных войск, борьбой с артиллерией противника, защитой морских сообщений на Ладоге и между Ленинградом и Ораниенбаумом Балтийский флот продолжал активные боевые действия по нарушению морских перевозок противника в Финском заливе и Балтийском море. Эти действия, в конечном счете, также были направлены на укрепление обороны Ленинграда, ослабление блокировавшей город 18-й немецкой армии.

Значительные потери транспортного флота, понесенные немцами на Балтике в 1942 г., особенно от подводных лодок, весьма обеспокоили германское командование. На совещании в ставке Гитлера 22 декабря 1942 г. отмечалось, что «каждая советская подводная лодка, которая прорывается через блокаду, является грозой судоходству на всем Балтийском море и подвергает опасности немецкий транспортный флот, которого и так едва хватает»²⁸. Весной 1943 г. сосредоточенный в Таллине германский флот приступил к оборудованию нарген-порккалауддской позиции. Сетевые заградители установили на этой позиции два полотнища стальных противолодочных сетей, которые полностью перекрыли Финский залив на всю его глубину. Для усиления нарген-порккалауддской и гогландской позиций противник выставил дополнительные заграждения, состоявшие из различных систем мин, в том числе и специальных противолодочных. Общее число мин, поставленных им в Финском заливе, в 1943 г. превысило 30 тыс. В ряде мест, и прежде всего на гогландской и нарген-порккалауддской позициях, были развернуты дополнительные корабельные навигационные дозоры. По всему заливу велась систематическая воздушная разведка. Усиливая блокаду, немцы увеличили число кораблей в заливе до 249.

Готовясь к боевым действиям на коммуникациях противника, весной 1943 г. штаб Балтийского флота разработал план развертывания подводных лодок из Ленинграда и мероприятия по их прорыву через Финский залив в Балтийское море. Построенный на опыте предыдущей кампании, этот план не учитывал, однако, установленных противником противолодочных сетей. Воздушная разведка флота своевременно донесла командованию о постановке сетей, но из-за неправильной оценки ее данных Военный совет не принял необходимых мер по противодействию работе сетевых заградителей неприятеля²⁹.

Для выяснения возможности форсировать Финский залив командование флота в мае выслало подводные лодки Щ-303 (командир — капитан 3 ранга И. В. Травкин) и Щ-408 (командир — капитан-лейтенант П. С. Кузьмин). Первой вышла в море Щ-303, которая успешно форсировала гогландскую минную позицию, но преодолеть нарген-порккалауддскую не смогла, была обнаружена кораблями противолодочной обороны противника, которые в течение 20 суток преследовали ее, сбросив сотни глубинных бомб. Лишь благодаря мужеству экипажа и искусству командира лодка смогла вернуться на базу³⁰.

Несмотря на то что подводные лодки не вели боевых действий в Балтийском море, враг продолжал нести потери на минах, поставленных советскими подводниками в предшествующий период войны: подорвались на минах и погибли немецкие транспорты «Грундзее» и «Мори Фердинанд», подводная лодка U-416.

В июне 1943 г. боевые действия по нарушению морских коммуникаций противника начала торпедоносная авиация флота. К этому времени его военно-воздушные силы пополнились новейшими самолетами ДБ-3, личный состав достаточно хорошо освоил новую технику и приобрел необходимый боевой опыт³¹.

По мере того как, согласно приказу начальника Генерального штаба Красной армии, ударная авиация флота снималась с сухопутного направления, переключаясь на морское, масштабы ее действий по нарушению вражеских коммуникаций непрерывно возрастали³².

Командир подводной лодки К-3 капитан-лейтенант К.И. Малафеев у перископа

Эсминцы Балтийского флота в боевом походе

В 1943 г. минно-торпедная авиация совершила 228 боевых вылетов в Балтийское море, было потоплено 19 транспортов и шесть повреждено. Успешность атак торпедоносной авиации составила 21%, что ниже показателя успешности действий подводных лодок за тот же период войны. Потери ее составили 2,1% от общего количества вылетов³³.

За успехи, достигнутые в борьбе на морских коммуникациях противника, минно-торпедная авиационная дивизия КБФ была преобразована в гвардейскую³⁴.

В августе 1943 г. в составе ВВС флота была сформирована 9-я штурмовая авиационная дивизия (два штурмовых и два истребительных полка)³⁵. Это позволило перейти от действий небольшими группами самолетов к нанесению массированных ударов по конвоям и кораблям противника с участием большого количества штурмовиков и истребителей.

Изменилась и тактика штурмовой авиации. С получением данных воздушной разведки штурмовая дивизия нередко в полном составе поднималась в воздух для уничтожения крупного конвоя противника. Первыми в атаку шли группы штурмовиков, предназначенные для подавления зенитной артиллерии, за ними на цель выходили ударные группы — с одного или двух бортов в зависимости от обстановки. Действия штурмовиков обеспечивались надежным прикрытием истребителей.

Переход к новому методу значительно повысил результативность действий штурмовой авиации. Только в августе — сентябре 1943 г. самолеты Ил-2 уничтожили и повредили семь сторожевых кораблей, три тральщика, канонерскую лодку, минный заградитель и ряд других кораблей³⁶.

В кампанию 1943 г. минно-торпедная авиация флота поставила в водах противника 455 неконтактных и контактных мин, на которых подорвались и погибли три транспорта и два вспомогательных судна.

Из надводных кораблей для нарушения неприятельских коммуникаций в Финском заливе использовались в основном торпедные катера. К началу кампании 1943 г. в составе бригады торпедных катеров, которой командовал капитан 1 ранга Е. В. Гуськов, насчитывалось 23 катера. В течение года бригаду пополнили еще 37, полученные от промышленности и после капитального ремонта³⁷.

В 1943 г. силы Балтийского флота, главным образом его авиация, по данным, подтвержденным противником, уничтожили 87 транспортов и кораблей³⁸. Чтобы представить значение борьбы на коммуникациях, достаточно привести следующие данные. Расчеты показывают, что для уничтожения военных грузов, доставленных на фронт двумя транспортами водоизмещением по 6 тыс. тонн каждый и танкером в 3 тыс. тонн, в среднем требуется не менее 3 тыс. вылетов бомбардировочной авиации при условии успешного выполнения ею поставленных задач³⁹.

Важной задачей Северного флота осенью 1941 г. являлось нарушение морских коммуникаций противника. В условиях отсутствия в Северной Норвегии и Северной Финляндии железных дорог и слабого развития шоссейных морские пути приобретали для Германии особое значение: «Ведение войны в этой пустынной местности, — писал немецкий адмирал Ф. Руге, — полностью зависело от возможности продолжать морские перевозки»⁴⁰. Транспортировка немецких войск, боевой техники и стратегического сырья осуществлялась круглый год через порты Петсамо и Киркенес по прибрежной коммуникации вдоль побережья Северной Норвегии и Финляндии протяженностью около 400 миль. В 1941 г. средний месячный грузооборот составлял 350–400 тыс. тонн. Впоследствии с каждым годом он увеличивался и в 1943 г. достиг 500–600 тыс. тонн в месяц.

Придавая большое значение нарушению морских коммуникаций противника, командование Северного флота использовало подводные лодки, авиацию, надводные корабли и береговую артиллерию.

В октябре 1941 г. штаб флота на основании уточненных данных о движении немецких судов у побережья Северной Норвегии произвел новую нарезку позиций для подводных лодок, которые полностью перекрыли весь путь движения вражеских конвоев между портами Киркенес и Тромсе. Были упразднены ранее существовавшие разграничительные полосы

между позициями у берега, позволив подводникам активнее вести поиск вражеских конвоев. Расширение районов боевых действий и отказ от разграничительных полос в прибрежной части позиций означали переход к более эффективному использованию лодок на коммуникациях противника — крейсерству одиночных подводных кораблей в ограниченном районе. Одновременно североморцы начали осваивать стрельбу несколькими торпедами с временными интервалами. Такой способ стрельбы, естественно, увеличивал расход торпед, зато значительно повышал вероятность попадания в цель, особенно при стрельбе с больших дистанций. Зародившись на Северном флоте, он вскоре распространился на другие флоты, прочно утвердившись среди подводников.

С осени 1942 г. потери Германии, несмотря на усиление ее противолодочной обороны, стали возрастать. Если до этого североморцы потопили два транспорта и тральщик, то в следующие четыре месяца — 29 транспортов и четыре боевых корабля⁴¹.

В сентябре подводники стали применять минное оружие. Вначале для этого использовались крейсерские лодки типа «К», имевшие на вооружении 20 мин, а затем и подводные минные заградители типа «Л». Первая минная постановка была произведена 10 октября лодкой К-2 капитана 3 ранга В. П. Уткина на подходах к порту Варде. Лодка выставила четыре минные банки, общей численностью 13 мин⁴². 29 октября подводная лодка К-23 под командованием капитана 3 ранга Л. С. Потапова проникла в глубь фьордов, выставив на подходах к Киркенесу 20 мин, на которых 9 ноября подорвался транспорт «Флотбек»⁴³. Всего в 1941 г. подводные лодки осуществили восемь минных постановок, выставив на коммуникациях противника 147 мин⁴⁴.

В 1942 г. Германия увеличила масштабы перевозок на Севере, одновременно усилив оборону морских коммуникаций. В январе — марте для обороны прибрежных коммуникаций с моря немцы выставили до 2200 мин⁴⁵. Число кораблей охранения в составе конвоя увеличилось до трех на один транспорт. Это требовало от североморских подводников дальнейшего совершенствования мастерства, более смелых и решительных действий.

Подводные лодки наиболее эффективно использовали торпедное оружие. Самые опытные командиры освоили залповую стрельбу одновременно по двум целям. Первую успешную атаку провела лодка С-102 под командованием капитан-лейтенанта Л. И. Городничего. 14 января, производя поиск в районе Перс-фьорда, она обнаружила конвой в составе трех транспортов и пяти кораблей охранения. С дистанции 6–8 кабельтовых четырехторпедным залпом С-102 потопила транспорты «Тюрк-хайм» и «Фегервик»⁴⁶.

Североморцы широко применяли гидроакустику, посредством которой обнаруживали цели раньше, чем в перископ.

В 1942 г. в состав флота были включены подводные минные заградители. В навигацию этого года подводные лодки произвели 14 минных постановок, выставив на прибрежных коммуникациях противника 292 мины⁴⁷, совершили 117 боевых походов, потопив 45 транспортов и 12 кораблей. Советские потери составили девять подводных лодок, семь из которых подорвались на минах⁴⁸.

За достигнутые успехи подводные лодки Д-3, К-21, Щ-402, Щ-421 и М-172 были награждены орденом Красного Знамени, а Д-3, К-22, М-171 и М-174 преобразованы в гвардейские. Капитанам 2 ранга И. А. Колышкину, М. И. Гаджиеву, Н. А. Лунину, капитану 3 ранга В. Г. Старикову и капитан-лейтенанту И. И. Фисановичу были присвоены звания Героя Советского Союза.

К началу 1943 г. в составе бригады находилось 17 подводных кораблей. В течение года она пополнилась еще 16, из которых 11 поступили от промышленности, а пять были переведены с Тихоокеанского флота, совершив беспрепятственный в истории нашего подводного плавания переход через Тихий и Атлантический океаны общей протяженностью 17 тыс. миль. Эти лодки полностью восполнили потери, понесенные бригадой в 1942 и 1943 гг.⁴⁹

В марте 1943 г. командиром бригады подводных лодок Северного флота был назначен один из наиболее опытных североморских подводников Герой Советского Союза капитан 1 ранга И. А. Колышкин⁵⁰. Подчиненные ему подводные корабли по-прежнему использовались методом крейсерства в ограниченном районе.

Конвой немецких судов

Немецкий линкор «Тирпиц»

Во время полярной ночи, когда авиация не могла выполнять разведку коммуникаций, лодки самостоятельно вели поиск противника — в надводном положении с применением гидроакустики. Более совершенная ее система («Дракон-129») обеспечивала обнаружение цели на расстоянии до 60 кабельтовых, позволяя выходить в бесперископные атаки, производя стрельбу по данным гидроакустических пеленгов.

В марте была предпринята попытка использовать подводные корабли во взаимодействии с авиацией. Для этой цели использовались лодки М-122, С-55 и С-101, на аэродромах подготовили несколько групп самолетов-бомбардировщиков и торпедоносцев⁵¹. Подводные лодки были заблаговременно развернуты между Варангер-фьордом и Тана-фьордом. Однако из-за недостаточно надежной связи и плохого взаимодействия личного состава осуществить запланированное не удалось. Вместо совместного удара по одному и тому же конвою авиация и подводные лодки атаковали три разных конвоя, обнаруженных воздушной разведкой на участке между Варангер-фьордом и Тана-фьордом.

Одну из первых бесперископных атак на Северном флоте совершила подводная лодка Щ-404 под командованием капитан-лейтенанта Г. Ф. Макаренкова. Находясь в районе мыса Кибергнес, 14 сентября с помощью гидролокатора «Дракон-129» она обнаружила вражеский конвой, направлявшийся в Киркенес. Конвой состоял из двух транспортов, шедших в охранении миноносца, двух тральщиков и нескольких сторожевых катеров. Командир лодки, маневрируя на глубине 15 метров и используя гидроакустику, рассчитал боевой курс и с дистанции 10 кабельтовых произвел четырехторпедный залп по транспорту водоизмещением 8 тыс. тонн, потопив его⁵². Корабли охранения длительное время преследовали Щ-404, сбросив более 100 глубинных бомб. Но, уклонившись от прямых попаданий, лодка оторвалась от противника и благополучно вернулась на базу.

В кампанию 1943 г. подводные лодки продолжали использовать минное оружие. К постановке заграждений привлекались заградители Л-15, Л-20 и Л-22 и крейсерская лодка К-21⁵³. Мины ставились главным образом на западном участке коммуникации между мысом Нордкап и портом Тромсе в глубине фьордов. Новым было применение плавающих мин ПЛТ-2. Установленные обычно на шхерных фарватерах, они течением разносились по акватории, делая опасным плавание судов на всем протяжении коммуникаций. В течение года было произведено 14 минных постановок (276 мин)⁵⁴, подводные лодки флота совершили 103 боевых похода, потопив 49 транспортов и 19 кораблей.

Наряду с подводными лодками боевые действия по нарушению коммуникаций противника с первых дней войны начала и авиация флота, ведя их в крайне неблагоприятных условиях. Немецкая авиация значительно превосходила ее не только количественно, но и качественно, господствуя в небе. Основным районом боевых действий авиации был залив Варангер-фьорд, где располагались порты Киркенес, Линахамари и Петсамо, через которые немцы осуществляли северные перевозки. Налеты бомбардировщиков группами по 2–5 машин носили эпизодический характер, бомбометание производилось с горизонтального полета и с высоты 4–7 тыс. метров. В целях скрытности самолеты действовали главным образом в ночное время. В 1941 г. авиация флота, совершив 533 вылета, потопила два транспорта и повредила несколько судов противника, потеряв при этом шесть самолетов⁵⁵.

В конце 1941 — начале 1942 гг. военно-воздушные силы флота получили 230 новых машин, что позволило расширить боевые действия на вражеских коммуникациях, применяя наряду с бомбами минно-торпедное оружие. В качестве торпедоносцев использовались самолеты Ил-4 (ДБ-3ф) с дальностью полета до 2,5 тыс. км и бомбовой нагрузкой в 1500 кг. Вначале они применяли торпедометание с высоты от 1300 до 4800 метров. Однако из 15 выпущенных торпед только одна попала в транспорт, стоявший на якоре⁵⁶. Низкие результаты высотного торпедометания объяснялись главным образом недостаточной подготовкой экипажей.

С лета 1942 г. при действиях на коммуникациях противника методом «свободной охоты» (крейсерство) авиация начала применять низкое торпедометание. При атаке конвоев самолеты в целях скрытности старались использовать низкую облачность и малую видимость. Производя поиск на высотах 30–50 метров, торпеды сбрасывали с дистанции в 300 метров

Советские торпедные катера в походе

На мостике немецкого торпедного катера

Пикирующий бомбардировщик Пе-2 ВВС Северного флота на аэродроме

Эсминец Северного флота во льдах Карского моря

и более от цели. 29 июля воздушная разведка обнаружила конвой в составе двух транспортов и восьми кораблей охранения, вышедших из портов Варангер-фьорда на запад. Для удара по конвою вылетели два торпедоносца ДБ-3ф. Зайдя со стороны солнца, они начали сближаться с противником, рассчитывая атаковать наиболее крупный транспорт. Сбросив торпеды с дистанции 400 метров и открыв по кораблям охранения пулеметно-пушечный огонь, торпедоносцы благополучно вышли из атаки. Их удар оказался для врага настолько неожиданным, что зенитный огонь он начал с большим опозданием, не причинив нашим самолетам никакого вреда. В результате атаки был потоплен крупный немецкий транспорт водоизмещением 15 тыс. тонн⁵⁷.

В 1943 г. обстановка для советской авиации на Севере складывалась более благоприятно, чем в предшествующие периоды войны. Возросла ее численность, улучшилось качество самолетов. В начале кампании ВВС флота насчитывали 298 самолетов, к концу ее — 352 (количество немецкой авиации уменьшилось с 500 до 350)⁵⁸. Флот получил новейшие истребители, в том числе дальнего действия (Пе-3), торпедоносцы (А-20) и штурмовики (Ил-2).

Усиление авиации значительно расширило масштабы ее деятельности на коммуникациях противника. Для этого использовались все виды авиации: разведывательная, бомбардировочная, торпедоносная, штурмовая, истребительная. Действия ее, как и подводных лодок, распределялись по зонам. На ближних участках коммуникаций в заливе Варангер-фьорд действовали истребители и штурмовики; на среднем — между Варангер-фьордом и Тана-фьордом — пикирующие бомбардировщики, на дальних коммуникациях вплоть до порта Тромсе — торпедоносцы. Такое распределение способствовало нанесению ударов по вражеским конвоям на всем пути их следования от портов Варангер-фьорда до Тромсе. В 1943 г. авиация североморцев потопила 61 транспорт, семь боевых и вспомогательных кораблей, выйдя на первое место среди других сил флота.

К началу войны в составе Северного флота имелись всего два торпедных катера типа Д-3⁵⁹. Это объяснялось тем, что, согласно бытовавшим взглядам, считалось маловероятным успешное использование катеров в суровых условиях Заполярья. Опыт уже первых месяцев войны опроверг эти предположения. В августе 1941 г. по просьбе Военного совета Северному флоту передали четыре катера, перевезя их из Ленинграда по железной дороге. С их прибытием был сформирован отряд торпедных катеров из трех звеньев, который вошел в состав Охраны водного района (ОВР) главной базы флота⁶⁰. Учитывая сравнительно небольшую дальность плавания катеров Д-3 (до 230 миль), они использовались на ближних коммуникациях противника в Варангер-фьорде. Катера сражались небольшими группами методом самостоятельного поиска в заданном районе, держались ближе к берегу на подходах к портам Киркенес и Петсамо, где легче было обнаруживать вражеские суда. Первая встреча торпедных катеров с противником произошла в ночь на 12 сентября, когда ТКА-11 (командир — капитан-лейтенант Г. К. Светлов) и ТКА-12 (командир — лейтенант А. О. Шабалин) в соответствии с данными разведки вышли на перехват конвоя, шедшего из порта Киркенес в Петсамо. Следуя малым ходом вдоль берега, они скрытно сблизились с ним и с дистанции четыре кабельтовых выпустили четыре торпеды по транспорту и кораблю охранения, уничтожив их⁶¹.

С конца 1941 г. для нарушения коммуникаций противника в районе Варангер-фьорда стали применяться сторожевые катера типа МО-4, приспособленные к постановке мин заграждения (по две мины КБ-3 каждый). В 1941–1942 гг. они произвели шесть минных постановок, выставив у баз и портов противника 68 мин. С конца 1943 г. условия для действий торпедных катеров значительно улучшились. К этому времени авиация флота добилась господства в воздухе и могла не только обеспечить катера разведкой и прикрывать с воздуха, но и вместе с ними наносить удары по конвоям противника в Варангер-фьорде. Флот получил пополнение в количестве 12 катеров⁶², что позволяло производить поиск двумя тактическими группами, расширить полосу поиска, а следовательно, результативность атак.

Увеличив группировку морских и воздушных сил на Севере, противник в 1942 г. значительно активизировал действия на советских коммуникациях, распространив их до побере-

жья Новой Земли и в Карское море, пытаясь установить контроль над нашим судоходством в Арктике. Если в марте 1942 г. его авиация совершила 700 вылетов для бомбардировки Мурманска, то в апреле — 1641, а в июле — 2895. В мае в налете на мурманский порт участвовало 300 самолетов. Летчики Северного флота в этот день провели 17 воздушных боев, сбив большое количество вражеских бомбардировщиков. И хотя немецкая авиация причинила Мурманску большие разрушения, особенно в районе жилых кварталов, ей не удалось вывести из строя порт⁶³.

Одновременно с действиями авиации немцы значительно расширили применение минного оружия. В 1942 г. они выставили на наших внутренних коммуникациях 1000 мин и минных защитников, создав серьезную опасность для плавания судов почти на всем морском театре⁶⁴. 11 октября в проливе Маточкин Шар подорвался СКР-23 («Муссон»), 14-го числа на подходе к проливу Югорский Шар с запада — транспорт «Щорс», 26 ноября в районе мыса Мадаха получил повреждения ледокол «Микоян»⁶⁵.

В борьбе с подводными лодками, надводными кораблями и минной опасностью, особенно в районе военно-морских баз и опорных пунктов, важную роль играли корабельные дозоры. В 1942 г. по мере распространения подводной угрозы на юго-восточную часть Баренцева моря, а затем на Карское море корабельные дозоры были установлены в районе губы Белушья, на подходах к проливам Карские ворота и Югорский Шар, а в 1943 г. — в ряде районов Карского моря. В качестве дозорных кораблей использовались главным образом рыболовецкие суда, переоборудованные под сторожевые корабли и катера.

Для борьбы с подводными лодками противника командование флота использовало надводные корабли, подводные лодки и авиацию. В 1942 г. к решению этой задачи были привлечены около 100 кораблей и 124 самолета⁶⁶. Наиболее эффективными являлись патрулирование самолетов и кораблей в районах активных действий лодок врага и конвоирование транспортов военными кораблями. К охранению судов в составе конвоев привлекались миноносцы, эскадренные миноносцы, сторожевые корабли и сторожевые катера, большие и малые охотники, тральщики и самолеты МБР-2. Корабли вели систематический поиск подводных лодок на подходах к военно-морским базам и портам, как правило, перед выходом конвоев или при их проходе. В поиске участвовали одновременно 3–6 катеров, 2–3 сторожевых корабля или эскадренных миноносца⁶⁷.

По мере усиления Северного флота и Беломорской военной флотилии возросло число кораблей охранения в составе конвоев, совершенствовалась их противовоздушная оборона. При проводке транспортов с наиболее ценными грузами стала использоваться противолодочная авиация, производившая поиск лодок и плавающих мин по курсу конвоя⁶⁸. Проводку ледоколов осуществляли лидер «Баку», эскадренные миноносцы «Гремящий», «Грозный», «Урицкий», «В. Куйбышев» и сторожевые корабли СКР-28, СКР-30, минный заградитель «Юшар» и английский тральщик «Бритомарт»⁶⁹.

В целях обеспечения проводки ледоколов у побережья Северной Норвегии были развернуты подводные лодки К-1, Л-22 и С-56, которые предназначались для атаки крупных кораблей противника при выходе в море. С воздуха ледоколы прикрывались истребителями, которые сопровождали их до о. Колгуев. Весь путь, которым следовали ледоколы от Архангельска до пролива Карские Ворота, предварительно был протрален. Тральщики на участке от мыса Канин Нос и до Карских Ворот уничтожили более 20 плавающих мин⁷⁰. Операция была проведена без потерь.

Обеспечение морских перевозок включало в себя не только охрану транспортов на переходе, но и защиту их с воздуха во время погрузо-разгрузочных работ. Эту задачу решали силы противовоздушной обороны баз и портов. Согласно договоренности, достигнутой на Московской конференции 29 сентября — 1 октября 1941 г., союзники СССР — Англия и США — поставляли в Советский Союз некоторые виды вооружения и боеприпасов, продовольствие, промышленное оборудование, в счет чего из Советского Союза в эти страны поставлялось сырье. В качестве основного способа защиты судов, направлявшихся по северным коммуникациям в Мурманск и Архангельск, союзники избрали систему конвоев, которые

Народный комиссар ВМФ СССР адмирал Н. Г. Кузнецов (*второй справа*)
беседует с командиром подводной лодки

формировались в Англии (порты Лох-Ю и Скапа-Флоу) и Исландии (порты Рейкьявик, Аккурейри и залив Хваль-фьорд). В состав конвоев вначале включалось 6–10 транспортов, в дальнейшем число их было увеличено до 30–40. До 1943 г. в союзные конвои входили иногда и советские транспорты⁷¹. Транспорты шли в нескольких кильватерных колоннах по 4–5 в каждой. К конвоированию их привлекались эскадренные и конвойные миноносцы, фрегаты, корветы, тральщики и охотники за подводными лодками, а с 1943 г. — и эскортные авианосцы.

Первый конвой в составе шести транспортов прибыл из Англии 31 августа 1941 г., еще до того как в Москве было подписано соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии. В течение 1941 г. с промежутками в 1–3 недели пришли еще шесть конвоев (PQ-1 — PQ-6), из Архангельска в Англию — четыре⁷². Для обеспечения проводки этих конвоев корабли Северного флота совершили 92 выхода, авиация произвела 325 вылетов⁷³. Все конвои 1941 г. прошли без потерь, доставив в Советский Союз 160,4 тыс. тонн грузов (из СССР было вывезено 145,8 тыс. тонн сырья)⁷⁴.

Рассчитывая на молниеносный разгром советских войск на суше, существенных мер против союзных конвоев германское командование в 1941 г. не предпринимало, но после провала блицкрига решило развернуть против них активные действия с использованием надводных кораблей, подводных лодок и авиации.

Сосредоточенная в Северной Норвегии группировка немецких военно-морских и военно-воздушных сил занимала на театре выгодное фланкирующее положение и могла серьезно угрожать конвоям на всем пути их следования⁷⁵. В 1942 г. союзное командование было вынуждено усилить охрану транспортов. Учитывая наличие у противника крупных надводных кораблей, союзники кроме непосредственного охранения транспортов форми-

ровали специальные отряды и эскадры оперативного прикрытия, включавшие линейные корабли, авианосцы, крейсера и эскадренные миноносцы. Они выходили из Англии вместе с конвоями и развертывались в сторону северного побережья Норвегии в целях прикрытия их от ударов крупных надводных кораблей, базировавшихся в районе Альтен-фьорда (Северная Норвегия). Принципиальная схема обеспечения проводки союзных конвоев Северным флотом сводилась к следующему. С получением сведений о выходе конвоя из Англии или Исландии штаб флота приступал к развертыванию соответствующих сил. Первой вылетала разведывательная авиация с задачей обеспечить конвой разведанными и гидрометеорологическими сведениями по маршруту его движения. Воздушная разведка велась по двум направлениям: вдоль северного побережья Норвегии и в сторону моря до о. Медвежий включительно. Через военную миссию союзников в Полярном полученные данные передавались английскому адмиралтейству, которое на их основании определяло маршрут движения конвоев. Одновременно бомбардировщики и штурмовики Северного флота совместно с армейской фронтовой авиацией наносили удары по вражеским аэродромам в Северной Норвегии и Финляндии. На подходах к базам противника развертывалось несколько подводных лодок, которые должны были своевременно сообщать о выходе немецких надводных кораблей из фьордов и наносить по ним удары. По мере продвижения конвоев на восток в пределах операционной зоны Северного флота подводные лодки переразвертывались из одного района в другой, чтобы быть ближе к конвою и прикрывать его в случае нападения крупных неприятельских кораблей.

На подходах к Кольскому заливу и Горлу Белого моря усиливалась дозорная служба, противолодочные корабли и самолеты вели поиск немецких подводных лодок. В местах высокой минной опасности производились контрольное траление фарватеров и поиск плавающих мин. Организовывалось и соответствующее навигационное обеспечение перехода конвоев, а в зимних условиях — проводка транспортов за ледоколами, направлявшимися для разгрузки в архангельский порт.

В период стоянки транспортов и кораблей союзников в советских портах противовоздушная оборона их целиком обеспечивалась силами архангельского и мурманского секторов ПВО.

Стремясь нарушить межсоюзнические перевозки на Севере, германское командование в начале 1942 г. активизировало действия своего флота, в течение первой половины года осуществив пять крупных операций, нанесших конвоям существенный урон. Конвой PQ-13 потерял пять транспортов, PQ-14 — один, PQ-15 — три⁷⁶.

Необходимо было усилить оборону конвоев, против которых немцы могли использовать крупные разнородные силы своего флота, сосредоточенные в Северной Норвегии. Это подтвердил следующий конвой (PQ-16), вышедший из Исландии 21 мая. В состав его входили 35 транспортов и 14 кораблей охранения. Советское командование приняло ряд дополнительных мер по усилению воздушного прикрытия конвоя на наиболее опасном участке трассы — к востоку от о. Медвежий. По мере его продвижения производились систематический поиск подводных лодок противника с использованием на подступах к Кольскому заливу сторожевых катеров, а также контрольное траление фарватера в Горле Белого моря. Для прикрытия со стороны норвежских фьордов была развернута группа советских подводных лодок.

23 мая конвой PQ-16 был обнаружен немецкой воздушной разведкой, и с 25 мая немецкая авиация и подводные лодки начали наносить по нему непрерывные удары. 27 мая в атаках участвовало 108 самолетов, потопивших шесть транспортов. В пределах советской операционной зоны в обеспечении конвоя участвовали 67 боевых кораблей и свыше 250 самолетов, совершивших 1198 вылетов. В отдельные дни над конвоем находилось до 70 советских истребителей, не позволявших немецким самолетам производить прицельные атаки. 30 мая конвой PQ-16 прибыл в Мурманск, а шесть транспортов из его состава под охраной кораблей и авиации Северного флота проследовали в Архангельск, куда благополучно прибыли 1 июня. Всего из состава конвоя было потеряно семь транспортов, причем все они погибли за пределами операционной зоны Северного флота, в районах, где охрану конвоя осуществляли союзники.

Трагически сложилась судьба следующего конвоя — PQ-17, вышедшего из Исландии 27 июня 1942 г. В состав его входили 37 транспортов и 23 корабля охранения. Одновременно с ним из советских портов в Англию направился конвой PQ-13, насчитывавший 35 транспортов и 21 корабль охранения. Для прикрытия этих конвоев английское командование выделило отряд ближнего прикрытия конвоя PQ-17 в составе двух английских и двух американских крейсеров и отряд оперативного прикрытия, в который входили два новых линкора — английский и американский, авианосец и десять эскадренных миноносцев. Вдоль побережья Северной Норвегии были развернуты две завесы из четырех советских подводных лодок, которые заняли позиции ближе к берегу, и десяти английских, державшихся подальше. Все подводные лодки должны были оставаться на своих позициях до прохода конвоя PQ-17.

Помимо четырех подводных лодок, развернутых непосредственно на подступах к базам противника, на аэродромах Кольского полуострова было сосредоточено 287 самолетов (191 истребитель, 69 бомбардировщиков и 27 разведчиков). В боевую готовность были приведены соединения надводных кораблей, береговая и зенитная артиллерия флота.

Зная о подготовке к выходу в Советский Союз крупного конвоя с ценным военным грузом, германское командование организовало специальную операцию. Была выделена эскадра, состоящая из линейного корабля «Тирпиц», тяжелых крейсеров «Хиппер», «Лютцов», «Адмирал Шеер» и 12 эскадренных миноносцев. На аэродромах Северной Норвегии ожидали приказа 264 самолета (из них 190 бомбардировщиков и торпедоносцев), в районе между островами Ян-Майен и Медвежий — 23 подводные лодки. 1 июля воздушная разведка немцев обнаружила конвой PQ-17 в 60 милях восточнее о. Ян-Майен. Продолжая наблюдение, противник стал стягивать к нему подводные лодки и 2 июля приступил к атакам, используя одиночные подводные лодки и небольшие группы самолетов. В течение двух дней корабли охранения успешно отражали эти атаки, союзники потеряли лишь один транспорт, и несколько судов были повреждены.

4 июля английское адмиралтейство получило сообщение о выходе из норвежских фьордов немецкой эскадры во главе с линкором «Тирпиц» с целью атаки союзного конвоя. Сил союзного флота, сопровождавших конвой PQ-17, было вполне достаточно для защиты конвоя от немецкой эскадры. Но английское командование рассудило иначе. Узнав о выходе в море немецкой эскадры, оно отозвало свои корабли прикрытия и охранения, приказав капитанам транспортов следовать в советские порты самостоятельно. Таким образом, суда с ценными военными грузами на борту были брошены на произвол судьбы. Многие из них стали жертвами немецких подводных лодок и авиации.

Воспользовавшись ошибкой английского командования, враг обрушился на незащищенные транспорты. В течение нескольких дней он преследовал их, нанося бомбовые и торпедные удары. Жертвами этих непрерывных атак стали 24 транспорта из 37, входивших в состав конвоя. Из числа погибших судов десять были потоплены авиацией, четыре — подводными лодками и десять — совместными действиями подводных лодок и авиации⁷⁷. На погибших транспортах находились 3350 автомашин, 430 танков, 210 бомбардировщиков и 99 386 тонн ценного груза, предназначенного для Красной армии. На судах, благополучно прибывших в порт назначения, были доставлены 896 автомашин, 164 танка, 87 самолетов и 57 176 тонн воинских грузов⁷⁸. 13 транспортов, уцелевших от разгрома конвоя и благополучно добравшихся до Архангельска, во многом обязаны своим спасением морякам Северного флота, которые с 4 по 24 июля вели непрерывный поиск и оказывали помощь одиночным судам союзников, самостоятельно следовавшим в советские порты.

В течение 20 дней для поиска судов конвоя, рассредоточенных на огромной площади восточной части Баренцева моря, авиация Северного флота совершила 304 вылета, а надводные корабли — 193 выхода в море⁷⁹.

Английское правительство использовало трагедию конвоя PQ-17 как причину для прекращения союзнических поставок в СССР по наиболее короткому и удобному для нас северному пути в летний период 1942 г. Причем это было сделано в самое трудное для Советского Союза время, когда немецкие войска предприняли наступление на Сталинград и Кавказ. В письме

от 23 июля 1942 г., адресованном главе английского кабинета У. Черчиллю, И. В. Сталин отметил, что доводы английских морских специалистов о необходимости прекращения подвоза военных материалов в северные порты СССР несостоятельны. При доброй воле и готовности выполнить взятые на себя обязательства подвоз мог бы осуществляться регулярно⁸⁰.

Спустя полтора месяца союзники возобновили посылку конвоев в Мурманск и Архангельск по северной трассе. Очередной конвой PQ-18 в составе 40 транспортов (из них шесть советских) и 31 корабля охраны вышел из Исландии 7 сентября. В состав этого конвоя англичане впервые включили эскортный авианосец, имевший на борту 15 самолетов⁸¹. На второй день после выхода из Исландии конвой был обнаружен немецкой воздушной разведкой. На пути следования PQ-18 они развернули 18 подводных лодок в районе о. Медвежий.

21 сентября конвой PQ-18 прибыл в советские порты. Его потери от действий немецких подводных лодок и авиации составили 13 транспортов, из них только один был потоплен в советской операционной зоне.

Опыт Северного флота по обеспечению проводки конвоя PQ-18 показал, что при достаточно надежном воздушном прикрытии и умело организованной противолодочной обороне транспортов на переходе движение конвоев по северной морской трассе возможно. Однако английское адмиралтейство придерживалось иной точки зрения и, ссылаясь на большие потери, понесенные PQ-18, вновь прекратило посылку конвоев⁸².

Чтобы не прерывать перевозки из Англии и США в СССР наиболее коротким северным путем, советское командование организовало переходы по этой трассе одиночных транспортов без охраны.

В 1941–1942 гг. в северные порты Советского Союза было проведено 20 союзных конвоев (234 транспорта), перевезено 975,1 тыс. тонн грузов. Из СССР в Англию вышло 16 конвоев (511,8 тыс. тонн, главным образом сырье). С октября 1942 г. по февраль 1943 г. из Исландии в СССР прошло 13 транспортов, а в обратном направлении — 27. Таким образом, в обоих направлениях за четыре месяца прошло 40 транспортов, из них на переходе погибло десять: шесть союзных и четыре советских⁸³.

В 1943 г. обстановка на внешних коммуникациях Советского Союза несколько улучшилась. Под влиянием побед Красной армии под Сталинградом и Курском немецкое командование вынуждено было перебросить из Северной Норвегии часть своей бомбардировочной авиации, представлявшей наибольшую угрозу для союзных конвоев.

Всего в Мурманск и Архангельск в 1943 г. союзниками было отправлено семь конвоев — в два раза меньше чем в 1942 г., в Англию из СССР ушло шесть конвоев. Потери в обоих направлениях составили четыре транспорта, тогда как в 1942 г. они достигали 69.

Одной из важнейших задач Черноморского флота в первый и второй периоды войны являлась защита морских коммуникаций, связанная прежде всего с содействием обороне Одессы, Севастополя, Керченского полуострова, а затем и Кавказа. Основным ее средством должны были стать подводные лодки. Однако на их использовании неблагоприятно сказывался общий ход боевых действий на суше, заставивший советские лодки и корабли оставить свои базы и передислоцироваться на Кавказское побережье, значительно удаленное от основных коммуникаций противника, проходивших вдоль побережья Румынии и Болгарии. Резко ухудшились условия тылового обеспечения лодок, их ремонта и снабжения.

В конце октября добилась успеха подводная лодка М-35, которой командовал старший лейтенант М. В. Грешилов. Действуя в районе между портом Сулина и мысом Олинька, 26 октября он обнаружил три вражеских буксира с двумя паромами. Сблизившись с противником, М-35 всплыла в позиционное положение и с дистанции трех кабельтовых открыла огонь из 45-мм пушки и пулемета. Один паром был потоплен, а второй выбросился на берег.

На следующий день лодка подошла к берегу и в районе мыса Олинька легла на грунт на глубине 8,5 метра, что позволяло ей вести наблюдение в перископ. В 17 часов 10 минут командир лодки по пеленгу 18° заметил дым. Начав движение в сторону дыма, М. В. Грешилов в 8 часов 44 минуты всплыл в надводное положение и вскоре обнаружил у входа в порт Сулина

стоявший на якоре транспорт. Командир решил сблизиться с противником и уничтожить его. Малые глубины, не превышавшие 3–4 метров, делали атаку рискованной, тем не менее Грешилов сблизился с транспортом и в 20 часов 15 минут выпустил по нему две торпеды, которые поразили цель. Позднее стало известно, что М-35 повредила немецкий транспорт «Лола» водоизмещением 4500 тонн⁸⁴.

В ноябре 1941 г. отличилась лодка Щ-214, которой командовал капитан-лейтенант В. Я. Власов. Производя ночной поиск между портом Бургас и проливом Босфор, 3 ноября командир заметил противника, открыл огонь из 45-мм пушки и после нескольких прямых попаданий уничтожил его. Продолжая крейсерство в том же районе, через день Щ-214 обнаружила вражеское судно, шедшее из Босфора в Констанцу, и уничтожила его одной торпедой. Впоследствии было установлено, что Щ-214 потопила итальянский танкер «Торчелло» водоизмещением 3336 тонн. С потоплением еще одного танкера из пяти имевшихся у противника на Черном море движение нефтеналивных судов между Констанцей и Босфором прекратилось до мая 1942 г., итальянский флот на длительное время лишился поставляемого из Румынии топлива⁸⁵.

В 1941 г. подводные лодки совершили 103 боевых похода и уничтожили девять транспортов и кораблей противника. Из них четыре были потоплены торпедным оружием, три погибли на минах и два уничтожила артиллерия. Сравнительно небольшие успехи черноморских подводников объясняются, с одной стороны, тем, что противник для своих перевозок на Черном море использовал главным образом небольшие суда.

В 1942 г. обстановка значительно усложнилась. Противник занял Одессу, вторгся в Крым, осадил с суши главную базу Черноморского флота Севастополь и, продвигаясь в сторону Кавказа, захватил Таманский полуостров, Анапу и Новороссийск. Советские корабли и авиация флота вынуждены были оставить свои базы и аэродромы в северо-западной части театра и в Крыму и перебазироваться на Кавказское побережье. Большинство подводных лодок перешло на постоянное базирование в Туапсе, Поти, Очамчире, Батуми.

К началу 1942 г. Черноморский флот насчитывал 43 подводные лодки (36 в строю, остальные в ремонте). Исходя из сложившейся на театре обстановки, командование требовало от Черноморского флота усилить удары по противнику, чтобы сорвать его воинские перевозки. За полтора месяца подводные лодки совершили девять боевых походов, но не добились успеха. Считая, что главной причиной этого является неудачная нарезка позиций, командование флота в феврале увеличило их число, позволив тем самым полностью перекрыть прибрежную коммуникацию неприятеля от Босфора до Одессы. Однако это не дало положительных результатов: противник на время прекратил всякие перевозки вдоль западного побережья Черного моря.

В мае 1942 г. в связи с активизацией боевых действий немецко-румынских войск в Крыму движение неприятельского транспортного флота на Черном море усилилось. Для перевозки войск и воинских грузов враг по-прежнему широко использовал небольшие суда, преимущественно шхуны, из-за «малой ценности» которых многие наши подводники не пытались их атаковать. Лишь отдельным лодкам удавалось обнаружить более или менее крупные суда. Так, лодка Щ-205 капитана 3 ранга П. Д. Сухомлинова, производя поиск южнее Бургаса, 18 мая заметила транспорт «Дуатене» водоизмещением около 1500 тонн. Из-за невозможности выйти в торпедную атаку командир решил уничтожить ее артиллерийским огнем. С наступлением сумерек лодка всплыла и начала сблизиться с транспортом. Заметив ее, вражеский транспорт выбросился на песчаный берег. Подойдя к берегу, Щ-205 с дистанции 12 кабельтовых артиллерийским огнем нанесла повреждение транспорту и уничтожила стоявшую недалеко от него на якоре шхуну.

Продолжив крейсерство в том же районе, 23 мая Сухомлинов обнаружил шедший в сторону Босфора транспорт «Сафак» водоизмещением 4 тыс. тонн. Сблизившись с транспортом, Щ-205 выпустила по нему две торпеды, но противник заметил их и уклонился. Сухомлинов решил повторить атаку. Ему удалось скрытно сблизиться со стоявшим на якоре противником и торпедой поразить цель. Однако транспорт продолжал оставаться на плаву. Лишь после

Корабли Черноморского флота в походе

Бронекатера Черноморского флота осуществляют высадку десанта на крымский берег Керченского пролива

второй торпеды он был уничтожен. В мае же добилась успеха лодка А-3 старшего лейтенанта С. А. Цурикова, уничтожив на подходах к Одессе транспорт водоизмещением 8 тыс. тонн.

Осенью 1942 г. в связи с удлинением вражеских коммуникаций на Черном море зона действий советских лодок была расширена. У западного и южного побережий Крыма для них было установлено несколько новых позиций, что позволило контролировать перевозки противника на всем пути следования его судов от Босфора до керченского порта в Крыму.

Главным оружием подводных лодок было торпедное. В 1942 г. черноморцы провели 40 торпедных атак (большинство против охраняемых объектов) и в 19 случаях (47,5%) добились успеха. Во второй половине года подводные лодки совершили 102 боевых похода, произведя 41 атаку и потопив танкер, три транспорта, буксир и два малых судна, при этом было потеряно восемь советских лодок⁸⁶.

Для нарушения морских коммуникаций противника подводники использовали минное оружие. За четыре месяца три подводных минных заградителя (Л-4, Л-5 и Л-6) осуществили 14 минных постановок (262 мины). Мины ставили главным образом на прибрежных фарватерах (в районах Варны, Мангалии и мыса Олинька) с тем, чтобы оттеснить вражеские суда дальше в море, позволив подводным лодкам атаковать их.

Для охранения транспортов в начале 1942 г. Черноморский флот мог использовать все эсминцы, до 12 тральщиков и 60 сторожевых катеров. Но часть этих кораблей постоянно отвлекалась на решение других задач или находилась в ремонте. В результате для проводки конвоев флот от силы мог выделить 1–2 эсминца, 2–3 тральщика и до 20 катеров, что было явно недостаточно. Ограниченными были и возможности истребительной авиации.

Для переходов был использован метод «перетекания» из одного порта в другой. При появлении опасности суда укрывались в ближайшем порту: специально были оборудованы промежуточные пункты — Ялта, Феодосия, Ак-Мечеть, Балаклава. В районах военно-морских баз и этих пунктов были развернуты дозоры, служба наблюдения, посты воздушного и противоминного наблюдения. Служба противоминного наблюдения была создана в районах главной базы, Очакова, в Керченском проливе и Цемесской бухте.

В первой половине 1942 г. основные усилия по защите морских коммуникаций были связаны с обороной Одессы, Севастополя и Керченского полуострова. Не утратили они значения и в битве за Кавказ, побережье которого не имело прямого железнодорожного сообщения на участках Туапсе — Новороссийск и Сочи — Сухуми. В оборонительный период битвы происходили крупные оперативные и повседневные воинские перевозки, эвакуация подразделений с Керченского и Таманского полуостровов, доставка нефти и нефтепродуктов. В основном перевозки осуществляли транспорты и танкеры, а на участке от Геленджика к линии фронта — мелкие суда (рыболовецкие, парусные, мотоботы). Для срочной доставки войск и боеприпасов использовались и боевые корабли: крейсера, эсминцы, лидер, канонерские лодки, тральщики. С 1 июля по 15 октября 1942 г. ими были перевезены 33 319 человек, около 600 тонн боеприпасов, много оружия. 21 и 22 октября крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», лидер «Харьков» и эсминцы «Беспощадный» и «Сообразительный» доставили из Поти в Туапсе около 10 тыс. бойцов с вооружением. За время обороны Кавказа на оставшемся свободным ограниченном участке морских коммуникаций транспорты (буксиры, баржи, мелкие суда, боевые корабли) выполнили 1831 рейс. Для их охранения корабли совершили 2960 выходов, авиация вылетала 2057 раз. Морем были перевезены 213 232 человека (в том числе 17 тыс. раненых и 36 тыс. эвакуированных), 231 613 тонн груза: боеприпасов, нефтепродуктов, продовольствия, а также орудий, танков, самолетов и лошадей⁸⁷.

Для противовоздушной обороны портов и судов в море наряду с зенитной артиллерией использовалась авиация. Истребители дежурили на аэродромах, готовые немедленно вылететь. Такое дежурство — экономичный способ, но он требовал своевременного обнаружения самолетов противника. Возможности для этого улучшились. На высотах Кавказского побережья было установлено несколько радиолокационных станций, данные которых немедленно поступали на главный пост ВНОС. Флот и войска ПВО получили новые скоростные

истребители-перехватчики: МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1. Улучшилось управление силами ПВО, взаимодействие войск ПВО и ПВО флота, истребительной авиации и зенитной артиллерии.

Обороняя Кавказ, советская авиация совершила около 5 тыс. вылетов на прикрытие баз и судов в море, сбив 160 самолетов врага (2,6% от общего количества участвовавших в налетах)⁸⁸.

26 сентября 1942 г. нарком ВМФ вновь поставил авиации флота задачу по нарушению морских коммуникаций противника⁸⁹. Однако возможности ее решения были ограничены. На 22 июля 1942 г. ВВС флота насчитывали всего 230 самолетов, половина которых находилась в ремонте. Базирование на кавказских аэродромах не обеспечивало действия авиации в западных районах Черного моря, куда могли летать лишь некоторые разведывательные машины.

Для ударов по портам использовались бомбардировщики, по конвоям и судам в море — торпедоносцы и штурмовики. Торпедоносцы действовали способом «свободной охоты» — крейсерством одиночных и парных самолетов. Их усилия не были эффективными, поскольку в районах их доступности противник использовал в основном малые суда. Штурмовики обычно летали днем группами по 3–6 самолетов под прикрытием истребителей, стараясь в период борьбы за Таманский полуостров прежде всего нарушить немецкие переправы в Керченском проливе. Во второй половине 1942 г. авиация флота произвела 1450 самолетов-вылетов и 12 вылетов на постановку мин. Масштабы скромные, что сказалось и на результатах: летчики-черноморцы потопили 19 судов и катеров, повредили 12 судов.

Однако ни Главный морской штаб, ни командование флота, ставя задачи на такие действия, не учли опыт удара по Констанце в начале войны. Черноморский флот продолжал осуществлять набеги против прибрежных коммуникаций и портов противника. При планировании таких действий не учитывалось, что базирование кораблей на кавказских базах исключало возможность ночного перехода в западную часть моря, а также их прикрытия с воздуха даже у крымских берегов. Флот не имел дальних истребителей. Оставалась большая минная опасность в мелководных прибрежных районах западного и северо-западного районов. На 19 июля из четырех крейсеров в ремонте находились три, из восьми эсминцев — пять.

Тем не менее по настоянию наркома ВМФ и начальника Главного морского штаба, опасавшихся десантов противника, командование Черноморского флота наметило ряд набегов кораблей на порты Крыма. Первый набег на Феодосию состоялся в ночь на 31 июня 1942 г. двумя тральщиками. Следующей ночью в набеге участвовали два торпедных катера. Слабое противодействие неприятеля дало основание для организации более сильного удара. Вечером 2 августа к Феодосии из Туапсе вышли крейсер «Молотов» и лидер «Харьков». Скрытность выхода была нарушена — на переходе корабли обнаружил немецкая воздушная разведка. На подходах к порту они неожиданно подверглись атакам торпедных катеров, а начав обстрел порта, встретили противодействие береговых батарей. Командир отряда предпринял отход, во время которого подвергся атакам торпедных катеров и торпедоносцев. Одна из авиационных торпед, попав в крейсер, оторвала ему 20 метров кормы. Корабли отразили 23 атаки катеров и самолетов. После этой неудачи командование флота временно отказалось от использования в набеге на прибрежные коммуникации противника крупных кораблей⁹⁰.

На участке Анапа — Феодосия действовали торпедные катера, базировавшиеся в Геленджике. Они выходили небольшими группами (чаще парами), совершая ночной поиск. В целом их использование также было ограничено решением других задач. Во второй половине 1942 г. торпедные катера совершили 1100 выходов в море, из них лишь 130 (12%) — для действий на коммуникациях.

Удары по противнику, оборонявшемуся на побережье Крыма, предпринимали эсминцы, сторожевые корабли и тральщики, нанося удары по портам совместно с авиацией, которая бомбила объекты и освещала кораблям цели. Всего с 1 по 18 октября 1942 г. было совершено пять ночных выходов к побережью Крыма. В ночь на 20 декабря лидер «Харьков» и эсминец «Бойкий» обстреляли Ялту, а другая пара, эсминец «Незаможник» и сторожевой корабль «Шквал», — Феодосию.

На одном из тральщиков Черноморского флота. Подготовка носового 100-мм орудия к бою

Несмотря на неудачные действия в ходе ночных походов к вражескому побережью, нарком ВМФ постоянно требовал усилить удары надводных кораблей по врагу, оборонявшемуся на западном берегу Черного моря. В первом набеге (29 ноября — 2 декабря 1942) участвовали две группы кораблей: одна, в составе крейсера «Ворошилов», лидера «Харьков» и эсминца «Сообразительный», была направлена в район Сулина — Бугаз — о. Фидониси (Змеиный); другая, в составе эсминцев «Беспощадный» и «Бойкий», — в район мыса Калиакра — Констанца. Первая группа вышла вечером 29 ноября из Батуми, вторая — утром следующего дня из Туапсе. Переход кораблей через все Черное море не был обнаружен разведкой противника.

Утром 1 декабря первая группа обстреляла остров Фидониси, но после прекращения огня попала на минное заграждение. В результате взрывов двух мин в параване крейсер получил повреждения. Корабли прекратили набег и вернулись на базу. Проходившие в условиях тумана действия второй группы были безрезультатны. Корабли впустую израсходовали 12 торпед и 189 снарядов по мнимым транспортам (фактически по берегу). В двух других набеггах (11–15 и 28–29 декабря) участвовали базовые тральщики под прикрытием эсминца «Сообразительный». В первом случае тральщики атаковали конвой, повредив транспорт, и обстреляли береговые пункты. Второй и последний в том году набег не принес успеха из-за тумана.

В тяжелых условиях первого периода войны Черноморский флот понес большие потери. Как и на Балтике, наиболее тяжелыми были гибель крейсера, двух лидеров, девяти эсминцев, 20 подводных лодок, 13 тральщиков, восполнить которые не представлялось возможным из-за потери судостроительных заводов юга страны. Наибольшие потери надводных кораблей были связаны с обороной Севастополя и Крыма, подводных лодок — с действиями на коммуникациях. Все это резко ослабило оперативные возможности флота.

Важную роль в действиях Черноморского флота играло препятствование морским перевозкам противника, которые осуществлялись по следующим основным направлениям: Одесса — Севастополь, Севастополь — Феодосия — Керчь, Феодосия — Анапа, Керчь — Анапа, Керчь — Тамань, Керчь — Темрюк, Керчь — Генчиск, Генчиск — Темрюк. По этим трассам в 1943 г. прошло 2030 судов⁹¹. Наиболее интенсивное движение транспортного флота наблюдалось летом и осенью между портами Таманского и Керченского полуостровов. По данным разведки Черноморского флота, среднемесячное движение судов в Керченском проливе колебалось в пределах от 310 до 1372 единиц (сентябрь 1943)⁹². Стремясь надежно защитить свои коммуникации от ударов советского флота, немецкое командование минировало подходы к Севастополю, Евпатории, Феодосии и Керченскому проливу. На побережье, вдоль которого проходили морские пути сообщения, дополнительно устанавливалась береговая и зенитная артиллерия, развертывались посты наблюдения. Суда совершали плавание в составе конвоев. В качестве кораблей охранения использовались эскадренные миноносцы, быстроходные десантные баржи, тральщики и катера. С воздуха конвой в дневное время прикрывались истребителями⁹³.

В это время советские войска вели борьбу по ликвидации вражеской северокавказской группировки. Командующий Закавказским фронтом, которому оперативно был подчинен Черноморский флот, поставил перед ним в качестве наиболее важной задачи — действиями подводных лодок, надводных кораблей и авиации прервать морские сообщения изолированных на Таманском полуострове немецко-фашистских войск⁹⁴.

Народный комиссар ВМФ конкретизировал эту задачу. Он потребовал от командования Черноморского флота более широко применять кораблями и авиацией торпедное и минное оружие, обратив особое внимание на усиление деятельности сил флота в Керченском проливе. В телеграмме от 4 февраля 1943 г. народный комиссар ВМФ еще раз указал, что необходимо «действиями флота и авиации прервать коммуникацию противника между Таманским полуостровом и Крымом. Для этого все усилия авиации направить для действий в Керченском проливе, а при благоприятной обстановке использовать также катера»⁹⁵.

После разгрома северокавказской группировки противника и отхода ее на Таманский полуостров она была прижата советскими войсками к морю и изолирована с суши. Чтобы нарушить снабжение таманской группировки врага морским путем, командование флота

Советский катер сбрасывает глубинные бомбы на подводную лодку противника

установило блокаду занятого им побережья от Анапы до Феодосии. Главная цель блокады — препятствовать эвакуации морем в Крым войск с таманского плацдарма. Было установлено три линии блокады, которые обеспечивались торпедными катерами, эскадренными миноносцами, подводными лодками и авиацией⁹⁶.

К блокаде были привлечены 1-я и 2-я бригады торпедных катеров, которыми руководил командир Новороссийской военно-морской базы контр-адмирал Г. Н. Холостяков. Катера базировались в Фальшивом Геленджике (ныне Дивноморское). По ночам они выходили в море группами (по 2–3 катера) и производили поиск вражеских судов в районе Анапа — Солёное озеро — мыс Такиль — Феодосийский залив. С января по 9 октября 1943 г. торпедные катера совершили 84 выхода, в которых участвовало 283 катера⁹⁷.

В мае торпедным катерам была определена новая задача: поставить мины в районе Анапа — южный вход в Керченский пролив. Первая такая постановка мин была осуществлена в ночь на 25 мая. К ней привлекались восемь торпедных катеров-постановщиков и четыре катера-дымзавесчика. Было выставлено 24 мины у южного входа в Керченский пролив и восемь у входа в Анапу⁹⁸. Чтобы поставить 447 мин и 160 минных защитников, торпедные катера предприняли 164 выхода в море⁹⁹. Минные заграждения вынудили неприятеля осуществлять траление и проводить свои суда за тралами. Однако существенного ущерба перевозкам противника они не нанесли.

Для борьбы на вражеских коммуникациях командование Черноморского флота использовало и крупные корабли. Первый такой выход состоялся 1 мая 1943 г., последний, в котором участвовали эскадренные миноносцы, — 5–6 октября к южному берегу Крыма. В походе участвовали лидер «Харьков» и эскадренные миноносцы «Беспощадный» и «Способный».

Утром 6 октября направлявшиеся к Феодосии эскадренные миноносцы были атакованы торпедными катерами и обстреляны береговой батареей немцев, располагавшейся у Коктебеля. Отражая атаки катеров, эсминцы повредили два из них. Встретив организованное сопротивление врага, командир отряда, находившийся на «Беспощадном», отказался от обстрела Феодосии и в 6 часов 10 минут направился в точку встречи с лидером, который, подойдя к Ялте на дистанцию семь кабельтовых, обстрелял порт, выпустив по нему 104 снаряда 130-мм. При отходе лидер обстрелял также вражескую береговую батарею на мысе Айтодор (32 снаряда). В 7 часов 15 минут «Харьков» соединился со своими эскадренными миноносцами, и отряд лег на обратный курс. В 8 часов 10 минут советские истребители дальнего действия, высланные прикрывать корабли, сбили вражеский самолет-разведчик. Командир отряда приказал «Способному» поднять из воды немецких летчиков, а остальным кораблям обеспечивать оборону «Способного» в случае появления подводных лодок противника. На спасение летчиков было затрачено 20 минут, и в это время над кораблями появились бомбардировщики Ю-87, прикрываемые истребителями Ме-109. Их бомбовые удары повредили «Харьков». Лидер потерял ход, и его пришлось взять на буксир. Огнем зенитной артиллерии экипажи советских кораблей пытались отражать непрерывно усиливавшиеся атаки авиации врага, однако силы оказались неравными: все три корабля были потоплены. Высланные для спасения их личного состава торпедные, сторожевые катера и гидросамолеты подняли из воды 123 человека, в том числе и командира отряда, остальные 780 черноморцев погибли¹⁰⁰.

Черноморский флот продолжал выполнять задачу по нарушению морских коммуникаций в районе Таманского полуострова — для ВВС флота это была одна из главных задач¹⁰¹. Авиация флота вела разведку на коммуникациях, наносила удары по судам противника в море и портах, разрушала портовые сооружения, ставила мины. Боевые действия она вела совместно с авиацией 4-й и 5-й воздушных армий Северо-Кавказского фронта. С 1 января по 9 октября 1943 г. бомбардировочная авиация совершила 2454 вылета, штурмовая — 631. В Керченском проливе и Таманском заливе самолетами было выставлено 73 мины¹⁰². В целом активные боевые действия авиации Черноморского флота на коммуникациях таманской группировки немецких войск нанесли значительный ущерб неприятельскому транспортному флоту и военно-морским силам противника, вызвав большое напряжение в использовании транспортных средств и ограничив возможности воинских перевозок морем.

Черноморский флот. Торпедный катер «Московский ремесленник», построенный на средства учащихся ФЗУ

В борьбе на коммуникациях в районе таманской группировки противника авиация Черноморского флота добилась значительных результатов, особенно на последнем этапе — эвакуации немецких войск в Крым. Однако, как и надводные корабли, она не решила главной задачи: полностью сорвать эвакуацию вражеских войск с таманского плацдарма не удалось. По данным противника, с 7 сентября по 9 октября 1943 г. немцы перевезли с Таманского полуострова в Крым 202 447 человек, 54 664 лошади, 6 тыс. голов скота, 15 тыс. машин, 1200 орудий и 9,5 тыс. тонн военного снаряжения¹⁰³.

Победа Красной армии под Сталинградом позволила Черноморскому флоту перейти от оборонительных к наступательным операциям. Основные усилия его направлялись на содействие войскам Красной армии в освобождении Северного Кавказа. Наиболее эффективной и вместе с тем сложной формой содействия флота войскам Красной армии явились морские десанты. Помогая войскам Закавказского, а затем Северо-Кавказского фронтов, Черноморский флот в течение девяти месяцев 1943 г. высадил два оперативных и два тактических десанта. Оперативные десанты были высажены в феврале в районе Южной Озерейки и Станички, а в сентябре — непосредственно в новороссийский порт. Десанты оперативного характера являлись составными частями наступления сухопутных войск на приморском направлении. Они должны были содействовать прорыву мощной обороны противника и освобождению Новороссийска, открыв путь советским войскам в тыл таманской группировки гитлеровцев, способствовать полному освобождению Северного Кавказа от захватчиков.

Ведя боевые действия на ближних и дальних морских коммуникациях противника, силы Черноморского флота затрудняли и в значительной мере ограничивали вражеские морские перевозки, отвлекая немалые средства врага на их защиту и нанося ему существенные потери

в боевых кораблях, судах и плавучих средствах. Однако недостаток собственных сил, ошибки, допущенные командованием в их использовании, не позволили флоту хотя бы на непродолжительное время сорвать или существенно ограничить вражеские морские перевозки ни в одном районе театра, в том числе и столь важном для судьбы Северо-Кавказского фронта, каким являлся Керченский пролив. Задача срыва в нем морских перевозок противника флотом решена не была¹⁰⁴.

ВВС в борьбе за господство в воздухе

Тяжелые потери, понесенные ВВС Красной армии летом 1941 г., привели к значительному сокращению самолетного парка в авиационных объединениях. К осени противник владел стратегическим превосходством в воздухе.

Главным средством борьбы за господство в воздухе была истребительная авиация, которая, несмотря на понесенные потери, являлась наиболее многочисленным родом ВВС. В конце лета 1941 г. авиационные полки были переведены на штаты трехэскадрильного состава по десять самолетов в каждой. При этом предусматривалось в полки ближнебомбардировочной и штурмовой авиации вводить по одной истребительной авиационной эскадрилье. Но уже 20 августа были приняты во внимание сложившиеся реалии — отсутствие возможностей скорого восполнения потерь, — и штатную численность авиационных полков сократили до 20 самолетов (две эскадрильи).

Основными объектами действий истребительной авиации, прикрывавшей войска и объекты тыла, являлись самолеты противника, находившиеся в воздухе. Высокая активность немецко-фашистской авиации, наличие у нее инициативы вынудили истребительную авиацию фронтов перейти к оборонительным действиям, наращивая усилия ПВО. Истребители прикрывали заданные объекты вылетами из положения «дежурство на аэродроме», «из засад» или «патрулированием», по современной терминологии — «дежурство в воздухе».

Прикрытие наземных объектов вылетами из положения «дежурство на аэродроме» могло успешно применяться лишь при наличии оперативного управления авиацией, надежно и четко работавшей связи во всех его звеньях, тесного взаимодействия со службой ВНОС. Однако прохождение сигналов оповещения о воздушном нападении запаздывало, поэтому использование данного способа не обеспечивало безопасности прикрываемых объектов. В лучшем случае бомбардировщики противника атаковались истребителями после выполнения задания при следовании на свои аэродромы. Из-за отсутствия опыта организации боевых действий, оперативной и устойчивой связи истребители нередко безуспешно взлетали на перехват противника. Иногда поднимался весь полк, а после его посадки появлялись вражеские бомбардировщики и безнаказанно наносили удар по намеченным целям.

Более надежное прикрытие наземных объектов обеспечивалось действиями истребителей «из засад». Дежурные силы, выделенные для действий этим способом, перелетали на площадки засад, расположенные на подступах к прикрываемым объектам и, как правило, находившиеся на удалении 12–15 км от линии фронта. Истребители взлетали на перехват воздушного противника «по зрячему», то есть увидев его непосредственно со стоянки, и успевали атаковать на подходе к прикрываемому объекту. Сложность организации боевых действий этим способом обуславливалась ограниченным количеством площадок, пригодных для взлета и посадки самолетов, и отсутствием средств обеспечения полетов для оборудования этих площадок.

Наиболее эффективным являлось «патрулирование» истребителей в воздухе, которые назначались из числа частей, ответственных за прикрытие наземных объектов в выделенном им секторе. Из-за недостатка сил истребительной авиации и наличия большого количества прикрываемых объектов в выделяемых секторах патрулирование приходилось осуществлять

Группа техников выкатывает истребитель МиГ-3 со взлетной полосы

Пилоты истребителей МиГ-3 в ожидании приказа на взлет

в один ярус, что понижало его эффективность, вопреки требованиям боевого устава истребительной авиации, предписывавшего организовывать многоярусное прикрытие. В периоды повышения интенсивности полетов вражеской авиации и на наиболее важных направлениях в зоны патрулирования могло выделяться до двух звеньев и более.

Целеустремленно вести борьбу за господство в воздухе не позволяла складывавшаяся обстановка: летом и осенью 1941 г. около половины совершенных самолето-вылетов ВВС Красной армии было затрачено на поддержку оборонявшихся наземных войск в условиях господства в воздухе вражеской авиации. Тем не менее в крайне неблагоприятных условиях, сложившихся с началом войны, советская авиация сохранила свою боеспособность и, оправившись от первых потерь, наносила все возрастающие по силе удары по противнику. «Несмотря на достигнутую внезапность, — признавали после войны гитлеровские генералы, — русские сумели найти время и силы для оказания решительного сопротивления»¹⁰⁵.

Управление авиационными частями, подвергшимися тяжелому удару с началом войны, было затруднено из-за частого и продолжительного нарушения проводной связи с вышестоящими штабами. Это приводило к тому, что задачи к моменту их получения становились неактуальными и не учитывали реальных возможностей объединений, соединений и частей.

Системы наведения и целеуказания авиации, которая в соответствии с предвоенными взглядами должна была создаваться на переднем крае в расположении сухопутных войск, в начале войны не было. Однако уже осенью 1941 г. на Ленинградском фронте в условиях

Немецкий самолет-истребитель Me-109E-3 в полете

стабилизированной линии боевого соприкосновения с противником находившиеся в боевых порядках наземных частей делегаты связи от авиации стали осуществлять целеуказание экипажам самолетов как при помощи средств зрительной связи, так и по радио.

В дальнейшем, при обороне Москвы и в оборонительный период Сталинградской битвы, в качестве подобных авианаводчиков использовались командиры авиационных эскадрилий и звеньев. Они создавали пункты наведения и управления воздушным боем, наведения истребительной авиации, явившиеся прообразом передовых пунктов управления авиацией, появившихся с лета 1943 г.

Сложность организации эффективной борьбы за господство в воздухе в то время была обусловлена еще и слабым взаимодействием авиации с частями ПВО. Отсутствие связи между штабами ВВС и ПВО, незнание зенитчиками силуэтов самолетов Пе-2, Су-2, ДБ-3ф, Як-2, нередко приводило к открытию огня по своим самолетам или, наоборот, к запаздыванию с действиями по авиации противника. Организовать взаимодействие истребителей и зенитчиков в одной зоне не удавалось.

Так, в основу организации ПВО Москвы был положен принцип круговой, эшелонированной в глубину обороны с усилением ее на особо угрожаемых направлениях. Исходя из этого, силы и средства ПВО в соответствии с их боевыми возможностями использовались по зонам. Для истребительной авиации как наиболее маневренного средства выделялась круговая зона боевых действий радиусом 100–120 км от города. После первых налетов вражеской авиации этот радиус был увеличен до 200 км. Глубина расположения боевых позиций зенитной артиллерии среднего калибра и общей зоны ее огня достигала 23 км от центра столицы. Батареи малого калибра и зенитно-пулеметные подразделения прикрывали малоразмерные объекты внутри города и аэродромы.

В ходе развернувшейся битвы под Москвой за 67 суток оборонительных действий авиация произвела свыше 51 тыс. самолето-вылетов, из них 86% — в интересах оборонявшихся фронтов и 14% — на прикрытие Москвы от ударов с воздуха. Боевые действия велись днем и ночью всеми родами авиации.

На исход оборонительной операции большое влияние оказало перехваченное у немцев впервые за годы Второй мировой войны в подобном противостоянии оперативное господство в воздухе. Это было достигнуто главным образом за счет своевременного и довольно смелого сосредоточения здесь превосходящих сил авиации с других направлений, а также ввода в бой 6-го истребительного авиационного корпуса ПВО, насчитывавшего 600 самолетов. В результате принятых мер к декабрю советская авиация на московском стратегическом направлении превосходила противника по числу самолетов в 1,7 раза, а по истребителям — в 2 раза.

До конца ноября гитлеровцы предпринимали неоднократные попытки нанесения массированных ударов по Москве, привлекая для этого свои лучшие бомбардировочные эскадры. Однако они были разбиты собранными здесь силами советской авиации. Так, 53-я бомбардировочная эскадра «Легион Кондор» уже в конце августа потеряла до 70%, а 50-я эскадра — до 50% своего состава. За первые шесть месяцев войны противник произвел 7146 самолето-вылетов на бомбардировку Москвы, но к городу прорвались лишь 229 самолетов (3,2%). При этом обороняемые объекты не пострадали, в то время как потери вражеской авиации составили 952 самолета (13%).

Помимо повседневной борьбы ВВС Красной армии провели две воздушные операции в целях ослабления авиационной группировки противника на московском направлении, в результате которых было уничтожено на аэродромах и в воздухе свыше 600 самолетов. Одна из них, проведенная в период с 5 по 8 ноября 1941 г., обеспечила успех парада войск на Красной площади. В ходе воздушных операций на земле было уничтожено и повреждено более 200 самолетов, а в развернувшихся воздушных боях сбито 63 самолета противника¹⁰⁶. Впоследствии, 12 и 15 ноября 19 вражеских аэродромов вновь подверглись ударам советской авиации, в результате которых враг потерял 47 самолетов¹⁰⁷. Общие потери неприятеля в оборонительный период Московской битвы достигли 1400 самолетов, из которых 85% было уничтожено силами авиации. Одновременные и последовательные удары ВВС Западного,

Калининского, Брянского фронтов, ВВС МВО, а также соединений дальнебомбардировочной авиации Главного командования более чем по тридцати аэродромам противника сочетались с воздушными боями и сражениями¹⁰⁸.

В ходе контрнаступления под Москвой и общего наступления Красной армии зимой и весной 1942 г. Военно-воздушные силы произвели 59,5 тыс. самолето-вылетов, из них 35% — на борьбу за господство в воздухе. Удержание оперативного господства в воздухе создавало благоприятные условия для выполнения других задач, но во многом этому мешало несовершенство существовавшей организационной структуры фронтовой авиации.

Сосредоточение сил фронтовой авиации ВВС Красной армии в общевойсковых армиях уже осенью 1941 г. привело к распылению и без того ограниченных сил, исключило централизованное управление и массированное их применение в масштабе фронта. А подчинение авиационных объединений командующим войсками фронтов затрудняло их массированное применение на стратегических направлениях. ВВС оказались заключенными в рамки, не позволявшие реализовывать в полном объеме маневренные и ударные возможности.

Продолжалось совершенствование организационной структуры объединений, соединений и частей ВВС. Уже к весне 1942 г. были созданы материальные условия для новой структуры фронтовой авиации. Если в декабре 1941 г. число самолетов в действующей армии было 2495, то в мае 1942 г. — уже 3164. Нарастала темпы роста производства и авиационная промышленность. Если в 1941 г. было выпущено 15 375 самолетов, в том числе 12 377 боевых, то в 1942 г. выпуск составил 21 681 боевой самолет. По решению ГКО в мае — ноябре 1942 г. вместо ВВС фронтов и армий на советско-германском фронте были созданы 13 воздушных армий и четыре воздушные армии на Дальнем Востоке¹⁰⁹.

С этого времени все силы авиации во фронте были объединены в единый кулак, будучи изъятыми из состава общевойсковых армий и присоединенными к фронтовой группе авиации.

Претерпела большие изменения организационная структура авиационных соединений и частей. Понесенные в начале войны потери и значительные трудности в их восполнении обусловили переход авиационных дивизий на двухполковой состав¹¹⁰. Однако продолжавший усугубляться дефицит самолетного парка привел к тому, что в январе 1942 г. все авиационные дивизии фронтового и армейского подчинения были расформированы. Только в мае 1942 г. одновременно с созданием воздушных армий было восстановлено дивизионное звено; стали создаваться однородные авиационные дивизии трехполкового состава — истребительные, бомбардировочные и штурмовые. Полки всех родов авиации с осени 1942 г. стали включать по три десятисамолетных эскадрильи и с двумя боевыми машинами, относящимися к управлению полка, насчитывать 32 самолета. В это же время авиационные звенья истребительных и штурмовых эскадрилий были преобразованы в четырехсамолетные, состоящие из двух пар.

В развернувшейся Сталинградской битве летом и осенью 1942 г. был получен новый опыт оперативного применения ВВС в оборонительных операциях, в том числе для решения задач, связанных с организацией и ведением борьбы за господство в воздухе. В сложных условиях обстановки была доказана жизнеспособность новой организации авиационного оперативного объединения — воздушной армии.

Произошла реорганизация службы тыла ВВС. В состав тыла вошли управления: устройства тыла, аэродромного строительства, технического снабжения, отделы эксплуатации спецавтотранспорта и средств механизации, снабжения горючим, общевойскового снабжения, а также центральные авиационные склады.

В связи с большими потребностями в обеспечении широкого аэродромного маневра параллельно с обеспечением боевой деятельности авиационных частей во внутренних военных округах стали формироваться аэродромно-строительные батальоны. В связи с их ограниченными возможностями в качестве взлетно-посадочных полос широко использовались площадки с травяным покровом, требовавшие меньших усилий при подготовке. Сложная обстановка в районах аэродромного базирования требовала принятия действенных мер по маскировке, охране и обороне аэродромов. Беспечность первых дней войны сменилась в общем удовлетворительной для всей авиации маскировочной дисциплиной. Совершен-

существовал порядок применения дежурных истребительных авиационных звеньев в целях сокращения времени, прошедшего с момента получения информации о противнике до отдачи команды на взлет и атаки.

Опыт Великой Отечественной войны подтвердил правильность предвоенных взглядов советского военного искусства о том, что господство в воздухе — это не самоцель, а лишь одно из важнейших условий для достижения победы над врагом, которую можно одержать только объединенными усилиями всех видов вооруженных сил и родов войск. От исхода борьбы за господство в воздухе в значительной степени зависел успех всей вооруженной борьбы на советско-германском фронте.

Завоевать господство в воздухе означало активными действиями авиации и других сил и средств разгромить или серьезно ослабить вражескую авиацию и прочно, устойчиво овладеть инициативой в воздушном пространстве. Иными словами завоевание господства в воздухе предполагало создание такой воздушной обстановки, при которой Сухопутные войска, Военно-воздушные силы, Военно-морской флот и тыл страны могли бы успешно, без существенных помех со стороны вражеской авиации выполнять поставленные задачи, в то время как противник под массированным воздействием ВВС Красной армии был бы лишен такой возможности.

Боевая практика показала, что господствовавшая в воздухе авиация не могла полностью исключить деятельности военно-воздушных сил противника. Оборонявшиеся, как и сторона, владевшая господством в воздухе, могли концентрировать свои превосходящие силы в определенном районе на непродолжительное время и временно захватывать инициативу в воздушном пространстве. Поэтому вполне справедливым было деление господства в воздухе на тактическое, оперативное и стратегическое, принятое в советском оперативном искусстве ВВС накануне войны. Масштабы эти определялись поставленными целями, размахом боевых действий и количеством привлекаемых к решению данной задачи сил и средств.

Наиболее важной и сложной по этим признакам являлась борьба за стратегическое господство в воздухе, которая велась под общим руководством Ставки ВГК в интересах войны в целом. Она преследовала цель разгромить военно-воздушные силы противника, не допустить их существенного влияния на ход стратегических операций, проводимых на советско-германском фронте Вооруженными силами СССР, или нанести чувствительные удары по важнейшим объектам оперативного и стратегического тыла. В борьбе за стратегическое господство в воздухе участвовали силы и средства всех видов вооруженных сил, однако главная роль принадлежала авиации.

Второй период Великой Отечественной войны был характерен тем, что Красная армия провела ряд крупнейших наступательных операций, чередуя их с жесткой обороной против мощных ударов противника. Успех этих действий в значительной мере зависел от наличия господства в воздухе. В операциях зимней кампании 1942—1943 гг. и летне-осенней кампании 1943 г. ВВС Красной армии нанесли ряд мощных ударов по вражеской авиации, в ходе которых были разгромлены ее основные группировки. На советско-германском фронте произошел коренной перелом в ходе борьбы в воздушной стихии, который был обозначен в контрнаступлении под Сталинградом, усилен в воздушных сражениях на Кубани и окончательно завершён летом 1943 г. в период подготовки и в ходе битвы под Курском. Сталинград, Кубань и Курск, таким образом, вошли в историю Великой Отечественной войны как важнейшие вехи на пути завоевания советской авиацией господства в воздухе на всем советско-германском фронте.

В период контрнаступления под Сталинградом борьбу с воздушным противником вели 2, 17, 16 и 8-я воздушные армии, а также часть сил авиации дальнего действия. Вместе они насчитывали в своем составе 1414 боевых машин против 1216 вражеских самолетов¹¹¹. Их усилия координировал представитель Ставки ВГК по авиации командующий ВВС Красной армии генерал А. А. Новиков.

С началом контрнаступления неблагоприятная погода ограничила боевые действия авиации. Поэтому реальная борьба за господство в воздухе развернулась с улучшением

Самолеты-штурмовики Ил-2 в полете

Советские летчики в кабине пикирующего бомбардировщика Пе-2

погоды, после 25 ноября 1942 г., когда активность авиации с обеих сторон резко возросла и в воздухе разгорелись ожесточенные бои. Они явились продолжением тех, что велись в оборонительный период Сталинградской битвы: было налажено взаимодействие, отработана система управления. В период с 25 по 30 ноября группировка советской авиации уничтожила в воздушных боях и на аэродромах около 200 самолетов противника и захватила господство в воздухе¹¹².

Однако борьба не утихала. Гитлеровское командование пыталось, с одной стороны, наладить снабжение своих окруженных в районе Сталинграда войск по воздуху, а с другой — мощными контрударами подвижных наземных соединений деблокировать ее. Для обеспечения этого замысла на сталинградское направление были стянуты лучшие истребительные и бомбардировочные эскадры и транспортные авиагруппы. В конце ноября для переброски грузов в их составе использовалось до 600 транспортных самолетов. В связи с большими потерями в транспортной авиации и усложнением воздушной обстановки немецкое командование вынуждено было использовать бомбардировщики для доставки грузов.

В этих условиях советским командованием было принято решение о воздушной блокаде окруженной группировки немецко-фашистских войск. В директиве командующего ВВС Красной армии от командующих 8-й и 16-й воздушных армий требовалось: «Уничтожение транспортных самолетов считать основной задачей»¹¹³. Воздушная блокада в основном достигла своей цели: транспортная авиация врага, неся большие потери, не смогла обеспечить потребностей окруженных войск. С 24 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. транспортная авиация врага доставляла по воздуху в среднем 94,16 тонн в день, в то время как суточная потребность блокированных войск составляла 946 тонн¹¹⁴.

Всего за период контрнаступления советская авиация произвела около 36 тыс. самолетов-вылетов, в ходе которых было сброшено на врага 8 тыс. тонн бомб и уничтожено 1416 вражеских самолетов. Потери авиационных соединений при этом составили 512 самолетов (почти на 1000 меньше, чем за оборонительный период битвы)¹¹⁵.

Весной 1943 г. активные боевые действия велись на южном крыле советско-германского фронта — на Таманском полуострове. Большое значение при этом имели развернувшиеся на Кубани воздушные сражения.

Противник стремился удержаться на Таманском полуострове, чтобы использовать его как плацдарм для последующих наступательных действий на Кавказе, а также сравнительно малыми силами сковать здесь войска Северо-Кавказского фронта и не допустить их переброску в район Курска, где готовилась операция «Цитадель». Не имея достаточных сил сухопутных войск, немецкое командование предполагало широко использовать авиацию. В связи с тем что значительная часть аэродромов к северу от Азовского моря из-за весенней распутицы вышла из строя, на аэродромах Таманского полуострова и в Крыму было сосредоточено до 1000 немецких самолетов. Кроме того, для усиления этой группировки противник привлек 200 бомбардировщиков, базировавшихся в Донбассе и на юге Украины, радиус действия которых позволял решать задачи на Тамани без смены мест базирования.

Получив сведения об усилении группировки вражеской авиации на Тамани, советское командование в ходе подготовки к майскому наступлению приняло соответствующие меры: было создано единое авиационное командование — ВВС Северо-Кавказского фронта во главе с генералом К. А. Вершининым. В начале апреля в его распоряжении находились 250 самолетов 4-й воздушной армии, 200 самолетов 5-й воздушной армии, 70 самолетов ВВС Черноморского флота и 60 — авиации дальнего действия¹¹⁶. Во второй декаде апреля эти силы были значительно увеличены за счет резервов Ставки ВГК: 2-го бомбардировочного, 3-го истребительного, 2-го смешанного авиационных корпусов и 282-й истребительной авиационной дивизии¹¹⁷.

Таким образом, в количественном отношении созданная советским командованием авиационная группировка имела перевес над противником на 25–30%. Однако до 35% парка бомбардировочной авиации составляли ночные бомбардировщики По-2 (бывшие до этого учебными У-2). Хотя истребительные авиационные части были вооружены новой техникой —

Немецкие летчики осматривают поврежденный самолет

Немецкий бомбардировщик Ю-88

ЛаГГ-3, Як-1, Як-7б, около 10% группировки приходилось на долю самолетов иностранного производства, главным образом это были американские истребители «Аэрокобра».

Развернувшиеся воздушные бои носили упорный характер. В ряде случаев они перерастали в воздушные сражения, представлявшие совокупность взаимосвязанных по целям и замыслу групповых воздушных боев. Так, например, 29 апреля было проведено 42 боя, в которых сбито 25 самолетов противника. Сражение с небольшими перерывами длилось несколько суток.

В первые дни наступления, используя численное превосходство и преимущество в базировании (аэродромы немецких истребителей располагались в 15–25 км от линии фронта), противник овладел инициативой. Пикирующие бомбардировщики непрерывно бомбили плацдарм. Но истребители 4-й воздушной армии сорвали организованные удары по боевым порядкам «малоземельцев», оборонявшихся в районе Мысхако. Только 20 апреля в 17 воздушных боях было сбито 50 пикирующих бомбардировщиков.

Не только истребители формировали воздушную обстановку в небе Кубани. В борьбу за господство в воздухе активно включились и советские бомбардировщики. В конце апреля 1943 г. по указанию Ставки ВГК была проведена воздушная операция в целях ослабления противостоящей авиационной группировки противника. Согласно плану, который был утвержден представителями Ставки Г. К. Жуковым и А. А. Новиковым, намечалось нанести удары по 18 вражеским аэродромам, где удалось вскрыть большое скопление самолетов. В результате проведенной операции противник потерял 260 боевых машин.

Потери восстанавливались, прибывали новые части — и борьба разгоралась с новой силой. В периоды с 29 апреля по 10 мая и с 26 мая по 7 июня 1943 г. ежедневно происходило до сорока воздушных боев над сравнительно небольшими участками (30 x 30 км) в районе станиц Крымская, Киевская и села Молдаванское. В каждом из таких боев с обеих сторон принимало участие по 50–80 самолетов. Всего с 17 апреля по 7 июня советская авиация произвела около 35 тыс. самолето-вылетов, из них 77,6% приходится на долю воздушных армий и 13,7% — на ВВС флота. За этот же период отмечено около 39 тыс. самолето-пролетов авиации противника, из них 82% — бомбардировочной авиации.

Более 1700 самолето-вылетов, что составляет около 5% от общего количества полетов, совершенных ВВС Северо-Кавказского фронта за время участия в наступательной операции на Таманском полуострове, или 10% вылетов, израсходованных на борьбу за господство в воздухе, было произведено в ходе уничтожения вражеской авиации на аэродромах. Причем усилия бомбардировщиков и штурмовиков наращивались ударами артиллерии боевых кораблей Черноморского флота. Так, в двух ударах в ночь на 1 и 14 мая по аэродрому Анапа было выпущено 500 снарядов.

Удары по аэродромам врага наносились как в рамках повседневной борьбы за господство в воздухе, так и в форме воздушной операции. В частности, в период с 20 по 28 апреля такая операция на южном крыле советско-германского фронта была проведена силами 8, 17, 4 и 5-й воздушных армий, группы авиации дальнего действия при участии части сил авиации флота, в ходе которой было уничтожено более 260 вражеских самолетов¹¹⁸.

Всего за время воздушных сражений на Кубани авиация противника потеряла более 1100 самолетов и вступила в летнюю кампанию 1943 г. ослабленной. Только истребительная авиация ВВС Красной армии в воздушных боях уничтожила 800 немецких самолетов, потеряв своих вдвое меньше. 52 летчика за участие в кубанских сражениях получили высокое звание Героя Советского Союза; среди них А. Ф. Клубов, Н. Ф. Смирнов, Б. Б. Глинка и Д. Б. Глинка. Здесь продолжили свое самоутверждение будущие дважды Герои Советского Союза Н. М. Скоморохов и В. А. Попков. Военный совет Северо-Кавказского фронта в июне 1943 г. отмечал: «В результате воздушных сражений победа, бесспорно, осталась на нашей стороне... Наша авиация не только успешно противодействовала врагу, но одновременно вынудила немцев прекратить воздушные бои и убрать свою авиацию»¹¹⁹.

Активно велась борьба за господство в воздухе и в подготовительный период битвы на Курской дуге. Для решения этой задачи было произведено около 44% всех вылетов советской авиации.

Немецкий бомбардировщик Ю-88, сбитый на территории СССР

Подбитый немецкий истребитель Ме-109 в центре Сталинграда

В ходе подготовки наступления под Курском гитлеровское командование принимало все меры к тому, чтобы повысить боеспособность своей авиации и вернуть инициативу в воздухе. На советско-германский фронт только с 15 марта по 30 июня было переброшено 35 авиационных групп из Германии, Франции, Норвегии и Польши. В учебных центрах ускоренно готовились кадры. В 1943 г. промышленностью Германии в 1,7 раза был увеличен выпуск самолетов по сравнению с 1942 г. Части перевооружались на новые самолеты, располагавшие повышенными тактико-техническими характеристиками. Был создан новый — 6-й воздушный флот Германии. Летом 1943 г. на аэродромы, расположенные вблизи орловского и белгородско-харьковского выступов, откуда готовились удары танковых и моторизованных дивизий, начала сосредоточиваться вражеская авиация. Здесь было сконцентрировано три четверти группировки люфтваффе, действовавшей в первой линии на советско-германском фронте; в составе 17 эскадр 4-го и 6-го воздушных флотов Германии насчитывалось более 2 тыс. самолетов¹²⁰. Чтобы максимально ослабить ее, Ставка ВГК организовала две воздушные операции, в ходе которых на аэродромах и в воздухе было выведено из строя около 750 немецких самолетов; еще 235 самолетов было сбито силами ПВО совместно с истребителями 2-й и 16-й воздушных армий при отражении воздушных налетов на Курск.

Наиболее крупной и поучительной была воздушная операция, проведенная с 6 по 8 мая 1943 г. В ней участвовало шесть воздушных армий, которые в течение трех суток вели борьбу с авиацией противника на аэродромах и в воздухе на 1200-километровом фронте — от Смоленска до Азовского моря. Цель воздушной операции заключалась в нанесении максимального поражения авиационной группировке, чтобы облегчить советской авиации завоевание оперативного господства в воздухе на курском направлении¹²¹.

Подготовка воздушной операции проводилась в строгой тайне. К разработке необходимых документов привлекался ограниченный круг лиц. Планировалось нанести по врагу четыре массированных удара, для чего был выделен необходимый ресурс, созданы соответствующие запасы горюче-смазочных материалов, боеприпасов, других материальных средств. Выписки из плана операции были доведены до исполнителей лишь непосредственно перед ее началом. Командующие воздушными армиями получили задачи только за сутки до начала боевых действий. Командиры авиационных соединений и частей были ознакомлены с задачами за 6–8 часов до начала массированного удара по аэродромам противника, а экипажи самолетов — незадолго до вылета. Все это обеспечило внезапность начала операции, а особенно — нанесения первого массированного удара, что и повлекло за собой его высокую эффективность.

Всего в течение трех суток операции воздушные армии подвергли неоднократным ударам 22 вражеских аэродрома. Произведя 1392 самолето-вылета, они уничтожили 501 самолет противника, что составило 25% всей авиационной группировки, сосредоточенной в то время на курском направлении. Потери советской авиации составили 122 самолета¹²².

Эта воздушная операция имела ряд характерных особенностей. Она проводилась на широком фронте значительными силами авиации и носила целеустремленный характер. В результате из 429 немецких самолетов, уничтоженных на аэродромах во время операции, 311 являлись бомбардировщиками. Уничтожение вражеской авиации на аэродромах сопровождалось сильными воздушными боями. В ходе операции было проведено 127 воздушных боев и сбито 77 немецких самолетов, что составило 15,2% от общего числа потерь вражеской авиации. Благодаря достигнутой внезапности действий наиболее эффективным оказался первый массированный удар, нанесенный одновременно силами всех воздушных армий, участвовавших в операции утром 6 мая. В ходе него было ликвидировано 42,5% от всех уничтоженных самолетов противника, в ходе второго — 31,2%, в ходе третьего — 23,1%, в ходе четвертого — 3,2%. В целом же результаты воздушной операции благотворно сказались на дальнейших событиях.

С 8 по 10 июня 1943 г. на центральном участке советско-германского фронта была проведена еще одна воздушная операция в целях разгрома группировки бомбардировочной авиации противника, снижения активности ее ночных действий по военно-промышленным объектам

и городам Поволжья. Для того чтобы избежать шаблона в действиях, первый массированный удар наносился не утром, как это было в майской операции, а вечером 8 июня. Удар начали соединения воздушных армий, а продолжался он ночью силами бомбардировщиков авиации дальнего действия. Фронтная авиация на каждый вражеский аэродром выделяла крупный наряд сил (до 160 самолетов). Часть этих сил подавляла средства ПВО на аэродроме, блокировала близлежащие аэродромы истребительной авиации противника и связывала боем успевшие подняться подразделения истребителей.

Общими усилиями фронтной и дальней авиации за трое суток воздушной операции было подвергнуто воздействию 28 аэродромов противника, уничтожено на земле и в воздухе 249 вражеских самолетов. Одной из особенностей этой операции являлось то, что она характеризовалась ожесточенными воздушными боями истребительной авиации. Потери авиации неприятеля в воздухе составили более 32% от общих потерь, понесенных за время операции¹²³.

Таким образом, все воздушные сражения и операции, проведенные ВВС Красной армии во втором периоде Великой Отечественной войны, отличались большим размахом, решительностью и высокой эффективностью. В ходе них было уничтожено более 1000 самолетов врага. Главным достоинством воздушных операций было то, что при использовании относительно небольших сил авиации они приводили в короткие сроки к существенному ослаблению авиационных группировок противника, сыграв тем самым важную роль в завоевании оперативного и стратегического господства в воздухе.

Немецко-фашистское командование предпринимало ответные действия. В мае — июне 1943 г. на аэродромы базирования ВВС Красной армии было совершено около 380 налетов, в которых участвовало более 1200 самолетов. Однако благодаря рассредоточению и тщательной маскировке самолетов на стоянках, созданию ложных аэродромов и хорошо организованной ПВО, их эффективность была низкой. Командующий ВВС Красной армии 22 июля докладывал Верховному главнокомандующему: «В качестве одной из мер противовоздушной обороны аэродромов нами с большим успехом применяются ложные аэродромы. Например, на ложные аэродромы 8-й воздушной армии Южного фронта за последние полтора месяца авиация противника сбросила 2214 бомб весом 46 755 кг, а на действительные аэродромы за это время была сброшена 61 бомба весом 2750 кг»¹²⁴.

Результаты, достигнутые в ходе воздушных сражений и операций, существенно облегчили решение задач, стоявших перед Военно-воздушными силами Красной армии в период Курской битвы. Тем не менее в ее оборонительный период развернулась ожесточенная борьба за господство в воздухе.

Наступление войск противника на главных направлениях поддерживалось крупными силами бомбардировочной авиации; она наносила удары группами по 50—100, а в некоторых случаях и до 300 самолетов под прикрытием своих истребителей. Поэтому над полем боя, над ограниченными по площади районами разворачивались ожесточенные воздушные бои, в которых нередко участвовало по 100—150 самолетов. Так, только 5 июля истребители 16-й и 2-й воздушных армий провели 175 групповых воздушных боев, в которых сбили 279 вражеских самолетов. Групповые воздушные бои перерастали в воздушные сражения.

Однако, несмотря на численное превосходство над противником в самолетах и героизм летчиков, ни 2-я, ни 16-я воздушные армии в первые дни Курской битвы не смогли завоевать господство в воздухе. Это объясняется рядом причин, связанных прежде всего с отсутствием четкого управления с земли по радио группами истребителей, прикрывавшими войска на поле боя, так как командиры соединений находились не на передовом командном пункте, а в районах базирования. Это вело к повторению распространенной ошибки прошлых лет: советские летчики ввязывались в бои с истребителями противника, пропуская бомбардировщики. Так, в 16-й воздушной армии из 106 сбитых в первый день боев вражеских самолетов 72 были истребителями и только 34 бомбардировщиками. Помимо этого, силы истребителей в воздушном бою наращивались неорганизованно. В результате в большинстве случаев подразделения истребительной авиации фронтов вели бои с превосходящими силами противника и при этом сами несли большие потери.

Группа советских и французских летчиков эскадрильи «Нормандия-Неман»

Командир эскадрильи штурмовиков дает указания воздушному стрелку

В директиве начальника штаба ВВС Красной армии от 29 июля 1943 г. отмечалось: «В период своего наступления с 5 июля противник ввел в бой крупные силы бомбардировочной и истребительной авиации. В ходе ожесточенной борьбы за господство в воздухе наряду с хорошими сторонами в использовании нашей истребительной авиации был выявлен ряд серьезных недочетов»¹²⁵. После вскрытия командованием воздушных армий недостатков в организации боевых действий и их устранения зоны патрулирования истребителей начали выносить на территорию, контролируемую противником, что позволяло перехватывать врага до его подхода к линии фронта. Группы различного тактического назначения в зонах эшелонировались по высоте, по фронту и в глубину. Были улучшены их взаимодействие и система управления истребительной авиацией. Через 3–5 дней боев оперативное господство в воздухе над всей Курской дугой перешло на сторону ВВС Красной армии.

В ходе обороны вражеские самолеты уничтожались не только в воздухе, но и на аэродромах. Так, на рассвете 5 июля 1943 г. 132 штурмовика в сопровождении 285 истребителей из состава 2-й и 17-й воздушных армий по указанию представителя Ставки ВГК по авиации генерала С. А. Худякова нанесли удар по аэродромам 4-го воздушного флота. Однако замысел — упредить действия противника, уничтожив крупные силы вражеской авиации на земле перед их разлетом на задания, — в полном объеме реализован не был. В связи с тем, что доразведка не организовывалась, на аэродромах удалось застать и уничтожить лишь 60 самолетов противника; остальные уже находились в воздухе.

С переходом советских войск в контрнаступление борьба за господство в воздухе вступила в новую фазу. Привлечение дополнительных сил советской авиации (1, 5 и 15-я воздушные армии) расширило размах этой борьбы. Одновременно с пятью воздушными армиями, усиленными восемнадцатью авиационными корпусами РВГК, над Курской дугой действовали почти все силы авиации дальнего действия и часть сил истребительной авиации ПВО (всего 5 тыс. самолетов — 60% всей авиации, находившейся на советско-германском фронте). Группировка люфтваффе на этом направлении к периоду наступления насчитывала не более 2,2 тыс. самолетов. Впервые в Великой Отечественной войне Красная армия начинала стратегическое наступление при столь выгодном соотношении сил авиации.

Из выполненных группировкой ВВС Красной армии за период контрнаступления 90 тыс. самолето-вылетов 32 тыс., или 35% всех вылетов, было затрачено на борьбу за господство в воздухе. В состоявшихся 1700 воздушных боях вражеская авиация потеряла свыше 2100 самолетов, кроме того, еще 145 боевых машин было уничтожено на аэродромах. Таким образом, общие потери авиации противника за время Курской битвы составили более 3700 самолетов; из них 3400 были уничтожены в воздухе, а это значит, что погибло примерно такое же количество летного состава высокой квалификации¹²⁶. Чтобы представить подлинное значение этих цифр, следует отметить, что мощная и многочисленная авиация США за весь 1942 г. вывела из строя лишь 327 немецких самолетов. Это в 11 раз меньше, чем было уничтожено за 50 дней битвы под Курском¹²⁷.

Тяжелые потери понесла вражеская авиация и на других участках советско-германского фронта: в Донбассе, Белоруссии, под Ленинградом. В итоге летне-осенней кампании 1943 г. вражеская авиация потеряла около 10 тыс. боевых машин, а за весь 1943 г. — более 20 тыс., что составило 80% всех самолетов, выпущенных промышленностью Германии за этот год. Еще большую проблему, чем восстановление численности самолетного парка, представляла необходимость восполнения потерь в летном составе. Общая квалификация вражеских летчиков упала; резко снизились и их морально-боевые качества. Это подтверждает и генерал вермахта К. Типпельскирх: «С 1943 г. уже никакими способами невозможно было ликвидировать безраздельное господство авиации противника в воздушном пространстве над районами боевых действий»¹²⁸. Таким образом, после Курской битвы стратегическое господство в воздухе на советско-германском фронте бесповоротно перешло на сторону советской авиации.

С завоеванием стратегического господства в воздухе советским войскам были созданы благоприятные условия для подготовки и ведения боевых действий. Снизились потери ВВС Красной армии, в то время как урон, наносимый авиации противника, продолжал возрастать.

Значительных усилий потребовали прикрытие и поддержка танковых армий, действовавших в оперативной глубине. Так, в интересах 3-й гвардейской танковой армии использовалось до 600 самолетов, или 60% первоначального состава 15-й воздушной армии, то есть значительно больше того, что предусматривалось планом. Кроме того, по решению представителя Ставки ВГК по авиации, в полосе действий 3-й танковой армии действовали части авиации дальнего действия и 2-й бомбардировочный авиационный корпус соседней 1-й воздушной армии. Летчики, проявляя стойкость, самоотверженность и героизм, в самых трудных условиях одерживали победы.

Действия войск ПВО страны

С первых дней и месяцев войны соединения и части первой полосы противовоздушной обороны (Северной, Северо-Западной, Западной, Киевской и Южной зон ПВО) понесли существенные потери. Многие зенитные артиллерийские части и подразделения ПВО использовались для борьбы с танками и пехотой противника. К сентябрю 1941 г. в результате понесенных потерь подлежали расформированию Кобринский бригадный район ПВО, 4-я и 13-я отдельные бригады ПВО, ряд частей Барановичского, Гомельского, Витебского бригадных районов.

Войскам Московской зоны ПВО (командующий — генерал М. С. Громадин) пришлось вступить в борьбу с эскадрами 2-го немецкого воздушного флота уже в июле 1941 г. В ночь на 22 июля германское командование приступило к проведению воздушной операции против Москвы. Был совершен массированный налет бомбардировщиков на столицу с трех направлений: северо-западного, западного и юго-западного. К началу воздушного наступления противника комплексная противовоздушная оборона Москвы, в которой использовались все рода сил ПВО (истребительная авиация, зенитная артиллерия, зенитные пулеметы, аэростаты заграждения, зенитные прожекторы и ВНОС), осуществлялась 1-м корпусом ПВО (командир — генерал Д. А. Журавлев), 6-м авиационным корпусом ПВО (командир — полковник И. Д. Климов) во взаимодействии с соединениями и частями ВВС и ПВО Западного, Калининского фронтов и Московского военного округа. В отражении налетов на Москву участвовали также Калининский и Тульский бригадные районы ПВО. В первом массированном налете в ночь с 21 на 22 июля 1941 г. участвовало свыше 200 бомбардировщиков.

До середины сентября почти ежедневные ночные массированные налеты 100—120 самолетов на Москву чередовались с группами в 50—80 бомбардировщиков. Противовоздушная оборона столицы успешно отражала воздушные атаки врага и сохраняла город от разрушения. А крупные формирования местной ПВО не допустили возникновения массовых пожаров.

Новый этап воздушной операции люфтваффе начался с развертыванием операции «Тайфун». Условия боевых действий сил и средств ПВО столицы значительно осложнились с приближением линии фронта. Срыв последних попыток противника прорваться к Москве в конце ноября — начале декабря и переход с 5 декабря советских фронтов в контрнаступление вынудили немецкое командование отказаться от продолжения воздушной операции против столицы.

В связи с тем что воздушные налеты противник осуществлял с различных направлений, группировка всех сил и средств ПВО Москвы была построена по принципу круговой обороны с усилением западного и юго-западного направлений. Зона боя истребительной авиации начиналась на дальних подступах к Москве и приближалась до зоны зенитного огня. Город и ближайшие к нему подступы прикрывались зенитной артиллерией среднего калибра, зенитная артиллерия малого калибра и зенитные пулеметы обороняли от ударов с малых высот важнейшие объекты как внутри Москвы, так и за ее пределами. Ночные действия истребительной авиации и зенитной артиллерии обеспечивались зенитными прожек-

торами. Аэростаты заграждения использовались для усиления противовоздушной обороны центральной части города в темное время суток от налетов на малой высоте и прицельного бомбометания. Кроме того, аэростатами прикрывались снабжающие столицу водонасосные станции. Разведку воздушного противника и оповещение о нем войск вели части воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). Эти задачи выполняли наблюдательные, ротные и батальонные посты ВНОС, объединенные их главным постом. В сентябре 1941 г. в состав 1-го корпуса ПВО поступили девять отечественных радиолокаторов РУС-2¹²⁹. Для обмана противника в период его массированных налетов на Москву некоторые объекты были замаскированы, а на пустырях, болотах созданы ложные.

В ходе контрнаступления под Москвой и общего наступления Красной армии части Московского корпусного района ПВО (с 5 апреля — Московского фронта ПВО) и 6-го авиационного корпуса ПВО совместно с войсками ПВО и ВВС Западного, Калининского, Юго-Западного и Брянского фронтов прикрывали от ударов с воздуха основные группировки войск, а также объекты фронтового и армейского тыла. Всего на объекты Москвы и Подмоскovie было совершено 125 налетов немецкой авиации, в которых участвовало свыше 7 тыс. самолетов. Из них 1086 было сбито средствами ПВО на подступах к столице, а 338 самолетов прорвалось к городу. Авиабомбы (1610 фугасных и около 110 тыс. зажигательных), сброшенные на жилые и промышленные кварталы города, катастрофического ущерба и разрушений не нанесли.

С блокадой Ленинграда его противовоздушная оборона осуществлялась соединениями и частями Северной зоны ПВО (2-й корпус ПВО и находившийся в его оперативном подчинении 7-й авиационный корпус ПВО) во взаимодействии с ВВС и ПВО Северного и Ленинградского фронтов и Балтийского флота. К сентябрю 1941 г. части и соединения Северной зоны ПВО понесли большие потери, особенно 7-й авиакорпус. Кроме того, часть зенитных батарей была снята для противотанковой обороны. Восполнить потери было трудно. Большинство оборонных заводов, в том числе и ленинградских, эвакуировалось на восток страны. Поэтому значительно увеличить, как это предусматривало постановление ГКО, количество зенитных орудий, прожекторов и почти удвоить число артиллерийских выстрелов практически не представлялось возможным¹³⁰.

Ход летне-осенней кампании 1941 г. убедительно подтвердил возрастание роли противовоздушной обороны, необходимости защиты от ударов с воздуха крупных центров и важнейших объектов. В условиях завоеванного противником господства в воздухе войска противовоздушной обороны в первые месяцы войны, при отражении массированных налетов на Москву, при обороне от ударов с воздуха Ленинграда, Киева, Одессы и других важных пунктов, нанесли вражеской авиации существенный ущерб и приобрели боевой опыт. Вместе с тем невосполнимые потери соединений и частей ПВО, выявленные недостатки в организации и управлении противовоздушной обороной привели к необходимости совершенствования организации и наращивания состава сил и средств ПВО.

Государственный Комитет Обороны 9 ноября 1941 г. принял постановление «Об усилении и укреплении противовоздушной обороны территории Союза», определившее коренную реорганизацию системы ПВО страны. Из подчинения командующих войсками фронтов и военных округов были изъяты все формирования наземных сил и средств ПВО территории страны. Из ВВС корпуса, дивизии и полки истребительной авиации, выполнявшие задачи противовоздушной обороны пунктов и объектов, передавались в оперативное подчинение руководителям ПВО. Зоны ПВО на европейской части территории Советского Союза расформировывались, вместо них создавались дивизионные районы противовоздушной обороны. При командующем Войсками ПВО территории страны был создан орган руководства, который включал в себя: Военный совет ПВО, штаб противовоздушной обороны, управление истребительной авиации ПВО, Главное управление ПВО, другие управления, отделы и службы. Командующим Войсками ПВО территории страны, заместителем народного комиссара обороны по противовоздушной обороне был назначен генерал-лейтенант М. С. Громадин.

Истребители МиГ-3 120-го истребительного авиаполка ПВО на аэродроме Внуково

Батарея зенитных пушек перед театром Красной армии в Москве

Войска противовоздушной обороны были преобразованы в самостоятельный вид (по терминологии того периода — род войск) Вооруженных сил СССР. Решая строго определенный круг задач стратегического характера, они имели свойственную им структуру и самостоятельное командование, непосредственно подчинявшееся высшему военному руководству. В состав войск ПВО входили зенитная артиллерия и истребительная авиация. На вооружении войск ПВО имелись так же зенитные прожекторы, аэростаты заграждения, системы оповещения ВНОС, на вооружение подразделений стали поступать первые станции радиообнаружения самолетов в воздухе.

Заботой командующего и штаба со дня принятия постановления ГКО явилось формирование дивизионных районов ПВО, центральных органов управления. Новый штат был введен 19 ноября 1941 г.¹³¹ Штаб ПВО территории страны объединял отделы: оперативный, разведывательный, формирования и комплектования, связи, 8-й, общий и административно-хозяйственный. Главное управление ПВО территории страны объединяло четыре управления: боевой подготовки, вооружения, ВНОС и связи, кадров; а также отделы: инженерный и материально-технического обеспечения. Через полгода (31 мая) Главное управление ПВО было упразднено, его функции распределены между другими структурами управления командующего Войсками ПВО территории страны.

Государственный Комитет Обороны на своих заседаниях неоднократно рассматривал вопросы противовоздушной обороны. Так, 22 января 1942 г. он обсудил вопросы, касающиеся Военно-воздушных сил. Оценивая возросшее поступление авиационной техники от Наркомата авиационной промышленности, было принято решение создать резерв ВГРК в составе 24 авиационных полков. Корпуса, дивизии и отдельные полки истребительной авиации, выделенные для противовоздушной обороны территории страны, были переданы в полное подчинение командующему Войсками ПВО территории страны¹³²; 6-й и 8-й авиационные корпуса (29 авиаполков), 13 истребительных авиационных дивизий (36 авиаполков) и девять отдельных авиаполков — всего 74 авиаполка. Вместе с ними передавались и обеспечивавшие их батальоны аэродромного обслуживания (всего 56). 7-й авиакорпус ПВО (четыре авиаполка), выполнявший задачи в составе Ленинградского корпусного района ПВО, оставался в оперативном подчинении Ленинградского фронта¹³³.

В марте возобновились активные действия авиации люфтваффе на московском направлении. Немецкие самолеты в конце марта несколько раз вторгались в воздушное пространство столицы. 29 и 30 марта они бомбили Шошинский железнодорожный мост вблизи Завидово и объекты Подмосковья. 31 марта вражеский самолет, прорвавшийся к Москве, сбросил фугасные бомбы на город. В результате ГКО 5 апреля вновь вынужден был на своем заседании рассматривать вопросы ПВО. Было указано, что система ПВО Москвы и Московского корпусного района ухудшила свою работу и требует немедленной реорганизации; отмечено низкое состояние дисциплины начсостава частей ПВО и отдельных должностных лиц Главного управления и корпусного района ПВО¹³⁴. В итоге было принято решение о создании Московского фронта ПВО, Ленинградской и Бакинской армий ПВО. Таких органов руководства оперативно-стратегического (фронт) и оперативного (армии) уровней противовоздушная оборона нашей страны, да и других государств, прежде не имела.

В состав Ленинградской армии ПВО были включены все части бывшего Ленинградского корпусного района ПВО: всего шесть зенитных артиллерийских полков, два полка зенитных прожекторов, полк зенитных пулеметов, три полка аэростатов заграждения, один полк ВНОС.

Бакинская армия ПВО была оставлена в подчинении командующего Закавказской зоной ПВО. В состав армии вошли все части бывшего корпуса ПВО, а также 8-й авиационный корпус. Всего в армии имелось: семь зенитных артиллерийских полков, полки зенитных прожекторов, зенитных пулеметов, аэростатов заграждения, ВНОС, отдельных батальонов ВНОС и связи.

В этот же период были развернуты Мурманский, Бологоевский, Горьковский, Саратово-Балашовский, Северо-Кавказский и Грозненский дивизионные районы ПВО. 20 апреля 1942 г. Горьковский и Сталинградский дивизионные районы были переформированы в корпусные районы ПВО¹³⁵.

Однако единой системы ПВО, способной объединить все силы и средства страны, еще не было. Так, Главное управление ПВО территории страны не имело даже связи с фронтовыми управлениями ПВО¹³⁶. Отсутствовало централизованное управление войсковой системой ПВО и со стороны Главного управления начальника артиллерии Красной армии, где имелся только отдел боевой подготовки зенитной артиллерии, занимавшийся разработкой уставов и наставлений зенитной артиллерии. Только 2 июня 1942 г. все наземные части и подразделения противовоздушной обороны (зенитной артиллерии, зенитных пулеметов, зенитных прожекторов, воздушного наблюдения, оповещения и связи), действовавшие в составе фронтов, были подчинены начальнику артиллерии Красной армии. В его штабе был создан отдел ПВО войск, а в Управлении боевой подготовки сохранен отдел зенитной артиллерии. В составе управлений начальников артиллерии фронтов и армий вводилась должность заместителя начальника артиллерии фронта (армии) по ПВО, в его подчинении имелся отдел (отделение) ПВО.

В летне-осеннюю кампанию 1942 г. в период стратегической обороны Войска ПВО страны во взаимодействии с ПВО фронтов вели напряженные боевые действия по отражению массированных налетов и эшелонированных действий авиации противника на города, объекты, коммуникации. За июль — ноябрь было отражено свыше 133 тыс. самолето-налетов вражеских бомбардировщиков¹³⁷. В это время основная борьба на советско-германском фронте развернулась на южном направлении, где под ударами врага войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов оставили Донбасс и правый берег Дона. Начались упорные сражения на сталинградском и кавказском направлениях. С 28 июня по 10 июля немецкая авиация нанесла ряд бомбардировочных ударов на воронежском направлении по армейским и фронтовым тылам, железнодорожным узлам, через которые шло снабжение войск Юго-Западного фронта. Противовоздушную оборону Воронежа, крупных железнодорожных узлов, прифронтовых коммуникаций и места дислокации штаба фронта осуществлял Воронежско-Борисоглебский дивизионный район ПВО, в состав которого вошли 3-я и 4-я дивизии ПВО, отдельные части зенитной артиллерии, пулеметов, ВНОС, три зенитных бронепоезда, а также оперативно подчиненная 101-я истребительная авиадивизия ПВО. Наряду с отражением налетов авиации противника зенитные части района ПВО участвовали и в противотанковой обороне. Огневые позиции батарей зенитной артиллерии находились в расположении пехотных подразделений вблизи переднего края обороны. 9 и 10 июля созданная из частей 3-й дивизии ПВО зенитная артиллерийская группа вместе со стрелковыми частями фронта выбили противника из северной части Воронежа (из района сельскохозяйственного института)¹³⁸.

Со второй половины июля 1942 г. начались оборонительные бои на дальних подступах к Сталинграду. Противовоздушную оборону на дальних и ближних подступах к городу осуществляли Сталинградский корпусной район ПВО и 102-я истребительная авиационная дивизия ПВО. Кроме Сталинграда эта дивизия прикрывала Астрахань, железнодорожные и водные пути сообщения в границах района ПВО, а также войска Сталинградского фронта. Первые налеты на Сталинград вражеская авиация предприняла в конце июля. Они успешно были отражены огнем зенитной артиллерии. По мере приближения противника к городу его авиация активизировала деятельность и в дневное время. Авиаполки 102-й истребительной авиационной дивизии, имевшие на вооружении самолеты устаревших типов (И-15, И-16, И-153), вели напряженные бои в сложной обстановке. 23 августа, когда немецкие соединения прорвались к Волге севернее Сталинграда, неприятельская авиация нанесла по городу и боевым порядкам войск массированный удар, совершив около 2 тыс. самолето-вылетов. Части Сталинградского корпусного района ПВО, 102-й авиадивизии во взаимодействии с истребительной авиацией 8-й воздушной армии и силами ПВО фронта защитить город от разрушений и массовых потерь населения не смогли из-за превосходства противника в силах. Массированные налеты противника продолжались и в дальнейшем.

Ставка ВГК принимала меры по наращиванию сил и средств ПВО на сталинградском и кавказском направлениях. 28 августа для обороны Астрахани и железной дороги на Верхний

Расчеты 12,7-мм зенитного пулемета во время боев в Сталинграде

Расчеты 37-мм зенитных пушек Ладужской военной флотилии прикрывают Дорогу жизни

Баскунчак был создан Астраханский дивизионный район ПВО¹³⁹. Для защиты волжского речного пути на участке Камышин — Астрахань командованием Сталинградского корпусного района была выделена Волжская оперативная группа ПВО, осуществлявшая руководство действиями зенитных частей и подразделений, оборонявших волжские пристани и караваны судов. 14 октября Сталинградский корпусной, Астраханский дивизионный районы ПВО и 101-я истребительная авиационная дивизия были оперативно подчинены командующему войсками Сталинградского фронта¹⁴⁰.

С октября для усиления прикрытия войск началось формирование зенитных артиллерийских дивизий РГК. Основной их задачей являлось прикрытие главной группировки фронта (армии) в исходном положении и в ходе операции от авиации противника. Планировалось, что зенитные артиллерийские дивизии РГК как мощное огневое средство усиления фронта (армии) будут применяться массированно на главных направлениях. Первые две дивизии РГК уже 2 ноября 1942 г. были отправлены из Московского учебного центра под Сталинград¹⁴¹. Появление на фронтах таких дивизий значительно усилило противовоздушную оборону войск в операциях второго периода войны.

Количественный и качественный рост сил и средств ПВО, героизм личного состава, совершенствование организации родов войск обеспечили в основном успешное решение боевых задач Войсками ПВО в Сталинградской битве. С июля по декабрь 1942 г. частями района и 102-й истребительной авиационной дивизии ПВО было уничтожено 650 самолетов противника¹⁴².

В период подготовки контрнаступления советских войск под Сталинградом с проведением затем крупных последовательных наступательных операций перед Войсками ПВО страны встала задача надежно прикрыть прифронтовые коммуникации и районы сосредоточения стратегических резервов, а также ударные группировки войск фронтов в исходных районах. Части и соединения ПВО Сталинградского корпусного, Воронежско-Борисоглебского, Саратово-Балашовского, Астраханского дивизионных районов и оперативно подчиненных им истребительных авиационных дивизий успешно выполнили эту задачу. Пресекалась всякая попытка проникновения в эти районы вражеских самолетов-разведчиков.

С переходом 19 ноября 1942 г. войск Красной армии в контрнаступление части районов ПВО приступили к выполнению задач прикрытия боевых порядков войск фронтов, а также их коммуникаций и важнейших объектов тыла. В это время Сталинградский корпусной район ПВО находился в оперативном подчинении Сталинградского фронта. С 23 ноября, когда была окружена крупная группировка врага в районе Сталинграда, корпусной район ПВО совместно с истребительной авиацией и зенитной артиллерией фронтов осуществляли блокаду окруженной группировки. В ходе воздушной блокады силами и средствами ПВО и авиацией воздушных армий было уничтожено до 1200 самолетов противника, из них 80% транспортных самолетов и бомбардировщиков.

Сталинградский корпусной район ПВО и 102-я авиадивизия ПВО были награждены орденами Красного Знамени¹⁴³, а 102-я истребительная авиационная дивизия 31 марта 1943 г. преобразована во 2-ю гвардейскую истребительную авиационную дивизию. Ей было присвоено почетное наименование Сталинградская.

Продолжалось совершенствование организационной структуры войск ПВО и наращивание сил и средств. Значительно возросло количество зенитных артиллерийских дивизий РГК, в июле 1943 г. их было уже 40, а армейских полков ПВО — 156.

Большое внимание уделялось обеспечению операции по прорыву блокады Ленинграда. Задачу по противовоздушной обороне войск Ленинградского и Волховского фронтов осуществляли Ленинградская армия ПВО и Ладужский дивизионный район ПВО. Они обеспечили прикрытие бесперебойной работы Дороги жизни. Авиационное прикрытие перевозок по ледовой трассе осуществляли части 7-го авиакорпуса ПВО, ВВС Ленинградского фронта и Балтийского флота. В районе Ладужской трассы в общей сложности было уничтожено 239 вражеских самолетов¹⁴⁴. Кроме того, зенитные артиллерийские полки Ленинградской армии ПВО участвовали в артиллерийской подготовке прорыва.

Катер ПВО Волжской военной флотилии

В мае 1943 г. была проведена реорганизация Московского фронта ПВО, прикрывавшего Центральный промышленный район. Зенитные артиллерийские, прожекторные, пулеметные полки, полки аэростатов воздушного заграждения и ВНОС были переформированы соответственно в зенитные артиллерийские, зенитно-прожекторные, зенитно-пулеметные дивизии, дивизии аэростатов воздушного заграждения и дивизии ВНОС; линейные дивизионы полков, батальоны прожекторные, пулеметные, ВНОС — в зенитные артиллерийские, зенитно-прожекторные, зенитно-пулеметные полки, полки аэростатов воздушного заграждения и полки ВНОС¹⁴⁵. В результате проведенной реорганизации в составе Московского фронта ПВО имелось дивизий: зенитных артиллерийских среднего калибра — 15, малого калибра — 2, зенитно-прожекторных — 4, зенитно-пулеметных — 3, аэростатов воздушного заграждения — 3, ВНОС — 2. Кроме того, на базе отдельного батальона связи был создан 139-й полк связи, на базе отдельного радиобатальона ВНОС — 18-й радиополк ВНОС. 5 июня 1943 г. был создан Закавказский фронт ПВО, а к 9 июня на базе 6-го авиационного корпуса ПВО — 1-я воздушная истребительная армия ПВО. В ее состав вошли четыре истребительные авиационные дивизии ПВО¹⁴⁶.

В начале летне-осенней кампании 1943 г. германская авиация провела массированные налеты на важные военно-промышленные объекты Среднего Поволжья. В период с 4 по 27 июня она предприняла 17 массированных ночных налетов (на Горький — 7, на Саратов — 8, на Ярославль — 2), в которых участвовало в общей сложности около 1200 бомбардировщиков. Противовоздушную оборону этих важных промышленных центров осуществляли Горьковский корпусной, Саратово-Балашовский и Рыбинско-Ярославский дивизионные районы ПВО с оперативно подчиненными им соответственно 142, 144 и 147-й истребительными авиационными дивизиями. В ходе отражения налетов войсками ПВО было уничтожено около

Зенитчики А. Фролов и М. Петров читают газету «Красный флот»

60 вражеских самолетов. Однако полностью защитить прикрываемые объекты от ударов с воздуха частям районов ПВО и истребительных авиадивизий не удалось.

Часть вражеских бомбардировщиков проникла к объектам и нанесла им серьезный ущерб¹⁴⁷. Это явилось следствием того, что части ПВО, развернутые на обороне объектов Горького и Саратова, имели слабую подготовку для действий в ночных условиях. На пути следования воздушного противника к объектам в глубоком тылу (500–600 км) войсковая ПВО и ВВС фронтов практически не воздействовали на авиацию противника. Отсутствовало взаимодействие между Войсками ПВО страны и силами ПВО фронтов и истребительной авиацией воздушных армий. Действия частей и соединений ПВО расследовала специальная комиссия во главе с А. С. Щербаковым, выводы которой обсуждались на заседании ГКО.

Учтя опыт действий Войск ПВО страны при отражении налетов на города Среднего Поволжья, ГКО принял решение о реорганизации и укреплении противовоздушной обороны страны. Вместо существовавшей ПВО территории страны было создано два фронта ПВО — Западный и Восточный. Граница между ними проходила с севера на юг по линии: Каменка, Тотма, Солигалич, Нея, Юрьевец, Шуя, Сасово, Кирсанов, Поворино, Морозовский, Пролетарское, Армавир, Кисловодск, Сочи. Московский фронт ПВО был переименован в Московскую Особую армию ПВО, которая вошла в состав Западного фронта ПВО. Дальневосточная, Забайкальская, Среднеазиатская зоны ПВО были переданы в подчинение Военным советам соответственно Дальневосточного, Забайкальского фронтов и Среднеазиатского военного округа¹⁴⁸.

На командующего артиллерией Красной армии маршала артиллерии Н. Н. Воронова были возложены: координация действий между фронтами и зонами ПВО; планирование вооружения; комплектование рядовым и начальствующим составом; руководство военно-учебными заведениями ПВО, подготовка кадров; издание уставов и наставлений; контроль действий фронтов и зон ПВО. Для этого к 10 июля 1943 г. были сформированы Центральный штаб войск ПВО, Центральный штаб истребительной авиации ПВО, Главная инспекция ПВО, Управление боевой подготовки войск ПВО и Центральный пост ВНОС.

Командующим войсками Западного фронта ПВО стал генерал М. С. Громадин (штаб дислоцировался в Москве), а Восточного фронта ПВО — генерал Г. С. Зашихин (штаб в Куйбышеве). Создание двух фронтов ПВО улучшало организацию взаимодействия объединений и соединений ПВО страны с противовоздушной обороной общевойсковых фронтов и армий. В то же время передача войск ПВО страны в подчинение командующему артиллерией и упразднение должности командующего Войсками ПВО территории страны усложняло централизованное руководство силами и средствами, выполнявшими задачи противовоздушной обороны объектов и коммуникаций тыла страны. Роль, отводимая фронтам ПВО, была неоднозначной: Восточный фронт ПВО прикрывал объекты в глубоком тылу, а Западный — выполнял задачи обороны объектов на громадной территории за действующими фронтами, наращивая систему ПВО на театрах военных действий.

В летне-осеннюю кампанию 1943 г. в предвидении крупного наступления врага на курском выступе Ставка ВГК создавала мощную группировку своих войск, в том числе и войск ПВО. Главной задачей для войск ПВО в период подготовки и проведения стратегической оборонительной операции было прикрытие железнодорожных магистралей, по которым шло снабжение действующих фронтов людскими и материальными ресурсами. Эту задачу решали Рязско-Тамбовский, Воронежско-Борисоглебский, Харьковский и Тульский дивизионные районы ПВО с оперативно подчиненными им истребительными авиационными дивизиями. В оперативном подчинении районов ПВО находились 36, 101, 125 и 310-я истребительные авиационные дивизии ПВО с общей численностью свыше 200 боевых самолетов. Наиболее ответственные задачи выполняли части и подразделения Воронежско-Борисоглебского дивизионного района ПВО и 101-й истребительной авиационной дивизии ПВО¹⁴⁹. В мае — июне в составе группировки противовоздушной обороны железнодорожных магистралей было 547 зенитных орудий среднего калибра, 214 зенитных орудий малого калибра, 558 крупнокалиберных зенитных пулеметов, 115 прожекторных станций; истребительная авиация ПВО имела 208 боевых самолетов¹⁵⁰.

Противовоздушная оборона железнодорожных коммуникаций проводилась при тесном взаимодействии районов, истребительных авиадивизий Войск ПВО страны с силами и средствами ПВО Воронежского и Центрального фронтов и воздушных армий. Здесь впервые наиболее полно были разработаны и практически проверены формы организации и осуществления прикрытия от ударов воздушного противника соединениями (дивизионными районами) ПВО железнодорожных объектов в прифронтовой полосе. Районам ПВО устанавливались границы ответственности, в которых разворачивались части и подразделения для обороны важных объектов коммуникаций. Зенитная артиллерия среднего калибра применялась для прикрытия наиболее важных железнодорожных узлов и станций. Сильные группировки зенитной артиллерии были созданы для противовоздушной обороны таких важных железнодорожных узлов, как Тула, Ряжск, Елец, Грязи, Курск, Касторное, Воронеж, Лиски, Валуйки. Группировка зенитной артиллерии на таких пунктах строилась по принципу круговой обороны. Наибольшая плотность зенитного артиллерийского огня создавалась на подходе к вероятному рубежу бомбардирования.

Командные пункты полков и дивизионов располагались обычно вне населенных пунктов, вблизи от линии передовых батарей, что обеспечивало большую гибкость управления и упрощало организацию связи. Связь осуществлялась по проводным телефонным линиям и по радио.

Зенитная артиллерия малого калибра и зенитные пулеметы большей своей частью применялись для обороны небольших объектов (промежуточных станций и разъездов, мостов, складов, депо, водонапорных башен и т. п.).

Службу наблюдения за воздушным противником и оповещения о нем войск вели в основном наблюдательные посты ВНОС ПВО. Оповещение осуществлялось по радио с главного поста ВНОС и по телефонным линиям связи на основные аэродромы истребительной авиации ПВО и воздушных армий фронтов.

Истребительная авиация ПВО была максимально приближена к обороняемым железнодорожным узлам и магистралям. Каждому полку назначалось несколько аэродромов или посадочных площадок, что обеспечивало широкий маневр истребителями. Новым в применении истребительной авиации явилось назначение каждому истребительному авиаполку определенного участка железной дороги. Протяженность их была различной и зависела от боевого состава полков, важности участка и удаления аэродрома от объекта прикрытия. В 101-й истребительной авиации ПВО имелись три радиолокационные станции, которые использовались для наведения истребителей и разведки воздушного противника.

6 мая вражеская авиация (40 бомбардировщиков и 20 истребителей прикрытия) совершила массированный налет на железнодорожный узел Валуйки. Несмотря на потери 10 самолетов от огня зенитчиков и истребителей, немецкая авиация нанесла значительный материальный ущерб узлу. 8 мая противник пытался нанести воздушный удар по железнодорожной станции Щигры; в налете участвовало 11 бомбардировщиков, прикрываемых 10 истребителями. 22 мая авиация противника (до 170 самолетов) совершила первый массированный налет на железнодорожный узел Курск; в налете участвовало до 170 самолетов. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии было уничтожено 65 самолетов противника.

Характерным примером осуществления взаимодействия средств ПВО на курском выступе явилось отражение второго массированного налета воздушного противника на Курск днем 2 июня. Налет был эшелонированным и одним из наиболее крупных за период Великой Отечественной войны. Он начался в 4 часа 39 минут и завершился в 14 часов 50 минут. В составе пяти эшелонов вражеской авиации действовали 424 бомбардировщика и 119 истребителей для их прикрытия. В ночном налете со 2 на 3 июня принимало участие до 300 бомбардировщиков противника. В отражении дневного налета были задействованы 101-я истребительная авиационная дивизия ПВО, фронтовая истребительная авиация 16-й и 2-й воздушных армий, зенитная артиллерия Воронежско-Борисоглебского дивизионного района ПВО, Центрального и Воронежского фронтов. Общее руководство отражением налета осуществлялось Курской оперативной группой дивизионного района ПВО во главе

с начальником штаба района ПВО полковником В. С. Гавриловым. Всего 2 июня против 543 самолетов врага на перехват было поднято 357 истребителей, сбито 116 самолетов противника. Наши потери составили 27 боевых машин¹⁵¹.

Прорвавшиеся к городу самолеты уничтожались огнем группировки зенитной артиллерии, которая включала 64 орудия среднего калибра, 24 малого калибра и 45 крупнокалиберных пулеметов. Зенитчики не допустили прицельного бомбометания и уничтожили 27 самолетов врага. В ночном налете на Курск со 2 на 3 июня самолеты шли непрерывным потоком, заходя на объект с разных сторон группами в 3–5 самолетов и по одному. В этом налете участвовало до 300 бомбардировщиков. Батареи 254-го зенитного артиллерийского полка за сутки уничтожили 22 самолета врага.

В это время были проведены укрупнения соединений ПВО. Воронежско-Борисоглебский дивизионный район ПВО был реорганизован в Воронежский корпусной район ПВО, а 101-я истребительная авиационная дивизия ПВО — в 9-й истребительный авиационный корпус ПВО. В сентябре 1943 г. Воронежский корпусной район ПВО был переименован в Курский¹⁵².

В ходе Курской битвы районы ПВО с оперативной подчиненными им истребительными авиационными дивизиями кроме основной задачи — прикрытия от ударов с воздуха прифронтовых коммуникаций, особенно железных дорог, — привлекались и к прикрытию группировок войск фронтов. Для обороны объектов и участков железных дорог в составе районов ПВО имелось 35 зенитных бронепоездов. Широко применялись также маневренные зенитные артиллерийские группы в составе подразделений зенитной артиллерии малого калибра и зенитных пулеметов. Благодаря хорошо организованному управлению боевыми действиями частей ПВО в районе Курска и четкому взаимодействию соединений ПВО страны с войсковой ПВО успешно отражались как эшелонированные действия, так и массированные налеты воздушного противника.

В битве за Днепр Войска ПВО наряду с прикрытием военных объектов обороняли от ударов с воздуха освобожденные от оккупантов Левобережную и часть Правобережной Украины, Донбасского промышленного района. В первую очередь на освобождаемой территории развертывались посты и пункты управления ВНОС. Главную роль в деятельности войск ВНОС Западного фронта ПВО стали играть поступающие в войска отечественные и поставляемые по ленд-лизу радиолокационные станции. Они применялись как для разведки воздушного противника, так и для наведения истребителей на воздушные цели. Зенитные артиллерийские части районов ПВО развертывались на прикрытии промышленных районов и важных объектов, как правило, из глубины страны с использованием свободных резервов.

Для управления силами и средствами ПВО в новых районах штабы высылали оперативные группы, а затем перемещались основным составом, не допуская потери управления подчиненными частями. При перемещении районов ПВО на оборону других объектов они, как правило, переименовывались. Так, Воронежский корпусной район ПВО, передислоцированный из Курска сначала в Нежин, а затем в Киев был переименован в Киевский корпусной район ПВО¹⁵³.

В октябре 1943 г. для обороны Донбасса на базе 17-й отдельной бригады ПВО Северо-Кавказского корпусного района был сформирован Донбасский корпусной район ПВО¹⁵⁴. Району предписывалось оборонять от ударов с воздуха восстанавливаемые объекты Донбасса, Днепропетровска, Запорожья, Мариуполя, Мелитополя, железнодорожные станции, мосты и переправы через Днепр у Днепропетровска, а также коммуникации и тылы 3-го, 4-го и частично 2-го Украинских фронтов в границах района¹⁵⁵.

В целом в первом и втором периодах Великой Отечественной войны Войска ПВО сыграли большую роль в операциях Красной армии. Они сумели успешно отразить большинство налетов вражеской авиации на крупные центры страны, обеспечили сохранность Москвы, Ленинграда и других городов, не допустили дезорганизации работы железнодорожных коммуникаций в условиях господства в воздухе авиации противника.

Боевой опыт подтвердил необходимость комплексного использования всех сил и средств ПВО и массированного их применения для надежного прикрытия от ударов с воздуха наи-

более важных объектов государства. Это обеспечивалось централизованным руководством Войсками ПВО со стороны Ставки Верховного главнокомандования и осуществлением непрерывного взаимодействия с силами и средствами ПВО фронтов и флотов.

Одним из важнейших выводов по итогам первых кампаний Великой Отечественной войны следует считать подтверждение тезиса о возрастании роли противовоздушной обороны среди условий обеспечения безопасности государства. Свои задачи по отражению воздушного противника могут выполнить только заблаговременно развернутые, находящиеся в постоянной боевой готовности, сильные Войска противовоздушной обороны.

За линией фронта

С началом Великой Отечественной войны на оккупированной врагом советской территории возникло народное сопротивление захватчикам. Оно было вызвано справедливыми, освободительными целями войны против агрессоров, являлось глубоким проявлением народного патриотизма, воплощением общенациональной идеи защиты Отечества.

Широкомасштабная народная борьба развернулась не сразу. Советской стороне пришлось решать организационные вопросы развертывания партизанского движения уже в условиях начавшейся войны и отступления Красной армии. «Если бы кто заикнулся еще 20 июня 1941 г. о возможности подпольной борьбы наших людей на Украине, в Белоруссии, под Смоленском, в Литве в случае нападения фашистских войск, — вспоминал один из руководителей партизанского движения Т. А. Строкач, — то такого зачислили бы в паникеры»¹⁵⁶.

К началу войны в СССР отсутствовала заблаговременно разработанная концепция партизанской борьбы, да и подготовленных кадров для этого не было. Лишь 29 июня 1941 г. в директиве Совнаркома и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей содержалось указание о развертывании партизанского движения и подпольной борьбы. Большую роль в организации борьбы военнослужащих Красной армии, прорывавшихся из окружения летом 1941 г., сыграла листовка-обращение Главного политического управления РККА от 15 июля 1941 г. «К военнослужащим, сражающимся в тылу противника». В данной листовке, разбросанной с самолетов над всей оккупированной территорией, деятельность советских воинов за линией фронта рассматривалась как продолжение выполнения ими боевой задачи. Командирам и бойцам предлагалось переходить к методам партизанских действий и всеми доступными средствами уничтожать противника.

В 1941 г., следуя этому призыву, к партизанской борьбе перешли тысячи окруженцев, в том числе командиры ряда кавалерийских и стрелковых дивизий. Среди партизан Ленинградской области в 1941 г. военнослужащих было 18%, в Орловской области — 10%, в Литовской ССР — 22%, в Белорусской ССР — более 11% на протяжении всей оккупации¹⁵⁷. Они внесли в ряды партизан дисциплину, порядок, организованность, знание оружия и военной техники. Отдельные отряды целиком состояли из военнослужащих. Но были и смешанные формирования, объединявшие местных жителей и военнослужащих.

Особый импульс развертыванию всенародной борьбы был придан выступлением по радио И. В. Сталина 3 июля 1941 г., а также после выхода 18 июля специального постановления ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». Однако документов по вопросам практической организации партизанского движения выработано еще не было. Партизаны в это время действовали чаще всего самостоятельно. Большую роль в поддержке, вооружении и обучении первых партизанских отрядов и диверсионных групп сыграли войска НКВД. За линию фронта засылались специально подготовленные отряды и группы для организации партизанской борьбы. Они пополнялись местными жителями, солдатами и офицерами, выходившими из окружения или бежавшими из плена. На 18 апреля 1942 г. на учете НКВД находились 1798 партизанских отрядов и 11 253 разведывательно-диверсионных группы (всего 78 тыс. человек)¹⁵⁸.

Партизаны с каждым днем наносили все более ощутимые удары по врагу. Уже 16 сентября 1941 г. начальник штаба верховного главнокомандования вермахта В. Кейтель в приказе по войскам отмечал, что с «самого начала военной кампании против Советской России во всех оккупированных Германией областях возникло коммунистическое повстанческое движение. Это движение носит различный характер, начиная с пропагандистских выступлений и покушений на отдельных военнослужащих немецкой армии и кончая открытыми мятежами и организованной партизанской войной... Таким образом, во всё возрастающей степени создается опасность для немецкого военного руководства, которая проявляется прежде всего в обстановке всеобщего беспокойства для оккупационных войск, а также ведет к отвлечению сил, необходимых для подавления главных очагов мятежа»¹⁵⁹.

«Если и существовали селения, где крестьяне предлагали цветы и свежую воду, — вспоминали после войны солдаты вермахта, — то было гораздо больше безлюдных и враждебных деревень, неизвестно куда идущих дорог, где на немцев неожиданно обрушивался огонь советского оружия». Так, в деревне под Севском (ныне Брянская область) в начале 1942 г. они обнаружили дорожный указатель с надписью: «Берлин — 1052 километра»¹⁶⁰.

Партизанские формирования, как правило, создавались по административным районам, хотя часто они возникали по инициативе на местах. Первоначально противодействие врагу выражалось преимущественно в виде саботажа и диверсионных актов, которые лишали противника покоя в собственном тылу.

На территории Крыма, особенно в горах, партизаны действовали в тяжелых условиях. Специально подготовленных кадров практически не было. Весной 1942 г. они практически не имели связи с Большой землей и несли значительные потери. Тем не менее партизаны постоянно вели разведку, наносили удары по противнику. За семь месяцев неравной борьбы отряды выдержали 70 боев с оккупантами и местными «добровольцами», пытавшимися разгромить базовые лагеря, уничтожить госпитали и санитарные землянки. В то же время боевые отряды и диверсионные группы произвели более 30 нападений на гарнизоны противника и около 200 выходов на диверсии, в ходе которых на коммуникациях, ведущих к Севастополю, взорвали 20 мостов, уничтожили до 5 км линий телефонно-телеграфной связи, 300 автомашин и тягачей, четыре прожекторные установки, разгромили 19 обозов. В ходе боев были уничтожены более 4 тыс. немецких и румынских солдат и офицеров и их пособников из местного населения¹⁶¹.

Крымские партизаны использовали для своих баз многочисленные пещеры (на территории Крыма имелось около 800 пещер). Наиболее сильные отряды базировались в районе села Перевального в Красных пещерах. Оккупанты в борьбе с ними использовали весь арсенал оружия, в том числе и отравляющие вещества. Однако даже применение этого варварского оружия не принесло успеха врагу. В отличие от других пещер Крыма, на некотором удалении от входа в Красные пещеры подземный ход пересекала река. Уходя от преследователей, партизаны под водой преодолевали часть подземного хода, куда не проникали газы. Широкая и многоярусная система ходов, общая протяженность которых достигала 20 км, наличие в Красных пещерах подземных озер создавали благоприятные условия для размещения и функционирования партизанского отряда¹⁶².

30 мая 1942 г. при Ставке ВГК был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД); его руководителем был назначен П. К. Пономаренко. При военных советах фронтов были созданы региональные штабы: Карело-Финский, Ленинградский, Калининский, Западный, Брянский, Украинский (при Военном совете Юго-Западного фронта). Штабы занимались организацией борьбы в тылу врага, обеспечением партизанских отрядов. С этого момента эффективность противодействия врагу возросла. Впоследствии были созданы республиканские, краевые, областные штабы партизанского движения, что позволило управлять действиями партизанских отрядов на всей оккупированной врагом территории, организовать снабжение партизан.

6 сентября 1942 г. был учрежден пост главнокомандующего партизанским движением, который занял маршал К. Е. Ворошилов. Ему подчинялся и ЦШПД. Создание Централь-

Пропагандистский лозунг в одной из оккупированных деревень

В полной готовности к отправке в длительный рейд по тылам врага

ного штаба партизанского движения и должности главкома (хотя 19 ноября 1942 г. она была ликвидирована) позволили централизовать руководство партизанским движением, теснее увязать их действия с задачами Красной армии, организовать централизованное снабжение партизанских отрядов.

Из советского тыла партизаны получали почти 100% средств радиосвязи, 70% взрывчатых веществ, свыше 90% противотанковых ружей, около 80% автоматов¹⁶³. Так, Главное военно-инженерное управление РККА поставило ЦШПД 40 тыс. мин замедленного действия, 30 тыс. противопоездных, 12 тыс. автотранспортных, 40 тыс. ампульных, 15 тыс. рычажных, 15 тыс. малых магнитных и 45 тыс. противопехотных мин, 25 тыс. колесных замыкателей¹⁶⁴. Только на брянские партизанские аэродромы из советского тыла было завезено 808 тонн военных грузов.

Из-за межведомственных разногласий ЦШПД неоднократно реорганизовывался, а в марте 1943 г. был вообще упразднен. Через месяц его восстановили, но из его состава был выведен Украинский штаб партизанского движения, который переподчинили непосредственно Ставке ВГК¹⁶⁵.

Оккупационный режим, созданный врагом на захваченной территории СССР, утверждался в основном способами и методами кровавого террора. Основной тезис в достижении целей, намеченных руководством фашистской Германии по отношению к населению Советского Союза, — «беспощадное насилие сделает его послушным и стоворчивым»¹⁶⁶. Захваченные области, по мнению Гитлера, должны были быть «тотально германизированы». Предполагалось выселить, а точнее ликвидировать более 22 млн коренных жителей¹⁶⁷. В конце марта 1942 г. оккупанты устроили расправу над жителями белорусских деревень Суражского и Витебского районов. В деревне Низкие за убийство одного немца были заживо сожжены 256 человек; в деревне Хвосты в землянках были сожжены 59 человек, в том числе 25 детей¹⁶⁸.

Во время оккупации городское и сельское население временно захваченных районов СССР было взято на строгий учет. Новые лица, появляющиеся в городах и деревнях, подлежали немедленной регистрации в полиции. Передвижение между населенными пунктами без разрешения властей запрещалось. В принудительном порядке рабочие в городах направлялись на восстановление промышленных предприятий, а сельские жители привлекались к материально-бытовому обслуживанию воинских частей и полицейских формирований¹⁶⁹.

Несмотря на весь ужас и гнет оккупации, советский народ не покорился врагу. Представители различных национальностей Советского Союза поднялись на защиту свободы и независимости своей Родины. Страна превратилась в единый боевой лагерь. Для руководства всеми формами борьбы в тылу врага была организована широкая сеть подполья. Организаторская деятельность в тылу германских войск умело сочеталась с большой политической работой, сыгравшей исключительно важную роль в мобилизации народных масс на борьбу с врагом. Особенно огромное воздействие на ее развитие оказали победы Красной армии под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, Днепре, многих других участках советско-германского фронта, которые создавали благоприятные военные и морально-политические условия для расширения всенародной борьбы в тылу врага. В свою очередь, успехи партизан и подпольщиков способствовали Красной армии в усилении натиска на оккупантов.

В истории развития партизанского движения на оккупированной советской территории условно можно выделить три этапа, которые в основном соответствуют периодам Великой Отечественной войны: становление и развертывание партизанской борьбы (1941–1942), укрепление и рост партизанского движения (1943) и боевая деятельность в период завершения освобождения советской территории (1943–1944).

В первый, наиболее трудный этап, охватывающий временные рамки от начала войны до создания центрального и фронтовых штабов партизанского движения, оно прошло путь от зарождения до развертывания массовой вооруженной борьбы. В это время определилась организационно-боевая структура партизанских сил, сложились и приобрели боевой опыт их командно-политические кадры, была осуществлена централизация оперативного руководства партизанским и подпольным движением. Борьба советских патриотов, носившая в

Продвижение немецкого эшелона в зоне действия партизанских отрядов

начале оккупации характер разрозненных действий, выросла, расширилась и превратилась в планомерные, целенаправленные и организованные выступления, в ходе которых вырабатывались и складывались основные принципы и черты тактики партизан и подпольщиков. Боевые действия окрепших и умноживших свои ряды партизанских формирований и подпольных организаций становились все более эффективными, разнообразными по форме, отчетливо приобретая наступательный характер.

Уже первые месяцы войны показали, что борьба в тылу немецко-фашистских войск — это реальность, продиктованная необходимостью оказания помощи фронту. К концу 1941 г. в тылу врага сражались более 2 тыс. партизанских отрядов общей численностью свыше 90 тыс. человек и значительное количество мелких групп. Партизанская война развернулась на оккупированной территории Белоруссии (свыше 230 партизанских отрядов), Украины (свыше 880), РСФСР (свыше 500), Молдавии (147), Литвы, Эстонии, Карелии. Помимо партизанских отрядов на оккупированной территории действовало огромное количество диверсионных групп¹⁷⁰.

В тылу советских войск были созданы учебные центры, базы, спецшколы по подготовке кадров для подпольной и партизанской борьбы. Так, на Западном фронте в середине июля 1941 г. был образован оперативно-учебный центр¹⁷¹. Срок подготовки партизанских кадров здесь составлял 3–5 дней, позднее — 10 дней. В Полесской области, в районе г. Мозыря, летом 1941 г. находилась база по подготовке подпольщиков. С апреля 1942 г. возле г. Муром Горьковской области начали работу специальные курсы по подготовке кадров для партизанских формирований и организаторских групп по созданию партизанских отрядов¹⁷². Функционировали спецшколы по подготовке радистов, подрывников, разведчиков (за 1942 г. в тыл врага было направлено 175 диверсионных групп общей численностью 2077 человек). В тыл противника засылались как отдельные патриоты и группы для ведения разведывательной, диверсионной, организаторской и агитационной работы, так и целые партизанские отряды. Например, в мае 1942 г. в тыл врага (на территорию оккупированной Белорусской ССР) было направлено 12 партизанских отрядов общей численностью около 600 человек.

На первом этапе партизанское движение в значительной степени страдало от неподготовленности к ведению борьбы в зимних условиях. В результате многие партизанские отряды были вынуждены прекратить боевую деятельность и временно расформироваться, чтобы перезимовать в населенных пунктах. Также на этом этапе четко прослеживается стремление многих отрядов и групп уйти на соединение с регулярной армией, что нередко и случалось, ослабляя партизанское движение. Характерной для всех этапов является недостаточная военно-специальная подготовка партизан, большинство которых до вступления в ряды сопротивления были мирными гражданами.

Структура партизанских формирований имела две достаточно четко прослеживаемые тенденции. Во-первых, она тяготела к структуре регулярных воинских формирований. Это во многом обуславливалось участием в партизанской борьбе военнослужащих Красной армии и войск НКВД. Во-вторых, не было какой-то строго определенной структуры, единой для всех. В каждом конкретном случае она устанавливалась с учетом сложившейся обстановки. Тем не менее можно выделить общее, что было характерным для большинства партизанских формирований.

Уже на первом этапе борьбы партизанские отряды подразделялись на роты, взводы, отделения. Существовали штаб, санитарные, хозяйственные и разведывательные подразделения. Увеличение численности отрядов (весной и летом 1942 г. во многих отрядах насчитывалось по 150–200 и более человек), разнообразие решаемых задач и качественное улучшение вооружения неминуемо потребовало совершенствования структуры отрядов. Поэтому весной 1942 г. были созданы партизанские бригады. Обычно они включали от 3–4 до 5–7 отрядов общей численностью от 300 до 800 человек.

На втором этапе, продолжавшемся с мая 1942 г. по осень 1943 г., партизанское движение по масштабам переросло во всенародную войну, которая характеризовалась наиболее полным и ярко выраженным развитием всех форм и видов борьбы против захватчиков, установлением

Штаб партизанского отряда за разработкой боевой операции

Вручение оружия молодым партизанам

прочных связей партизан с Красной армией. В это время намного увеличился численный и боевой состав партизанских сил, значительно улучшилось управление ими, прежде всего с использованием радио- и авиасвязи.

Для второго этапа партизанской борьбы было характерно преобразование ряда бригад в партизанские полки. Это было связано с тем, что разросшиеся количественно бригады теряли мобильность, становились плохо управляемыми. Наибольшего успеха достигали небольшие партизанские формирования, способные гибко реагировать на быстро меняющуюся обстановку. В ряде районов эту проблему решили путем разукрупнения бригад (создания на базе одной бригады двух, а то и трех).

Более высокой формой объединения партизанских сил явились соединения. В отличие от бригад, также представлявших собой соединения, эти формирования объединяли в своем составе не только отдельные отряды, но и бригады, полки и иные партизанские формирования меньшего масштаба. Они, в частности, выполняли задачи по обороне партизанских зон. Примером может служить созданное в 1942 г. в Белоруссии Минско-Полесское партизанское соединение, включавшее в себя 25 отрядов общей численностью примерно 4 тыс. человек. Соединение предусматривало наличие единого руководящего органа, которому строго подчинялись формирования, входящие в него. Вместе с тем эти формирования обладали высокой степенью самостоятельности и, как правило, действовали отдельно. В случае же необходимости концентрации сил для отпора карателям или нанесения массированного

Немецкий карательный отряд поджигает дома в белорусской деревне

удара по коммуникациям противника они объединялись под командой штаба соединения. Если же обстановка складывалась неблагоприятно для партизан, то соединение имело возможность быстро покинуть занимаемый район и рассредоточиться на безопасной территории. Причем на любой срок, так как каждая бригада или отряд являлись самостоятельными боевыми единицами.

В Калининской области в 1942 г. некоторое время действовал даже партизанский корпус. В целом наиболее распространенным соединением партизанских отрядов являлась бригада, насчитывавшая от нескольких сотен до нескольких тысяч человек и включавшая от трех до пяти и более отрядов.

С 1942 г. в районах плотного скопления партизанских формирований они чаще всего сплачивались в территориальные соединения с общим оперативным руководством: оперативные группы (Брянские и Клетнянские леса, горы Крыма), областные штабы (Белоруссия, Украина) и другие. Боевая деятельность таких группировок выходила за рамки тактических задач¹⁷³.

Большую роль в развитии партизанского движения сыграл приказ народного комиссара обороны СССР от 5 сентября 1942 г. «О задачах партизанского движения». В нем была поставлена крайне важная политическая задача — вовлечь в партизанское движение широкие массы населения на временно оккупированной территории, чтобы партизанское движение стало всенародным.

В приказе определялись конкретные задачи партизанских отрядов и соединений: устраивать железнодорожные катастрофы, взрывать железнодорожные мосты, уничтожать вражеские гарнизоны, штабы и другие военные учреждения противника, охрану транспортов и складов, базы и склады вооружения, боеприпасов, продовольствия, линии связи, нападать на вражеские аэродромы, захватывать в плен или истреблять представителей фашистских оккупационных властей. Ставилась задача всемерного усиления разведывательной деятельности партизан в интересах Красной армии. Кроме того, приказ предусматривал усиление работы по патриотическому воспитанию населения, призывал воодушевлять и поднимать людей на борьбу с оккупантами¹⁷⁴.

14 ноября 1942 г. задачи партизанского движения были изложены в газете «Правда». Они стали программой дальнейшей активизации всенародной борьбы в тылу врага.

С осени 1942 г. основным источником пополнения боевых партизанских частей и соединений стали партизанские резервы. Это были жители населенных пунктов, которые изъявили желание принять участие в вооруженной борьбе, но продолжавшие жить в своих домах. Их сводили в специальные отряды, где они проходили обучение. Весной 1943 г. только на Украине, в Белоруссии, Ленинградской, Смоленской, Калининской и Орловской областях формирования партизанского резерва насчитывали более 1 млн 500 тыс. человек¹⁷⁵.

В 1943 г. в западных и северо-западных областях России, в Белоруссии и на северо-западе Украины было проведено районирование партизанских формирований, то есть их закрепление за определенными территориями. Здесь они базировались, добывали себе пропитание и одежду (главным образом за счет местного населения), вели боевые действия с врагом. Это давало возможность защищать население от произвола оккупантов.

В ходе Курской битвы и общего наступления Красной армии было впервые достигнуто согласованное по времени и цели взаимодействие регулярных войск с крупными силами партизан. Рельсовые удары означали не только новый этап борьбы на коммуникациях врага, но и удачное использование партизанских сил в интересах наступающих фронтов.

Со вступлением Красной армии в западные регионы осенью — зимой 1943 г. начался третий, завершающий этап партизанского движения. Он закончился в 1944 г., когда Красная армия полностью освободила от оккупантов территорию СССР. Отличительной особенностью этого этапа являлось не только тесное взаимодействие партизан, подпольщиков с наступавшими войсками Красной армии, но и совместные с ними боевые действия по разгрому вражеских группировок, освобождению городов и районов. На данном этапе ряд партизанских отрядов и бригад в целях обеспечения более тесного взаимодействия и проведения совместных операций сводился в военно-оперативные группы.

В тылу войск фашистской группы армий «Север». Партизанская атака

Прощание с матерью перед уходом в партизанский отряд

Опыт Великой Отечественной войны показал, что именно диверсия была наиболее эффективным способом партизанских действий. Диверсии позволяли, не входя в соприкосновение с врагом, наносить ему ощутимый урон в личном составе и технике. Особое значение придавалось ударам по коммуникациям, в первую очередь по железнодорожным, с целью срыва перевозок войск и техники противника, недопущения увоза в Германию награбленных врагом ценностей, имущества. Наряду с партизанскими силами на коммуникациях захватчиков бесстрашно действовали сотни небольших диверсионно-подрывных групп. Они пускали под откос воинские эшелоны, взрывали автомашины, мосты, уничтожали телефонно-телеграфные линии и узлы связи. 55% всех потерь в личном составе и свыше 75% в материальных средствах, которые оккупанты понесли от партизан¹⁷⁶, — это результат их воздействия на вражеские коммуникации. А всего с июня 1942 г. по февраль 1943 г., по неполным данным, партизаны истребили 25 генералов и других высших чинов оккупантов, 2616 офицеров, 274 627 солдат противника, произвели 2358 крушений воинских эшелонов, взорвали и сожгли 2072 железнодорожных и шоссейных моста, 425 складов и баз, уничтожили 504 танка и бронемашин, 183 самолета, 409 орудий и минометов, 5529 автомашин¹⁷⁷.

Партизаны нарушали снабженческие и оперативные перевозки врага, затрудняли ему маневр вдоль фронта и в глубину, срывали эвакуацию. Особенно результативной диверсионная деятельность партизан стала со второй половины 1942 г., то есть с момента создания централизованного руководства их движением, когда они начали получать из советского тыла специальную подрывную технику (мины мгновенного и замедленного действия с электрочасовыми или химическими взрывателями, портативные магнитные мины, различные колесные замыкатели, термитные боеприпасы и прочее). Этому способствовала и широкомасштабная подготовка бойцов диверсионных групп и отрядов как в советском тылу, так и непосредственно в партизанских формированиях. Согласно разработанному ЦШПД оперативному плану, утвержденному руководством страны, партизаны получили следующие задачи: «закрывать подвоз войск, вооружения и техники из пределов Германии и ее вассальных стран и вывоз в Германию награбленного советского имущества; систематически разрушать основные коммуникации противника; организация крушений, порча железнодорожных путей, подрыв мостов, уничтожение железнодорожных сооружений, разрушение автогужевых магистралей и мостов, нападения на автогужевой транспорт, уничтожение автотранспортных средств»¹⁷⁸.

1943 г. стал переломным не только в вооруженной борьбе на фронте, но и в тылу врага. Окрепшие партизанские формирования действовали непрерывно на всей оккупированной территории, они участвовали во всех крупных операциях Красной армии. Эти действия партизан, заранее спланированные и всесторонне обеспеченные по своему размаху, приобретали оперативно-стратегическое значение. Их проведение утверждалось Ставкой ВГК и тесно увязывалось с действиями советских фронтов и армий. Это такие операции, как «Рельсовая война», «Концерт», «Пустыня» и другие, которые были проведены в ходе Курской битвы и общего наступления Красной армии летом и осенью 1943 г.

Наиболее крупной являлась «Рельсовая война». В ней участвовало 167 партизанских отрядов и соединений (около 100 тыс. человек) Белоруссии, Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской областей РСФСР и частично Украины. Ее проведение было тесно увязано с планами Ставки ВГК по завершению разгрома вражеских войск в районе Курской дуги и развертывания общего наступления на советско-германском фронте. Руководство операций «Рельсовая война» на основе указаний Верховного главнокомандующего обеспечивал ЦШПД. Операция началась 3 августа 1943 г., когда войска Воронежского и Степного фронтов в Курской битве перешли в контрнаступление, и продолжалась вплоть до середины сентября 1943 г. Одновременно на фронте 1000 км и в глубину 750 км партизаны на закрепленных за каждым отрядом отдельных участках железнодорожных магистралей взрывали рельсы, мосты, пускали под откос эшелоны, уничтожали путевое хозяйство. В результате было разрушено 215 тыс. рельсов, что составляло 342 км однопутного железнодорожного пути, темп движения эшелонов снизился на 40%, многие транспортные артерии врага оказались парализованными. На перегонах и узловых станциях скопилось множество эшелонов,

которые не могли двигаться, так как ремонтные службы гитлеровцев не успевали устранять последствия партизанских диверсий. Все это вынудило противника переделывать двухпутные участки дорог на однопутные, ввозить рельсы из Польши и Германии¹⁷⁹.

В ходе наступления советских войск к Днепру был проведен второй этап операции, получившей кодовое название «Концерт». К операции подключились партизаны Западной Белоруссии, Прибалтики, Карелии и Крыма. В итоге двух партизанских операций с 3 августа по декабрь 1943 г. было подорвано 363 262 рельса (или 2270 км одноколейного железнодорожного пути)¹⁸⁰.

Командование корпуса охранных войск группы армий «Центр» в донесении от 31 августа 1943 г. сообщало: «Впервые проведена операция небывалых размеров по срыву немецкого подвоза путем планомерного и внезапного нарушения железнодорожного сообщения... Выступление сразу всех партизан еще раз свидетельствует о наличии твердого военного командования, которое ставит все более крупные задачи... Только за один месяц число взрывов увеличилось в 30 раз. Число столкновений, боев и нападений на войска возросло с 507 в июне и 830 в июле до 1102 в августе, т. е. почти вдвое за два месяца... все это... показывает, насколько обострилась обстановка»¹⁸¹.

Важнейшим видом борьбы партизан с оккупантами являлись операции по разгрому гарнизонов, полицейских участков и других опорных пунктов противника. По мере роста партизанского движения эта борьба приобретала все более широкие масштабы, ярко выраженный наступательный характер. Тысячи населенных пунктов, в том числе ряд районных центров, были очищены партизанами от оккупантов и их пособников. На освобожденной от врага территории создавались партизанские зоны, где восстанавливалась советская власть, находили защиту и спасение от нацистского террора сотни тысяч мирных граждан. К этим районам и краям примыкала обширная территория, которая находилась под постоянным боевым контролем партизанских формирований.

С развертыванием общего наступления Красной армии партизанские соединения начали применять такие формы действий, как рейды. В 1943 г. их глубина возросла: партизаны уходили за сотни и тысячи километров от мест своего прежнего базирования. Начало глубоким рейдам положили соединения под командованием С. А. Ковпака (пять отрядов, 1084 человека) и А. Н. Сабурова (шесть отрядов, 1628 человек). 26 октября 1942 г. они вышли из Брянских лесов на запад, за Днепр. Партизаны с боями прошли более 700 км по территории Сумской, Черниговской, Гомельской, Житомирской и части Киевской области и к 20 ноября вышли в запланированные районы. За время рейда партизаны подорвали 55 железнодорожных и шоссейных мостов, три электростанции, большое количество различных складов. За счет добровольного вступления местных жителей численность отрядов возросла с 2712 до 4228 человек¹⁸².

В 1943 г. количество партизанских рейдов увеличилось. К ним привлекались самые подготовленные формирования, имевшие значительный боевой опыт.

В ходе действий партизанских отрядов и соединений нередко образовывались партизанские края — полностью отвоєванные у оккупантов обширные территории или партизанские зоны, в которых оккупанты удерживали лишь часть населенных пунктов. Самые крупные партизанские края и зоны располагались на территории Ленинградской, Калининской, Орловской, Курской областей РСФСР, а также в Белоруссии, северных районах Украины и горной части Крыма. Первый партизанский край возник в октябре 1942 г. в Ленинградской области (11 тыс. кв. км, 400 деревень)¹⁸³. Осенью 1941 г. в Белоруссии были созданы три партизанские зоны¹⁸⁴. К концу 1943 г. 60% оккупированной территории Белоруссии находилось в руках партизан¹⁸⁵.

1943 г. стал переломным в вооруженной борьбе в тылу врага. Обогащенные боевым опытом, организационно и материально окрепшие партизанские формирования действовали уже непрерывно на всей оккупированной советской территории. Так, весной и в начале лета 1943 г. на Правобережной Украине было более 100 тыс., в Брянском партизанском крае — свыше 10 тыс. партизан. Партизаны участвовали во всех крупных операциях, проводимых

В партизанской разведке

Партизаны беседуют с жителями освобожденного от оккупантов села

Красной армией. Перед ними, как и перед войсками, ставились конкретные боевые задачи. Партизаны вносили существенный вклад в успех той или иной операции. Например, партизаны Калининской области в октябре 1943 г., продолжая выполнять операцию «Концерт», непосредственно взаимодействовали с наступающими войсками Калининского фронта, уничтожали мосты, блокировали дороги, громили колонны в ближайшем тылу немцев¹⁸⁶.

Фактически в тылу противника действовал еще один фронт — партизанский, наносивший огромный материальный и моральный урон врагу. Партизанская война, в конечном итоге, стала одним из решающих факторов победы.

В едином строю с партизанами в борьбе против оккупантов выступали подпольщики, действовавшие в городах и населенных пунктах на оккупированной врагом советской территории. Они в невероятно трудных условиях выполняли роль связных и разведчиков, проводили агитационно-политические мероприятия, направляли в партизанские отряды и бригады пополнение, а также оружие, боеприпасы, медикаменты, совершали смелые диверсионно-боевые действия на объектах врага, уничтожали германских солдат и офицеров.

С беспримерным мужеством и самоотверженностью боролись против немецких захватчиков, в частности, подпольщики и жители белорусской столицы — Минска. В сентябре 1943 г. подпольщики казнили наместника Гитлера в Белоруссии В. Кубе, виновного в уничтожении многих тысяч советских граждан.

Партизанская и подпольная борьба патриотов пользовалась всенародной поддержкой, и в этом заключалось одно из главных условий ее успеха. Местные жители повсеместно оказывали партизанам и подпольщикам большую материальную поддержку, в первую очередь продуктами питания, собирали и передавали им разведданные о противнике, были проводниками, связными, добывали оружие и боеприпасы, медикаменты, предоставляли свои квартиры для явок, участвовали в выполнении многочисленных работ для партизанских формирований, принимали непосредственное участие в боевых действиях против оккупантов. Сопrotивление населения проявлялось также в отказе выполнять работу на врага, в саботаже и срыве мер, предпринимаемых оккупационными властями.

Таким образом, вооруженная борьба партизан и подпольщиков органически переплеталась с героическим сопротивлением десятков и сотен тысяч мирных жителей, проявивших высокое сознание долга перед Родиной, готовых жертвовать ради нее всем, даже собственной жизнью.

Мужественная борьба советских партизан, а также подпольщиков основательно подрывала и дезорганизовывала тылы германских войск, тяжело сказывалась на моральном состоянии оккупантов. Враг, стремясь парализовать боевую деятельность советских патриотов, разгромить их основные силы, систематически посылал против партизан и населения карательные экспедиции (более ста крупных операций до декабря 1943 г.), часто снимая для этой цели крупные силы регулярных войск с фронта. За время войны партизаны отвлекли на себя до 10% действовавших на советско-германском фронте немецких войск¹⁸⁷. Было создано несколько специальных команд «егерей» — «охотников на партизан» численностью около 100 человек каждая. Как вспоминал один из них: «Измученные, грязные, неопрятные, в одежде наполовину гражданской и наполовину военной, они больше напоминали группу бандитов, чем отборное подразделение»¹⁸⁸. Для борьбы с партизанами (и поддерживавшими их местными жителями) в белорусских деревнях немцы активно использовали полицейские батальоны из Прибалтийских республик, которые были хорошо вооружены. Кроме винтовок и пулеметов они имели «автоматы, минометные батареи, артиллерию, во время боевых действий им придаются танкетки или бронемашины, разведывательная авиация, а иногда и бомбардировщики»¹⁸⁹. С 16 по 20 февраля 1943 г. в районе приграничных белорусских и латвийских деревень была проведена контрпартизанская операция «Зимнее волшебство». В ней участвовали восемь полицейских батальонов (большинство из них позднее составили Латышский легион СС), авиагруппа особого назначения и ряд других частей. На своем пути к партизанским базам каратели жгли деревни, убивали (нередко сжигали заживо) стариков, женщин и детей¹⁹⁰.

Несмотря на боевой опыт и превосходство в средствах вооруженной борьбы, враг оказался неспособным успешно противодействовать разнообразным формам борьбы советских патриотов. Творческая мысль партизан и подпольщиков, поддерживаемых населением, постоянно ставила врага перед новыми трудностями, преодоление которых не могли обеспечить ни военные уставы, ни приказы, ни инструкции германского командования. Немецкие захватчики, будучи не в силах справиться с растущим партизанским движением, направляли свои удары против населения — опоры и резерва партизан. Под видом борьбы с партизанами они жестоко расправлялись с мирными жителями, убивали и грабили их, угоняли на работы в Германию.

Гитлеровцы так и не смогли подавить партизанское движение на оккупированной советской территории. В 1943 г., по сравнению с 1942 г., партизаны подорвали в пять раз больше поездов, разгромили в пять раз больше гарнизонов, штабов и других военных объектов противника, уничтожили почти в четыре раза больше его живой силы. Партизаны и подпольщики были верными и надежными помощниками Красной армии. Это особенно ярко проявилось во время наступления советских войск, когда народные мстители вступали в непосредственное боевое взаимодействие с фронтовыми частями и соединениями и вместе с ними громили отступавшего врага. Партизаны помогали советским войскам форсировать водные рубежи, участвовали в штурме городов и укрепленных районов, срывали переброску вражеских резервов к линии фронта, не давали врагу организованно отступать, участвовали в ликвидации окруженных войск противника. Нередко партизанские отряды и бригады освобождали и удерживали до подхода частей Красной армии крупные населенные пункты и узлы дорог.

Широкомасштабная партизанская война, развернувшаяся на захваченной врагом советской земле, явилась серьезным вкладом в общее дело разгрома противника. Наивысшего подъема народная борьба в тылу врага достигла в конце 1943 — начале 1944 г. Несмотря на то что к концу второго периода войны Красная армия освободила значительную часть оккупированной территории, партизанское движение ширилось. Если в январе 1943 г. в партизанских отрядах, имевших связь с ЦШПД, сражались 120 тыс. человек, то к началу 1944 г. — уже около 250 тыс.¹⁹¹ В партизанских формированиях и подпольных организациях боролись против германских захватчиков представители различных национальностей СССР, а также антифашисты из стран Европы. Кроме того, советские граждане активно участвовали в движении Сопrotивления народов Франции, Италии, Греции и других европейских стран.

В 1941—1943 гг. всенародная борьба в тылу врага превратилась в важный фактор разгрома агрессора. Противник нес тяжелые потери не только на фронте, но и в своем тылу. В 1943 г. взаимодействие партизан с Красной армией стало планомерным и систематическим. Ослабляя немецкую военную машину, борьба в тылу врага способствовала изгнанию оккупантов с советской земли. Тысячи партизан были отмечены правительственными наградами.

Вклад специальной пропаганды в разгром вражеских группировок

В первом и втором периодах Великой Отечественной войны командование и политорганы советских вооруженных сил стремились максимально ослабить моральный дух войск противника, склонить их к сдаче в плен, организованной капитуляции. К решению этих задач привлекались силы и средства специальной пропаганды — информационно-психологического воздействия на противника.

Непосредственная организация политической работы по разложению неприятельских войск возлагалась на созданный в 1940 г. в составе Главного управления политической пропаганды РККА 7-й отдел по работе среди войск и населения противника. Первый опыт сотрудники отдела получили в ходе советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Часть сотру-

ников вела работу по разложению противника еще в период советско-японского военного конфликта в районе р. Халхин-Гол¹⁹².

С первых дней Московской битвы для воздействия на противника органы специальной пропаганды применяли листовки, агитационные передачи устного вещания. Темы передач и листовок были различные: «Известия с фронта», «Что происходит в Германии», «Позор для честного немца», «Судьба Наполеона и замерзших французских солдат 1812 года», «Как и Наполеон, Гитлер погубит здесь цвет немецкой нации». По свидетельству военнопленных, листовки и агитационные передачи угнетающе действовали на военнослужащих группы армий «Центр». Однако малоэффективным оказался обращенный к наступавшим немецким войскам призыв: «Стой. Здесь государство рабочих и крестьян!».

С началом контрнаступления под Москвой специальная пропаганда стала более решительной. В агитационных материалах, распространявшихся среди частей противника, говорилось о крушении гитлеровского блицкрига и развенчании мифа о «непобедимости германской армии». Одна из листовок называлась: «Под Москвой начался разгром гитлеровской армии». В ней приводились факты разгрома немецких частей под Тулой, Наро-Фоминском, Калинином, Клином и Сталиногорском и содержались призывы бросать оружие и сдаваться в плен¹⁹³.

В ходе битвы под Москвой родилась новая форма — листовка-приказ, обязанная своим происхождением командующему Западным фронтом Г. К. Жукову. Он лично написал приказ войскам фронта: «Немедленно принимать на свою сторону добровольно сложивших оружие и отказавшихся драться против частей Красной армии немецких солдат и офицеров, хорошо их накормить, одеть и, не задерживая, отправлять в глубь страны». Вторым пунктом объявлялось: считать «настоящий приказ пропуском через линию фронта для неограниченного количества пленных». Листовка-приказ была напечатана на немецком и русском языках тиражом 800 тыс. экземпляров и распространена среди вражеских войск.

Агитация о сдаче в плен среди частей немецкой армии «Центр» оказывала сильное воздействие на солдат противника. Об успехах специальной пропаганды свидетельствует появление приказа верховного командования вооруженных сил Германии, подписанного генералом А. Йодлем 10 декабря 1941 г. «О борьбе с вражеской пропагандой». В нем, в частности, требовалось «борьбу с вражеской пропагандой вести также решительно, как и борьбу с иными видами оружия». «Беспрекословное выполнение приказов о борьбе с вражеской пропагандой является такой же предпосылкой к победе, как и выполнение любого приказа командования»¹⁹⁴ — такими словами заканчивается этот документ. В дополнение к этому германское командование издало для солдат специальную памятку «10 заповедей против вражеской пропаганды»¹⁹⁵.

Московская битва отрезвила многих солдат и офицеров немецкой армии. Об этом свидетельствовали и солдатские письма, попавшие в аппарат специальной пропаганды в качестве трофеев. В них недовольство войной к январю 1942 г. выражали 77% респондентов (в августе 1941 г. — 18,5%)¹⁹⁶. Иным становилось и отношение немцев к советской специальной пропаганде. К примеру, пленный фельдфебель 55-го пехотного полка 17-й пехотной дивизии на допросе рассказал: «В начале войны солдаты смеялись над вашими листовками. Теперь они их ищут и жадно читают, так как только из них узнают правду о событиях на фронте, о положении в Германии, о международных новостях. Солдаты не раз убеждались, что все написанное в них правильно»¹⁹⁷.

В марте 1942 г. Главное политическое управление РККА обобщило опыт оперативной спецпропаганды, проводимой политорганами Западного фронта, и издало директиву, в которой потребовало активизировать политическую работу среди войск и населения противника как на передовой, так и за линией фронта.

В Сталинградской битве непосредственными организаторами и исполнителями спецпропагандистских мероприятий являлись 7-е отделы фронтовых политуправлений, а также 7-е отделения политотделов армий, корпусов, старшие инструкторы политотделов дивизий по специальной пропаганде.

Аппарат специальной пропаганды был к тому времени укомплектован опытными политическими работниками, профессиональными журналистами, писателями, художниками, учеными и переводчиками, владеющими немецким, румынским, итальянским и венгерским языками. Так, начальником 7-го отдела Сталинградского фронта являлся полковник С. И. Тюльпанов, ученый-германист, свободно владевший немецким языком, возглавлявший до этого 7-й отдел Ленинградского фронта.

Основная работа на передовой проводилась 7-ми отделениями армий, в штате которых состояли 28 человек: начальник отделения, старший инструктор, инструктор по выпуску листовок, 2–3 переводчика, начальник мощной громкоговорящей установки, походная типография (наборщики, художники-оформители), группа дикторов окопных громкоговорящих установок (МГУ), группа распространителей листовок.

В политотделах дивизий специальную пропаганду организовывал старший инструктор с помощью дикторов-рупористов и распространителей листовок. Техническая база спецпропаганды к началу Сталинградской битвы заметно укрепилась. Появились подвижные типографии, размещенные на двух автомобилях (на одном — печатная машина, на другом — типографские шрифты), новые мощные громкоговорящие установки с дальностью звуковещания до 2–3 километров, специальные рупоры с изогнутой конфигурацией для вещания из окопов, агитационные мины и агитационные снаряды, первые прототипы самолетных громкоговорящих установок.

Конкретные формы и методы информационно-пропагандистского и психологического воздействия на вражеские войска под Сталинградом анализировались и обобщались отделом специальной пропаганды Главного политического управления (ГлавПУ) РККА. Предложения по активизации этой работы, в том числе тезисы и аргументы нашей пропаганды, тексты общеполитических листовок, направленные на войска и население противника, утверждались Советом военно-политической пропаганды при Главном политическом управлении. Председателем Совета являлся секретарь ЦК ВКП(б) начальник ГлавПУ РККА А. С. Щербаков, членами — А. А. Жданов, Д. З. Мануильский, Е. М. Ярославский, И. В. Рогов, Г. Ф. Александров, Ф. Ф. Кузнецов. Д. З. Мануильский фактически возглавлял работу по специальной пропаганде. В период Сталинградской битвы он дважды выезжал на фронт для организации этой работы. Накопленный войсками опыт ведения специальной пропаганды публиковался в закрытых сборниках ГлавПУ РККА «Опыт работы», доводился до соединений и объединений в виде директив, указаний, информационных бюллетеней.

Среди форм агитационно-пропагандистского воздействия на войска противника первостепенными были разработка, издание и распространение листовок. Особым вниманием у вражеских войск пользовались официальные документы. В их числе было «Обращение командующих Сталинградским и Донским фронтами генералов А. И. Ерёменко и К. К. Рокоссовского от 30 ноября 1942 г. к войскам противника». В нем приводились точные данные о потерях немецких и румынских войск за первые восемь дней наступления Красной армии под Сталинградом, в результате которого 4-я танковая и 6-я полевая армии оказались в плотном кольце окружения. «Тот, кто сдаётся, — говорится в обращении, — перестаёт быть врагом». «У Вас есть выбор: жизнь или бессмысленная смерть!» После этого были отмечены случаи организованной сдачи в плен в составе взвода, роты, батальона.

Наиболее читаемыми в немецких, румынских, итальянских и венгерских частях были листовки: «Мертвые говорят живым», «Куда вы бежите, итальянцы?», «Немцы снова предали вас!», «Что произошло под Сталинградом?», «Уроки Сталинграда», «Плен — ваше спасение». Листовки распространялись с самолетов, артиллерийскими снарядами с листовками, фронтовыми разведчиками, партизанами, местными жителями, с помощью различных подручных средств (катапультами, воздушными шарами, на плотках по течению рек и т. п.). Силами Донского фронта было распространено 18,7 млн листовок среди окруженной вражеской группировки. Сталинградским фронтом в начале ноября было издано 1,68 млн листовок на немецком, 462 тыс. на итальянском и 840 тыс. на румынском языках.

Большим успехом в окруженных частях пользовались листовки-пропуска для сдачи в плен. Так, органами специальной пропаганды Юго-Западного фронта среди окруженных частей противника с 5 по 15 декабря 1942 г. было распространено 458 тыс. пропусков на итальянском и 232 тыс. на немецком языке. Вследствие этого с 16 по 23 декабря сдались в плен 54 тыс. итальянских и немецких солдат и офицеров, в том числе половина из них имела при себе пропуска¹⁹⁸.

Именно под Сталинградом возникла новая форма специальной пропаганды, связанная с предъявлением окруженным, блокированным войскам ультиматума советского командования через парламентеров. Ультиматумы производили сильный морально-психологический эффект на солдат противника и делали бессмысленным их дальнейшее сопротивление. Тексты обращений, ультиматумов, листовок и призывов также передавались через громкоговорящие установки и рупоры с переднего края. Заметное место среди средств информационно-психологического воздействия на врага занимала наглядная агитация, которая включала различные стенды с фронтовыми сводками, лозунгами-призывами, карикатурами на германское командование и отдельных командиров частей.

Практиковалось также выставление на переднем крае агитационных щитов с указанием маршрутов к «питательным и обогревательным пунктам» для пленных. Еще одной формой воздействия на войска противника явилось привлечение на Сталинградский фронт группы немецких антифашистов в составе видного деятеля германской компартии В. Ульбрихта, поэта Э. Вайнерта и писателя В. Бределя. Устные обращения через громкоговорящие установки патриотов-антифашистов придавали этой работе национальный колорит и эмоциональный характер. Они также активно участвовали в подготовке демократического актива из числа военнопленных и помогали устанавливать живую связь с немецкими солдатами, находящимися в котле. Чрезвычайно эффективной была организация обратного отпуска военнопленных в свои части с агитационными задачами. Несмотря на большую опасность для своей жизни, многие пленные соглашались вернуться в свои части, довести до сослуживцев правду о советском плене и побудить их поступить таким же образом: прекратить сопротивление и сдаться в плен. Так, в полосе Донского фронта после распространения в конце декабря 1942 г. ультиматума к немецкому командованию 330 немецких антифашистов были отпущены в свои подразделения в котел. И они не только успешно вернулись обратно, но и привели с собой свыше 3 тыс. солдат и офицеров¹⁹⁹.

Капитуляция немецких войск под Сталинградом активизировала политическую работу среди военнопленных с целью перевоспитания их в антивоенном и антифашистском духе, привития им дружеского отношения к советскому народу и Красной армии. Ставилась также задача вовлечения демократически настроенных солдат и офицеров в антифашистскую пропаганду среди войск противника и в лагерях военнопленных.

Советское командование в работе с военнопленными строго соблюдало международные соглашения. Еще 1 июля 1941 г. Совет народных комиссаров утвердил «Положение о военнопленных», в котором установил гарантию жизни пленных, порядок и правила содержания их в нашей стране. Верховный главнокомандующий в своем приказе № 55 от 23 февраля 1942 г. подтвердил: «Красная армия берет в плен немецких солдат и офицеров, если они сдаются в плен, и сохраняет им жизнь». Задачи по работе с военнопленными были определены в директиве Бюро военно-политической пропаганды в ноябре 1941 г. Они заключались в пробуждении у солдат противника классового сознания и воспитании их в антифашистском духе, создании среди них кадров, готовых и способных к борьбе против Гитлера и его «нового порядка» в Европе, к борьбе за уничтожение фашистской диктатуры в Германии и освобождение оккупированных фашистской Германией стран.

На Сталинградском, Донском и Юго-Западном фронтах были развернуты приемные пункты военнопленных и фронтовые пересыльные лагеря (позднее появились фронтовые школы демократического актива военнопленных). В них велась политическая работа среди военнопленных офицерами спецпропаганды, владевшими немецким, румынским и итальянским языками. В работе с пленными широко использовались такие формы работы, как печать

(книги, газеты, брошюры, листовки), радио- и кинопропаганда, занятия в кружках, лекции, школы и курсы. Большое значение для информационно-психологического воздействия на военнопленных имели их политические допросы. В ходе собеседования у многих пленных пробуждалось правильное понимание своих интересов в происходящей войне, многие из них изъявляли согласие публично выступить в печати, по радио и в листовках с осуждением войны и фашистского руководства Германии, призывами к своим сослуживцам прекращать войну, покидать фронт.

За время подготовки и проведения контрнаступательной операции под Сталинградом свыше 900 солдат и офицеров противника добровольно выступили через громкоговорящие установки с обращениями к своим сослуживцам, около 3 тыс. пленных написали письменные обращения, свыше 1,5 тыс. человек возвратились в свои части с агитационными задачами.

Индивидуальные допросы пленных дополнялись другой весьма результативной формой работы — групповыми беседами, собраниями и митингами с только что взятыми военнопленными. Так, офицеры спецпропаганды Донского фронта в ходе бесед рассказывали пленным румынским солдатам и офицерам о целях Советского Союза, ведущего справедливую, освободительную войну, раскрывали преступные цели фашизма, нацистского руководства Германии, показывали на конкретных примерах, как Гитлер грабит Румынию и истребляет ее народ. В результате уже из первых партий военнопленных сотни солдат и офицеров поставили свои подписи под обращениями к сослуживцам на фронте с призывами сложить оружие и переходить в плен к русским.

В декабре 1942 г. в лагере военнопленных Юго-Западного фронта собралось на митинг более 4 тыс. солдат и офицеров 8-й итальянской армии, которые единодушно скандировали «Долой войну!». Политорганы фронтов и армий в период боевых действий под Сталинградом проводили большую работу с военнопленными на сборных пунктах и во фронтовых пересыльных лагерях. Цель этой работы — вовлечение в пропагандистскую работу антифашистски настроенных солдат и офицеров для скорейшей капитуляции всей окруженной вражеской группировки²⁰⁰.

В ходе обороны Кавказа и последующих операций по его освобождению от немецких захватчиков специальная пропаганда обращалась к немецким и румынским солдатам и офицерам с учетом их национальных и социальных потребностей, интересов и идеалов. И результаты не замедлили сказаться. Широко использовались листовки, звуковое вещание, радиопередачи. Все это заставляло их задуматься и нередко сложить оружие и сдаться в плен.

Тематика листовок была различной: «Умный человек думает прежде всего о самом себе», «В русском плену им живется хорошо», «Письмо обер-ефрейтора Вебера», «Товарищам из 128-го пехотного полка 23-й танковой дивизии», «Вас хотят заставить воевать зимой!» и т. д. В этих листовках давались советы, как уклониться от участия в боевых действиях, рассказывалось, как в Красной армии относятся к военнопленным, как живут немецкие военнопленные в СССР, содержалась оперативная информация о положении на восточном фронте в целом и на том или ином направлении Северного Кавказа в частности.

В листовке «Письмо обер-ефрейтора 39-й роты связи 3-й танковой армии Б. Вернера» сообщалось: «Дорогие родители! 22 августа 1942 г. я попал в плен и чувствую себя здоровым и бодрым. Обращаются с военнопленными хорошо, солдаты и офицеры ко мне и моим товарищам относятся по-дружески. Не беспокойтесь обо мне, вашем сыне. После окончания войны мы сможем отпраздновать радостный день встречи. До встречи после войны. Желая Вам всего наилучшего. Ваш сын Бернгард»²⁰¹.

На оборотной стороне листовки были помещены фотографии Вернера в столовой, медпункте, при чтении книг с другими военнопленными, а также содержались призывы к немецким солдатам «кончать с войной, сдаваться в плен русским».

Листовку «Товарищам из 128-го пехотного полка 23-й танковой дивизии» написал пленный обер-лейтенант Ксавер Пелльманн, командир 7-й роты этого полка, который опроверг неправильные представления о советском плене и рекомендовал своим соотечественникам «не верить фашистской пропаганде и следовать его примеру».

Установка на передовой громкоговорящей аппаратуры для трансляции пропагандистских программ, предназначенных для немецких солдат

Загрузка самолета пропагандистскими материалами

Удачными являлись листовки, подготовленные Закавказским фронтом к солдатам 3-й горноегерской румынской пехотной дивизии, потерявшей в боях под Новороссийском восемь тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными. С этими листовками в руках сдались в плен свыше 300 военнослужащих-румын²⁰².

Не менее убедительной оказалась листовка к румынским солдатам 2-й горнострелковой дивизии. В ней содержались известные всему личному составу дивизии факты отсутствия зимнего обмундирования у румынских солдат, а также приказ начальника штаба подполковника Бэдеску от 1 сентября 1942 г. «О сбережении вещевого имущества», так как «государство не может больше ничего выслать на восточный фронт». Поэтому в листовке были призывы прекратить боевые действия, переходить на сторону Красной армии, а в противном случае, им грозит «замерзнуть в предгорьях Кавказа и найти могилу на советской земле». В качестве рекомендаций предлагалось «сдаться в плен, где будет хорошее питание, теплое обмундирование и гарантия сохранения жизни и возвращения домой по окончании войны».

Листовки распространялись в полосе Закавказского фронта с самолетов 8-й воздушной армии, артиллерийскими снарядами, агитмортирницами и ракетницами, разбрасывались с гор и возвышенностей, по воде (на плотках, в банках и бутылках), с использованием рогаток, пращей, арбалетов. Самым надежным способом считалась доставка листовок с помощью разведчиков, которые носили их в тыл врага. Использовались для распространения листовок и танки, которые прорывались через полосу обороны врага. Так, в одном из боев под Майкопом через люки прорвавшихся танков в глубине обороны противника было выброшено 45 тыс. листовок²⁰³. Широко использовалась в этих целях также разведывательная техника танковых частей: легкие танки, бронемашины, мотоциклы.

Особое место в содержании программ звуковещания отводилось оперативной информации о положении на восточном фронте, успехах Красной армии и поражениях фашистских войск, ситуации в Германии. В центре внимания находилась пропаганда героической обороны Сталинграда. «Красная армия перемалывает последние гитлеровские резервы» — таково название одной из звукопередач Северной группы войск Закавказского фронта. В ней говорилось о том, что только за период с 15 мая по 17 августа 1942 г. германская армия потеряла 1 млн 250 тыс. солдат и офицеров, из них более 480 тыс. убитыми²⁰⁴.

Наибольшей оперативностью отличались не фронтовые, а армейские программы звуковещания, основанные на фактах солдатской жизни, буднях отдельных частей и соединений. А учитывая дальность вещания через мощные громкоговорящие установки (МГУ) и звуковещательные станции до 2–3 км от переднего края и ширину охвата в 500–2000 метров в зависимости от погодных условий, основными объектами воздействия становились подразделения и части первого эшелона противника.

В одной из передач для немецких солдат и офицеров 23-й танковой дивизии, например, говорилось, что «командир их дивизии генерал-майор Бойнебург Ленгефельд, жадный до орденов, и его офицеры, также как и ваш командир полка, толстый полковник Бахман, бросили вас в безнадежную атаку, в которой погибло большинство однополчан»²⁰⁵. В другой передаче у микрофона выступал перебежчик обер-ефрейтор Карл Шинко из 5-й роты одного из полков той же дивизии, который опроверг жестокое обращение русских с немецкими военнопленными.

Активно использовались в звукопередачах через окопные громкоговорящие установки (ОГУ) и рупоры лозунги-призывы и лозунги-действия. В их числе наиболее часто употреблялись, например, такие: «Что вам нужно здесь, на Кавказе? Возвращайтесь к себе домой!»; «Не мы на вас напали, а вы — на нас. Не мы вторглись в вашу страну, а вы — в нашу!»; «Если вы хотите прекратить войну — откажитесь воевать дальше!»; «Румыны! Вас погнали на фронт, чтобы заменить убитых немцев. Не воюйте за бандита Гитлера. Переходите к русским! Будете жить по-человечески!»; «Румыны! Под ударами русских перестали существовать сотни немецких дивизий. Миллионы немцев похоронены в русской земле. Не воюйте за интересы своих врагов. Сдавайтесь в плен. Спасайте свою жизнь!»²⁰⁶.

Предпринимались также попытки применения звуковещательных станций типа ОГУ на самолетах У-2. Эти станции использовались одновременно с боевым бомбометанием и распространением листовок на врага. Это были первые попытки комплексного применения авиации в интересах пропагандистского и психологического воздействия. Самолеты применялись на малой скорости, вещание через ОГУ велось с высоты полета самолета 350–400 метров продолжительностью, как правило, 5–6 минут.

Еще одной эффективной формой психологического воздействия на противника на Кавказе являлась оперативная радиопропаганда. Учитывая, что в каждой немецкой дивизии имелось 20–25 радиостанций, то есть в эфире постоянно дежурило поочередно до 70 радиостов-слушателей, а перед фронтом армии их уже было несколько сотен, — передачи по радио представляли для них большой интерес.

Пропагандистские радиопередачи велись по станциям КВ-диапазона ежедневно на немецком и румынском языках по 10–14 раз в сутки и продолжительностью 20–25 минут каждая. С октября 1942 г. по март 1943 г. 7-м отделением политуправления Закавказского фронта было проведено 3196 передач, из которых 1444 — на немецком и 1752 — на румынском языке²⁰⁷.

Обычно такие радиопередачи включали: информацию о положении на советско-германском фронте (о прошедших боях, потерях противника, партизанском движении и его тылу, конкретных материалах о жизни и быте солдат частей, действующих на фронте, и т. п.); тексты о внутреннем положении в Германии и Румынии (содержание журнальных и газетных статей из этих стран, писем солдатам из дома); выдержки из писем военнопленных и выступления самих военнопленных; материалы дезинформационного и маскировочного характера.

В ходе оборонительных боев на Северном Кавказе успешно применялась и такая форма пропагандистского и психологического воздействия на противника, как наглядная агитация. Изготовление плакатов на немецком и румынском языках осуществлялось разборчивым шрифтом. Рисунки раскрашивались яркими цветами. Надписи под ними были краткие и крупные. Плакаты выставлялись на переднем крае на расстоянии 100–200 метров.

Плакаты, карикатуры, лозунги и призывы, как правило, охранялись разведчиками или минировались. Особо впечатляющими были карикатуры на Гитлера, Геббельса, Геринга, сделанные профессиональными художниками. Самыми действенными были карикатуры знаменитого художника Б. Ефимова.

Оригинальной формой наглядной агитации стали на Закавказском фронте выставляемые на передовой деревянные кресты с фамилиями убитых в боях солдат и офицеров вермахта. Такие наглядные символы действовали очень эффективно на психику сидящих в окопах немецких и румынских солдат.

Офицеры спецпропаганды соединений и объединений Закавказского фронта в своей работе значительное место отводили целенаправленному военно-политическому изучению противника, его морально-психологического потенциала, сильных и слабых сторон. В этих целях осуществлялось тесное взаимодействие с войсковой разведкой. В каждой дивизии, корпусе, армии и во фронтовом звене спецпропагандисты вели анкеты на командный состав и формуляры на все отдельные части немецкой группы армий «А». Бланки формуляров и анкет отпечатывались типографским способом и имели формализованный вид.

Кроме того, на Закавказском фронте были составлены схемы организации каждой танковой и пехотной дивизии противника с указанием званий и фамилий всех командиров частей и подразделений, источника сведений и даты записи. Такая схема давала возможность более квалифицированно разрабатывать материалы пропагандистского и психологического воздействия на неприятеля. Слово, которое адресовывалось конкретным солдатам и офицерам, должно было быть правдивым и понятным. Поэтому все данные проверялись на достоверность и оперативность.

Нельзя не упомянуть и еще одну специфическую форму пропагандистского и психологического воздействия на противника, применявшуюся войсками Закавказского фронта. Это была посылка парламентариев и предъявление ультиматумов окруженным частям германских войск. Офицеры специальной пропаганды готовили тексты обращений и ультиматумов к

этим частям, печатали их типографским способом для заброски в окруженные части. Кроме того, эти тексты передавались через громкоговорящие установки или с помощью рупоров.

Так, обращаясь к окруженным войскам противника в районе Миллерово, офицеры специальной пропаганды зачитывали тексты обращения советского командования и называли время выхода парламентариев для проведения переговоров с их командирами и вручения им ультиматума. 21 ноября 1942 г. парламентарий старший лейтенант Балашов добился встречи с командиром 6-й румынской дивизии генералом Ласкером, убедил его принять наш ультиматум о капитуляции и сложить оружие²⁰⁸.

Особое значение имела специальная пропаганда на Ленинградском фронте. Политическая работа по разложению войск противника велась в труднейших блокадных условиях. Она осуществлялась политорганами войск Ленинградского фронта и Балтийского флота против немецкой группы армий «Север», финских войск на Карельском перешейке, а также национальных контингентов государств — союзников Германии, входивших в состав войск вермахта.

После прорыва блокады Ленинграда аппарат специальной пропаганды сосредоточил свое внимание на разъяснении солдатам и офицерам противника новой обстановки, сложившейся на восточном фронте в целом, в том числе и под Ленинградом, все активнее привлекал военнопленных к этой работе.

Политическая работа среди войск немецких групп армий «Центр» и «Юг», действовавших в районе Курской дуги, осуществлялась оперативной группой отдела специальной пропаганды Главного политического управления РККА. Было установлено тесное взаимодействие между 7-ми отделами политуправлений Центрального, Степного, Воронежского и Брянского фронтов, 7-ми отделениями политотделов входивших в них армий. Они получали последние данные о соединениях и частях противника, дополнительные технические средства пропаганды и агитации, агитационные материалы. В составе этой группы, руководимой заместителем начальника Главного политического управления РККА генералом И. В. Шикиным, были пленные генералы-антифашисты Зейдлиц, Даниельс, Корфес, которые постоянно выезжали на все фронты в районе Курской дуги.

В пропагандистских материалах говорилось об успехах Красной армии и крушении летнего наступления немцев. 7-е отделы политуправлений фронтов с первых дней германского наступления на орловско-курском и белгородско-курском направлениях широко информировали вражеских солдат о действительном положении на фронте: больших потерях немцев, стойком сопротивлении частей и соединений Красной армии, их успешном переходе в контрнаступление и одерживаемых ими победах. Эта информация доводилась путем издания сообщений Совинформбюро, приказов Ставки ВГК, листовок, подготовленных в ГлавПУ РККА, на фронтах и в армиях.

В числе изданных отделом специальной пропаганды Главного политического управления РККА 15–27 июля 1943 г. и распространявшихся в районе Курской дуги наиболее характерными были листовки «Под Курском похоронены иллюзии немецких солдат» и «Нет больше лета у немецкой армии!», в которых впервые обращалось внимание на наступившее военно-техническое превосходство Красной армии. Вот выдержка из одной листовки: «Вы надеялись на лето. Сейчас ваши надежды на лето рухнули... Вы надеялись на новое оружие. Но «тигры» и «фердинанды» оказались неспособными пробить русскую оборону, а наше русское оружие уничтожает их»²⁰⁹. Листовка политуправления Центрального фронта «Рекламный «тигр» доктора Геббельса», проиллюстрированная эффектным снимком, рассеивала иллюзии, связанные с «новым оружием»²¹⁰.

Пользовались успехом у солдат противника листовки, в которых содержались примеры сдачи в плен немецких военнослужащих, особенно групп, отдельных подразделений и частей. Так, многие пленные имели при себе листовки «Сдавшиеся под Белгородом», изданные Воронежским фронтом еще в разгар боев, с именованным списком немецких солдат и офицеров, находившихся в советском плену. Эта простая и доходчивая, лишенная навязчивости форма агитации сдачи в плен действовала очень эффективно²¹¹.

Используя опыт Сталинградской битвы, в армиях первого эшелона (13, 6, 40, 7-й гвардейской) были сформированы специальные пропагандистские группы, уделявшие главное внимание разъяснениям неприятелю его растущих потерь и неизбежности гибели. В состав таких групп входили офицеры спецпропаганды, пленные и перебежчики, соответствующие технические средства. Так, специальная группа политотдела 13-й армии по несколько раз в день через громкоговорящие установки, в листовках, в наглядной агитации информировала вражеских солдат о положении на советско-германском фронте, о «кровавой цене» их наступления. В листовке «Первые итоги» приводились потери противника в полосе только одного, Центрального фронта: 42 тыс. убитых, 800 разбитых и сгоревших танков.

Из фронтовых отделов специальной пропаганды выделялся 7-й отдел политуправления Западного фронта, который возглавлял полковник И. И. Никифоров. Севернее Орла он направил оперативную группу в составе заместителя начальника отдела, инструктора отдела, инструктора-литератора, художника и военнопленного-антифашиста. В ее распоряжении находились автомобильная типография с печатником-наборщиком и водителем, мощная громкоговорящая установка, звукозаписывающая станция и самолет У-2 с экипажами. Оперативная группа в период с 13 июля по 3 августа 1943 г. занималась сбором и обобщением информации о враге, выявлением особо важных объектов для информационно-пропагандистского воздействия, подготовкой материалов печатной и устной пропаганды, организацией издания и распространения листовок, проведением сеансов звукопередач на переднем крае противника.

Для воздействия на немецкие войска, действовавшие в районе северо-западнее Болхова, офицерами группы была подготовлена оперативная листовка «Вы в мешке» с картой-схемой окруженных частей врага. Листовка распространялась самолетами агитационной эскадрильи фронта. Всего в июле 1943 г. эскадрилья забросила в тыл противника 2 млн 144 тыс. листовок, которые были посвящены положению на фронте, окруженным частям, потерям противника, вопросам плена, провала наступления немцев на Курск, положению в Германии и Италии. Сотрудники оперативной группы активно работали с военнопленными и перебежчиками: проводили их опросы на пересыльных пунктах, писали вместе с ними письма на родину, привлекали к разработке листовок и передач устного вещания. По данным опросов было разработано 12 листовок, написано свыше 150 писем, заполнено 200 анкет о влиянии нашей пропаганды на политико-моральное состояние солдат и офицеров неприятеля²¹².

Другая оперативная группа работала в районе 11-й гвардейской армии. За несколько дней непрерывной агитации группе удалось склонить к сдаче в плен 627 немецких солдат и офицеров. А всего на сборном пункте армии скопилось почти 2000 пленных, в том числе 30 офицеров, 409 унтер-офицеров. Их анкетирование показало, что 98% из них читали советские листовки и слушали агитационные передачи.

Изучение реакции солдат и офицеров противника на наши пропагандистские материалы осуществлялось на поле боя с помощью средств наблюдения (стереотрубы, бинокли), разведчиками, а также при опросе перебежчиков и допросах военнопленных. Собранные наблюдения помогали корректировать разработку агитационных материалов.

Еще одной особенностью ведения специальной пропаганды на Курской дуге явилось широкое привлечение к этой работе немецких антифашистов из числа военнопленных. Ко времени начала Курской битвы в лагерях военнопленных среди немецких солдат и офицеров созревало антивоенное и антигитлеровское движение. Возникли и активно действовали группы, комитеты, советы антифашистов, которые стремились объединиться в одну организацию. В результате было создано патриотическое движение Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ) и Союз немецких офицеров (СНО). Президентом НКСГ стал поэт-антифашист Эрих Вайнерт, а президентом СНО — генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц, который был командиром 51-го армейского корпуса и предлагал фельдмаршалу Ф. Паулюсу капитулировать. В своей программе они ставили задачу свержения самими немцами гитлеровского режима, чтобы прекратить затеянную Гитлером захватническую войну. Кстати, сам Паулюс вступил в НКСГ в августе 1944 г. В своем обращении к германскому народу он писал:

«Германия должна устранить А. Гитлера и установить новое государственное руководство, которое закончит войну и создаст условия, обеспечивающие нашему народу дальнейшее существование и восстановление мирных и дружественных отношений с нашими нынешними противниками»²¹³.

Таким образом, специальная пропаганда в сражениях первого и второго периодов Великой Отечественной войны дополняла мощные удары войск Красной армии, способствовала разгрому вражеских группировок, их деморализации, активно влияла на солдат и офицеров противника, пробуждала у них желание порвать с преступным фашистским режимом, выйти из состояния войны и перейти как можно скорее к мирной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Военное искусство во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М., 1986. С. 183.
- ² Советская военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 8. М., 1980. С. 340.
- ³ Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М., 1970. С. 49, 52.
- ⁴ Там же. С. 63.
- ⁵ Развитие советского военного искусства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1978. С. 149.
- ⁶ Военно-исторический журнал. 1971. № 3. С. 33.
- ⁷ Инженерные войска Советской армии в важнейших операциях Великой Отечественной войны. М., 1958. С. 57.
- ⁸ Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 72.
- ⁹ Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк (далее — Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). В 4-х т. М., 1958. Т. 2. С. 220, 225.
- ¹⁰ Документы высших органов военного руководства по совершенствованию управления войсками в годы Великой Отечественной войны. М., 1989. С. 18–19.
- ¹¹ Советская военная энциклопедия. Т. 7. М., 1979. С. 638.
- ¹² Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 231–233.
- ¹³ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. М., 1996. Т. 16 (5-2). С. 33–35.
- ¹⁴ Боевой устав пехоты Красной армии. В 2-х ч. Ч. 2. М., 1942. С. 423.
- ¹⁵ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк (далее — ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне). М., 1962. Т. 3. С. 114, 575.
- ¹⁶ Боевая летопись Военно-морского флота. 1941–1942 гг. М., 1983. С. 116; ЦВМА. Ф. 9. Д. 6331. Л. 2–3; Ф. 9. Д. 1237. Л. 313.
- ¹⁷ Потери боевых кораблей и судов ВМФ в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1959. С. 327–338.
- ¹⁸ Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога. М., 1971. С. 78–79.
- ¹⁹ Военно-исторический журнал. 1964. № 1. С. 43.
- ²⁰ Пантелеев Ю. А. Морской фронт. М., 1965. С. 306.
- ²¹ ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 230–231.
- ²² Кузнецов Н. Г. Указ соч. С. 138.
- ²³ Трибуц В. Ф. Подводники Балтики атакуют. Л., 1963. С. 32–33, 48–49.
- ²⁴ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Band 2. Erster Halbband (далее — КТВ/ОКВ). Frankfurt a/M., 1963. S. 77.
- ²⁵ Цит. по: Дмитриев В. И. Атакуют подводники. М., 1973. С. 235–236.
- ²⁶ Цит. по: Трусов Г. М. Подводные лодки в русском и советском флоте. Л., 1957. С. 343.
- ²⁷ Морской сборник. 1968. № 12. С. 52; Военно-исторический журнал. 1973. № 1. С. 82.
- ²⁸ Козлов И. А., Шломин В. С. Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л., 1976. С. 236.

- ²⁹ ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 241.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 264.
- ³² ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 278.
- ³³ ЦВМА. Ф. 9. Д. 19047. Л. 345–355.
- ³⁴ ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 287.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Ачкасов В., Вайнер Б.* Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М., 1957. С. 191.
- ³⁷ Meister J. Der SeeKrieg in den osteuropaische Gewassern 1941–1945. München, 1958. S. 147.
- ³⁸ *Ачкасов В., Вайнер Б.* Указ. соч. С. 193.
- ³⁹ Морской атлас. М., 1966. Т. 3. Ч. 2. Описания к картам. С. 401.
- ⁴⁰ ЦВМА. Ф. 767. Оп. 2. Д. Л. 54.
- ⁴¹ Боевая летопись Военно-морского флота 1941–1945 гг. М., 1983. С. 32.
- ⁴² Военная история. М., 2009. С. 329.
- ⁴³ ЦВАМА. Ф. 11. Д. 117. Л. 34–36; Ф. 74. Д. 34934. Л. 433–437.
- ⁴⁴ Военная история. С. 329.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Боевая летопись Военно-морского флота 1941–1945 гг. С. 32.
- ⁴⁷ Там же. С. 61.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Боевая деятельность подводных лодок Военно-морского флота СССР в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. В 3-х т. М., 1969–1970. Т. 1. М., 1969. С. 127.
- ⁵⁰ Боевая летопись Военно-морского флота 1941–1945 гг. С. 61.
- ⁵¹ *Козлов И. А.* Боевые действия подводных лодок Военно-Морского флота СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 41.
- ⁵² ЦВМА. Ф. 3. Д. 6456. Л. 18; Ф. 112. Д. 6426. Л. 3–9.
- ⁵³ *Козлов И. А.* Боевые действия подводных лодок Военно-морского флота СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 41.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Боевой путь советского Военно-морского флота. 2-е изд. М., 1967. С. 139.
- ⁵⁷ *Козлов И. А.* Боевые действия подводных лодок Военно-Морского флота СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 84.
- ⁵⁸ Боевая деятельность авиации ВМФ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Ч. 1. М., 1963. С. 190.
- ⁵⁹ *Козлов И. А.* Действия Северного флота на морских коммуникациях в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. С. 89.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ ЦВМА. Ф. 11. Д. 17814/6. Л. 72а.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. Д. 6487. Л. 105 об.
- ⁶⁴ Там же. Д. 69. Л. 16; Д. 265. Л. 4.
- ⁶⁵ ЦВМА. Ф. 12. Д. 20363. Л. 107–109.
- ⁶⁶ Военно-исторический журнал. 1972. № 4. С. 20.
- ⁶⁷ ЦВМА. Ф. 12. 95. Л. 29–30.
- ⁶⁸ Военно-исторический журнал. 1972. № 4. С. 20.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ ЦВМА. Ф. 12. Д. 35957. Л. 347, 372.
- ⁷¹ *Пузырев В. П.* Беломорская флотилия в Великой Отечественной войне. М., 1981. С. 142.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ ЦВМА. Ф. 12. Д. 35957. Л. 347, 372.

- ⁷⁴ Пузырев В. П. Указ. соч. С. 146–147.
- ⁷⁵ Роскилл С. Флот и война. М., 1970. Т. 2. С. 122.
- ⁷⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6-ти т. М., 1961. Т. 2. С. 468.
- ⁷⁷ ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 1. С. 251.
- ⁷⁸ Военная история. С. 334.
- ⁷⁹ Ирвинг Д. Разгром конвоя PQ-17. М., 1971. С. 5.
- ⁸⁰ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976. Т. 1. С. 109–110.
- ⁸¹ Роскилл С. Указ. соч. Т. 2. С. 132.
- ⁸² Там же. С. 133.
- ⁸³ ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 295.
- ⁸⁴ Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия Российского флота. 1941–1945 гг. М., 2005. С. 503–504.
- ⁸⁵ Золотарев В. А., Козлов И. А. Указ соч. С. 504.
- ⁸⁶ ЦВМА. Ф. 10. Д. 33579. Л. 71.
- ⁸⁷ Там же. Д. 738. Л. 46.
- ⁸⁸ Там же. Д. 33579. Л. 71.
- ⁸⁹ ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 2. М., 2005. С. 272.
- ⁹⁰ Золотарев В. А., Козлов И. А. Указ соч. С. 509–510.
- ⁹¹ Конради Д. Военно-морской флот Германии на Черном море / Пер. с нем. Л., 1956. С. 9.
- ⁹² ЦВМА. Ф. 10. Д. 32853. Л. 22.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 313.
- ⁹⁵ ЦВМА. Ф. 10. Д. 3262. Л. 82. Д. 3256. Л. 231.
- ⁹⁶ Золотарев В. А., Козлов И. А. Указ соч. С. 516.
- ⁹⁷ ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 317–318.
- ⁹⁸ Там же. С. 327.
- ⁹⁹ Денисов Б. А. Использование мин Военно-морским флотом СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1955. С. 206.
- ¹⁰⁰ ЦВМА. Ф. 10. Д. 17997. Л. 376.
- ¹⁰¹ ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 331.
- ¹⁰² Денисов Б. А. Указ. соч. С. 239–245.
- ¹⁰³ Конради Д. Указ. соч. С. 11.
- ¹⁰⁴ ВМФ Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 2. С. 351.
- ¹⁰⁵ Мировая война 1939–1945 гг. М., 1957. С. 472.
- ¹⁰⁶ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 30802. Д. 8. Л. 1–2, 26–27.
- ¹⁰⁷ Там же. Ф. 346. Оп. 52133. Д. 1. Л. 212–219.
- ¹⁰⁸ Там же. Ф. 35. Оп. 11290. Д. 146. Л. 63.
- ¹⁰⁹ Кожневников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 83, 84, 86.
- ¹¹⁰ ЦАМО. Ф. 290. Оп. 3284. Д. 1. Л. 15.
- ¹¹¹ Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (далее — Советские ВВС в Великой Отечественной войне). М., 1968. С. 136.
- ¹¹² Тимохович И. В. Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М., 1976. С. 38.
- ¹¹³ Корец Л. Б. Советские Военно-воздушные силы в битве под Сталинградом. М., 1959. С. 202.
- ¹¹⁴ Дёрр Г. Поход на Сталинград / Пер. с нем. М., 1957. С. 117.
- ¹¹⁵ Корец Л. Б. Указ. соч. С. 262.
- ¹¹⁶ Советские ВВС в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1968. С. 122–123.
- ¹¹⁷ ЦАМО. Ф. 319. Оп. 4798. Д. 70. Л. 9.
- ¹¹⁸ Тимохович И. В. Указ. соч. С. 75.
- ¹¹⁹ ЦАМО. Ф. 319. Оп. 4798. Д. 70. Л. 79.

- ¹²⁰ Тимохович И. В. Указ. соч. С. 45.
- ¹²¹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 год. М., 1996. Т. 16 (5-3). С. 137.
- ¹²² Кожевников М. Н. Указ. соч. С. 129.
- ¹²³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. М., 2011. Т. 1. С. 649.
- ¹²⁴ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 807. Л. 89–90.
- ¹²⁵ Там же. Ф. 346. Оп. 138741. Д. 2. Д. 128.
- ¹²⁶ Тимохович И. В. Указ. соч. С. 51.
- ¹²⁷ Брофи А. Военно-воздушные силы США / Пер. с англ. М., 1957. С. 76–79.
- ¹²⁸ Типпельскирх К. История Второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956. С. 484.
- ¹²⁹ ЦАМО. Ф. 72. Оп. 34961. Д. 54. Л. 7.
- ¹³⁰ Комаров Н. Я. Государственный Комитет Обороны постановляет. М., 1990. С. 59–63.
- ¹³¹ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 47. Л. 14–16.
- ¹³² Там же. Ф. 2. Оп. 5437. Д. 6. Л. 94.
- ¹³³ Там же. Д. 1. Л. 373.
- ¹³⁴ Там же. Д. 16. Л. 107–108.
- ¹³⁵ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 5437. Д. 16. Л. 115.
- ¹³⁶ Противовоздушная оборона войск в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1973. Кн. 1. С. 99.
- ¹³⁷ Светлишин Н. А. Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. М., 1979. С. 86.
- ¹³⁸ Противовоздушная оборона страны (1914–1995). М., 1998. С. 127.
- ¹³⁹ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 1. Л. 359.
- ¹⁴⁰ Вестник противовоздушной обороны. 1977. № 10. С. 88.
- ¹⁴¹ ЦАМО. Ф. 13664. Оп. 20034. Д. 11. Л. 50; Ф. 13670. Оп. 20036. Д. 3. Л. 9.
- ¹⁴² Там же. Ф. 13614. Оп. 20317. Д. 3. Л. 1.
- ¹⁴³ Там же. Ф. 1361. Оп. 20315. Д. 14. Л. 54.
- ¹⁴⁴ Противовоздушная оборона страны (1914–1995). С. 147.
- ¹⁴⁵ ЦАМО. Ф. 72. Оп. 12310. Д. 1359. Л. 96–101.
- ¹⁴⁶ Там же. Оп. 12278. Д. 1. Л. 25.
- ¹⁴⁷ Противовоздушная оборона страны (1914–1995). С. 158–169.
- ¹⁴⁸ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 129. Л. 58–62.
- ¹⁴⁹ ЦАМО. Ф. 13612. Оп. 20307. Д. 9. Л. 43–45.
- ¹⁵⁰ Противовоздушная оборона страны (1914–1995). С. 149.
- ¹⁵¹ Там же. С. 150–152.
- ¹⁵² ЦАМО. Ф. 13612. Оп. 20307. Д. 9. Л. 46, 69–70.
- ¹⁵³ Там же. Л. 45–46.
- ¹⁵⁴ Там же. Ф. 13616. Оп. 20325. Д. 12. Л. 61.
- ¹⁵⁵ Там же. Оп. 20327. Д. 3. Л. 1–3.
- ¹⁵⁶ Строчак Т. А. Наш позивний — свобода. Киев, 1978. С. 152.
- ¹⁵⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. М., 2011. Т. 1. С. 420.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Цит. по: Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944). 2-е изд., доп. М., 1968. С. 89.
- ¹⁶⁰ Хартфельд В. Одинокие воины. М., 2012. С. 10.
- ¹⁶¹ Мельничук Е. Б., Стогний Д. Ю., Ефимов А. В. Германское «сверхоружие» под Севастополем. Хроника 1942 г. Москва — Крым: Историко-публицистический альманах. М., 2000. С. 278, 279.
- ¹⁶² Виниченко М. В. Коварный удар из-под земли. М., 2010. С. 242.
- ¹⁶³ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 4. С. 137.
- ¹⁶⁴ Российский государственный архив социально-политических источников (далее — РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 795. Л. 4.
- ¹⁶⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 138.

- ¹⁶⁶ «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 103–107.
- ¹⁶⁷ *Безыменский Л.* Разгаданные тайны Третьего рейха. Книга не только о прошлом. М., 1981. С. 272, 273.
- ¹⁶⁸ Трагедия белорусских деревень. Минск — Москва, 2011. С. 137.
- ¹⁶⁹ Мировые войны XX века. В 4-х кн. М., 2005. Кн. 3. С. 424.
- ¹⁷⁰ *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 гг. М., 1986. С. 36–67; Партизанское движение. По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2001. С. 33–34.
- ¹⁷¹ Беларусь в годы Великой Отечественной войны: уроки истории и современность. Материалы Международной научной конференции, посвященной 60-й годовщине освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (Минск, 29–30 июня 2004 г.). Минск, 2004. С. 154.
- ¹⁷² Партизанское движение. По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 75.
- ¹⁷³ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 135.
- ¹⁷⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны. 22 июня 1941–1942 г. М., 1997. Т. 13 (2-2). С. 291–294.
- ¹⁷⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 136.
- ¹⁷⁶ Война в тылу врага: О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1974. Вып. 1. С. 222.
- ¹⁷⁷ Партизанское движение. По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 155.
- ¹⁷⁸ Цит.: *Дюков А. Р.* Кто командовал советскими партизанами. М., 2012. С. 134.
- ¹⁷⁹ Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 432.
- ¹⁸⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1998. Кн. 2. С. 343.
- ¹⁸¹ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. переводов. Д. 46. Л. 101.
- ¹⁸² Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. В 3-х т. Киев, 1975. Т. 1. С. 512.
- ¹⁸³ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 145.
- ¹⁸⁴ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. Минск, 1984. Т. 2. С. 419–420.
- ¹⁸⁵ *Пономаренко П. К.* Указ соч. С. 127.
- ¹⁸⁶ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 845х. Л. 1.
- ¹⁸⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 2010. С. 447.
- ¹⁸⁸ *Хартфельд В.* Указ. соч. С. 15.
- ¹⁸⁹ «Уничтожить как можно больше...» М., 2009. С. 117.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 124–125, 128, 269–270.
- ¹⁹¹ *Пономаренко П. К.* Указ. соч. С. 132.
- ¹⁹² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. М., 2012. Т. 2. С. 708–712.
- ¹⁹³ Оружием правды. Листовки к войскам и населению противника, изданные политорганами Советской армии и Военно-морского флота во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1971. С. 50.
- ¹⁹⁴ ЦХИДК. Ф. 545. Оп. 2. Д. 34. Л. 1.
- ¹⁹⁵ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 515185. Д. 47. Л. 80.
- ¹⁹⁶ Там же. Оп. 542139. Д. 1. Л. 29–30.
- ¹⁹⁷ Там же. Оп. 11306. Д. 110. Л. 84.
- ¹⁹⁸ Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 2010. С. 571.
- ¹⁹⁹ Сталинградская битва. Энциклопедия. Волгоград, 2009. С. 358.
- ²⁰⁰ Опыт работы. Бюллетень № 4. М.: ГлавПУ Вооруженных сил СССР. 1946. С. 34–36.
- ²⁰¹ Опыт работы Главного политуправления Вооруженных сил СССР. 7-е управление. М.: ГлавПУ Вооруженных сил СССР. 1950. № 2. С. 21.
- ²⁰² Там же. С. 37.
- ²⁰³ Там же. № 3. С. 73.

- ²⁰⁴ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 9. Л. 98.
- ²⁰⁵ Опыт работы Главного политуправления Вооруженных сил СССР. 7-е управление. № 3. С. 34.
- ²⁰⁶ Там же. № 2. С. 22.
- ²⁰⁷ Там же. С. 23.
- ²⁰⁸ Там же.
- ²⁰⁹ Оружием правды. Листовки к войскам и населению противника, изданные политорганами Советской армии и Военно-морского флота во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 180–182.
- ²¹⁰ *Буцев М. И.* Прозрение. М., 1981. С. 176.
- ²¹¹ Опыт работы среди войск противника. Бюллетень № 7. С. 26–27, 36.
- ²¹² Там же. С. 5–9.
- ²¹³ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 88. Л. 201.